

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. М.А. ШОЛОХОВА

В.И. ОВСЯННИКОВ

**МАССОВЫЕ ДВИЖЕНИЯ НАРОДОВ АЗИИ:
ПОИСК БУДУЩЕГО В ПРОШЛОМ
(СЕРЕДИНА XIX В.)**

КУРС ЛЕКЦИЙ

Москва
Редакционно-издательский центр
2015

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)5я73
О 34

Овсянников В.И. Массовые движения народов Азии: поиск будущего в прошлом (середина XIX в.): Курс лекций. – М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2015. – 231 стр.

Курс лекций продолжает серию публикаций Заслуженного работника высшей школы, почетного профессора МГГУ им. М.А. Шолохова В.И. Овсянникова, начатую книгой «История стран Азии в эпоху колониализма» (2014). Настоящее издание посвящено важнейшим последствиям колониальной агрессии – массовым движениям народов Азии, которые традиционно классифицируются как антифеодальные и национально-освободительные. Эти движения показаны на примере крестьянской войны тайпинов в Китае и восстания 1857–1859 гг. в Индии.

Автор отстаивает мысль о том, что эти и другие движения первой половины XIX в. были вызваны переходом колонизаторов к новым формам и методам эксплуатации, присущим промышленному капитализму.

Лекции отличает широкое привлечение документов, материалов современников и участников событий. Приведённые в лекциях источники удачно дополняют картину событий, о которых сообщается в учебниках. Использование дидактического дизайна текста помогает читателю самостоятельно и вдумчиво осмыслить основные события противодействия народов Азии несправедливостям, переполнившим их жизнь.

Рецензенты:

Родригес А.М., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории МПГУ;

Жиряков И.Г., доктор исторических наук, профессор.

ISBN 978-5-8288-1598-2

© Овсянников В.И., 2015.

© Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова, 2015.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	5
ВВОДНАЯ ЛЕКЦИЯ	
Колониальная политика европейских держав и ее социально-экономические последствия для стран Азии в оценке К. Маркса и Ф. Энгельса	7
РАЗДЕЛ I.	
«ТАЙПИН ТЯНЬГО» ИЛИ УТОПИЯ «КРЕСТЬЯНСКОГО КОММУНИЗМА»	29
ЛЕКЦИЯ I.1.	
Социальный смысл программных установок тайпинов и цели их борьбы	29
ЛЕКЦИЯ 1.2.	
Начало пропагандистской деятельности Хун Сюцюаня и основные события крестьянской войны тайпинов в Китае (1850-1864 гг.)	59
ЛЕКЦИЯ I.3.	
Тайпинское государство в условиях эскалации колониализма державами.....	95
ЛЕКЦИЯ I.4.	
Падение тайпин тяньго.....	127
РАЗДЕЛ II.	
ВОССТАНИЕ 1857–1859 ГГ. И ОТСТРАНЕНИЕ ОСТ-ИНДИЙСКОЙ КОМПАНИИ ОТ УПРАВЛЕНИЯ ИНДИЕЙ	139
ЛЕКЦИЯ II.1.	
Положение Индии в начале эпохи английского промышленного капитализма	139
ЛЕКЦИЯ II.2.	
Характер, движущие силы и цели восстания 1857–1859 гг. в Индии	145

ЛЕКЦИЯ II.3.	
Первый период восстания: причины успехов повстанцев	180
ЛЕКЦИЯ II.4.	
Второй период восстания: его сила и слабость. Исход	199
ЛЕКЦИЯ II.5.	
Переход управления территориями Индии к королеве Великобритании Виктории	210
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦИЯ	
Типологический аспект массовых движений народов Азии в середине XIX в.	221

ОТ АВТОРА

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках продолжение лекций по истории стран Азии в новое время всемирной истории. Предыдущее издание «История стран Азии в эпоху колониализма» (2014) было посвящено превращению их в колонии и полукolonии. В новых Лекциях рассматриваются последствия этого процесса – массовые движения народов Азии, как ответ на колониальное вторжение европейцев.

При этом автор стремится показать, что т.н. антифеодальные и национально-освободительные выступления в середине XIX в. были вызваны переходом англичан к формам и методам эксплуатации, присущим промышленному капитализму, что привело к нарушению традиционного уклада жизни восточных народов и лишению местных правителей их прав. Яркими примерами тому стали Китай, где в 1850 г. вспыхнула крестьянская война тайпинов, и Индия (восстание 1857 г.).

Важность этих событий для истории Китая и Индии очень велика, поэтому их освещение заслуживает большего внимания, чем оно уделяется в современных учебниках. К тому же концептуальные взгляды на инсургенцию середины XIX в. требуют некоторого уточнения с учётом имеющихся в распоряжении учёных источников.

Судя по отзывам студентов, они с интересом знакомятся с фрагментами источников, включёнными в Лекции, особенно с воспоминаниями современников и свидетелей – участников событий. Публикация источников ныне ограничена, и для студентов, порой, некоторые издания попросту недоступны, но для студента-историка знание источников так же необходимо, как для студента-филолога чтение художественной литературы. Именно эти знания должны служить одним из важнейших критериев профессиональной подготовки специалистов, они помогают студентам самостоятельно обдумать живую историю и документально оценить основные факты и явления изучаемых событий, а не ограничивать процесс познания чтением учебника.

Использованные источники позволяют взглянуть несколько иначе на рассматриваемые события, уточнить характер массовых

движений народов Азии в середине XIX в., внести ясность в мотивы действий инсургентов и их противников, еще раз осмыслить историческое место борьбы восточных народов за свои права.

В Лекциях широко использованы статьи К. Маркса и Ф. Энгельса. Это не дань автору марксизму. Думается, что критическое отношение к ним в современной науке в значительной мере связано с политической сферой их деятельности и не может являться препятствием для использования их работ, как и обращения к исследованиям других авторов XIX в. Тем более, что речь идёт не о теоретических публикациях, а о журналистских статьях К. Маркса и Ф. Энгельса в газете «New York Daily Tribune», написанных на богатейшей оперативной информации, поступавшей из стран Азии.

Автор не претендует на истину в последней инстанции относительно сделанных выводов, он лишь стремился добросовестно раскрыть объективную картину событий и объяснить суть явлений, как он их понял. Если Вы, уважаемые читатели, примите позицию автора, то задачи, поставленные перед Лекциями, можно считать выполненными, а цели достигнутыми.

Всегда Ваш,
В. Овсянников.

Вводная лекция
**КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ И ЕЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
ДЛЯ СТРАН АЗИИ В ОЦЕНКЕ
К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА**

В середине XIX в. пристальное внимание просвещённой Европы продолжало привлекать положение в Азии. Это не случайно. В первой половине XIX в. шел бурный процесс образования колониальной системы капитализма, что сыграло исключительную роль, как для будущих судеб народов Азии, так и для европейского капитализма.

Ситуация, сложившаяся в Азии, **не могла не волновать Маркса и Энгельса.** Они внимательно изучали события в Индонезии, Иране, Османской империи. Однако *особый интерес* у них вызывала колониальная политика европейских держав, в частности Англии, *в Индии и Китае*, на примере которых хорошо видны применявшиеся формы и методы эксплуатации, присущие *периоду промышленного капитализма.*

Обращение к востоковедному наследию К. Маркса и Ф. Энгельса вызвано тем, что это наследие пережило время *от редуцированной догматизации, до, порой, не во всем обоснованного отрицания.* Однако в настоящее время ученые *продолжают, порой, использовать многие положения из работ Маркса и Энгельса без ссылки на источник,* что побуждает внести ясность в данный вопрос. В лекциях использованы не теоретические произведения марксизма, а публицистика К. Маркса и Ф. Энгельса в «New York Daily Tribune», корреспондентами которой они были.

Многообразие форм и методов колониализма раскрыто Марксом и Энгельсом в двух циклах статей.

- **Первый написан летом 1853 г.** в связи с парламентскими дебатами в Англии по законопроекту о новой хартии Ост-Индской компании.

- **Второй цикл** – посвящен Китаю.

Впервые о Китае К. Маркс и Ф. Энгельс писали в «**Первом международном обзоре**» 1850 г. в связи с известиями о положении в этой стране, привезенными в Европу миссионером **Карлом фон Гюцлаффом**. Тема, начатая в «Обзоре», продолжена Марксом в статье «Революция в Китае и в Европе», написанной в 1853 г., когда возникла угроза английской промышленности из-за возможности потери для Англии китайского рынка. Затем к китайской тематике Маркс и Энгельс обращались в **1857 и 1858 гг.**, что было вызвано второй опиумной войной и подписанием нового неравноправного договора между Англией и Китаем.

Подход Маркса и Энгельса к изучению событий в Индии и Китае, обобщения, сделанные ими, можно использовать для анализа аналогичных событий в других странах Азии. Хотелось бы подчеркнуть, что, поскольку тема данной лекции не нова и освещалась в научной литературе, это избавляет от необходимости касаться всех ее аспектов. Представляется целесообразным ещё раз *взглянуть на те проблемы, которые оказали влияние на характер, цели и задачи массовых движений в странах Азии.*

Формы и методы колониальной политики Англии в Индии

Британское владычество в Индии, как известно, устанавливалось силой оружия. В 40-е годы XIX в. завоевание Индии было завершено. Бедствия, когда-либо охватывавшие ранее Индостан, затрагивали только его поверхность, британское владычество подорвало «самую основу индийского общества» (К. Маркс).

Выявить причины такого явления возможно путем анализа *эволюции капитализма*, повлекшей за собой рождение *специфических форм и методов* колониализма.

- **Периоду первоначального накопления капитала** соответствовал *особый этап колониализма*. В 60-е годы XVIII в. в Англии началась промышленная революция, а в 30–40-е годы XIX в. там утвердилось господство промышленного капитала. Эти перемены отразились и на характере колониальной политики, в

том числе торговли. Известно, что различным ступеням зрелости капитализма соответствовал и особый характер торговли.

Промышленники были заинтересованы в вывозе своих товаров и сбыте их в Индии, полученные капиталы шли на расширение производства. *«Промышленная гегемония, – писал по этому поводу Маркс, – влечёт за собой торговую гегемонию»*, т.е. господство промышленного капитала в торговле. В этом случае торговля подчинялась непосредственно потребностям промышленности, производства. Эта же мысль содержится и в словах Маркса о том, что *«история упадка Голландии как господствующей торговой нации есть история подчинения торгового капитала промышленному капиталу»*.

Основным орудием колониальной эксплуатации Индии в эпоху первоначального накопления капитала была английская налоговая политика. Что же касается торговой экспансии, то в это время *«сколько-нибудь значительного обмена товаров между Англией и Индией не существовало»* (Э.Н. Комаров). Изменения в методах колониальной эксплуатации были связаны с превращением Индии в рынок сбыта английских товаров и источник сырья для метрополии (И.М. Рейснер, Э.Н. Комаров и др.).

Это были новые методы колониальной эксплуатации страны, которые осуществлялись в интересах английского промышленного капитала.

Утверждения типа того, что *«в эпоху домонополистического капитализма колонии – это рынки сбыта и источники сырья капиталистических метрополий»* являются фактическим повторением слов генерал-губернатора Индии в 1848–1856 гг. лорда Д. Дальхузи о целях англичан в Индии, которые, по его утверждению, *«состоят в том, чтобы превратить Индию в рынок сбыта для английских товаров и в источник сырья»*.

- Как известно, домонополистический капитализм включает два периода:

✓ **Период первоначального накопления** капитала – это конец XV в. – середина XVIII в. с господством **торгового капитала**.

✓ **Период промышленного капитализма**, истоки которого обнаруживаются в промышленной революции в Англии начала 60-х гг. XVIII в., а завершение – в конце 30 – начале 40-х гг. XIX в.

✓ **Дж. Дальхузи** сделал свои откровения в **1853 г.**, т.е. в то время, когда Ост-Индийская компания уже утратила свои торговые возможности, а Индия управлялась под диктат Вестминстера.

✓ **Т.о.** вопрос об Индии, как рынке и источнике сырья, был поставлен *в годы перехода инициативы от торгового капитала к промышленному, но не раньше.*

Иными словами, переход к новым формам и методам эксплуатации Индии принадлежит промышленному, а не торговому капиталу периода первоначального накопления. Это и явилось для будущего важнейшим последствием, приведшим к восстанию её населения, заставившему Англию «завоевывать Индию заново», но уже иными средствами.

* * *

Первыми шагами переустройства индийского общества стали, как известно, земельно-налоговые системы, вводимшиеся англичанами с конца XVIII в.

В этой связи обращает на себя внимание оценка ситуации, сложившейся в Индии, данная в свое время известным ученым **А.М. Осиповым**:

«Развитие товарно-денежных отношений в Хиндустане, – писал он, – и насильственное превращение общинников в простых товаропроизводителей разрушали прежнюю форму связи между

земледельческой и ремесленной частью общины, делали ее невыгодной. Община стала ограничивать круг ремесленников и слуг, которых когда-то она содержала, отчисляя им часть урожая».

- **А.М. Осипов** абсолютно прав, акцентируя внимание на разрушении прежней формы связи между земледельческой и ремесленной частями общины.

- ✓ Именно данное явление подготовило условия для качественно нового этапа эксплуатации индийской деревни уже методами, присущими промышленному капитализму, которые окончательно и бесповоротно нарушили взаимосвязь земледелия и ремесла.

- Попутно заметим, что в свое время **К. Маркс** ставил это обстоятельство во главу угла последствий английского господства.

- ✓ **Он видел в этом** разрушении сущность урона, нанесённого Индии: колонизаторы нарушили традиционные начала общественной и хозяйственной жизни населения Индии, которые помогали стране в прочих ситуациях выстоять перед превратностями судьбы. Замены же разрушенному к 50-м годам XIX в. практически не последовало.

«Потеря старого мира, – писал в этой связи Маркс, – без приобретения нового придает современным бедствиям жителя Индии особенно удручающий характер и прерывает связь Индостана... со всей его прошлой историей».

Пренебрегая исторически сложившейся системой управления Индии, английские колонизаторы сохранили те из ранее существовавших органов управления, которые им были необходимы: финансовое и военное. Что же касается хозяйственного ведомства, которое занималось организацией общественных работ, обеспечивавших развитие сельского хозяйства, колониальные власти его уничтожили.

- **Маркс** выделил это обстоятельство как одно из наиболее существенных и роковым образом отразившемся на экономике Индии.

✓ В порядке справки назовём цифры, на которые опирался Маркс: за период с 1849 по 1852 гг. «из общей суммы дохода в 19 800 000 ф. ст. на постройку дорог, каналов, мостов и на другие необходимые общественные работы было истрачено всего лишь 166300 фунтов стерлингов». Картина типичная для деятельности европейцев в Азии.

● Удар по земледелию дополнялся уничтожением завоевателями ручного прядения и ткачества в Индии.

✓ По оценке К. Маркса, «ручной ткацкий станок и ручная прялка, породившие бесчисленную армию прядильщиков и ткачей, были главными стержнями в структуре индийского общества». Опережающие темпы развития промышленности Англии, как известно, привели к тому, что индийские пряжа и хлопчатобумажные ткани были вытеснены с местного рынка тканями английского производства.

Таким образом, двум главным сферам хозяйственной жизни Индии колонизаторы нанесли непоправимый урон, чем вызвали бесчисленные бедствия населения. *«Британский пар и британская наука окончательно уничтожили на всей территории Индостана связь между сельскохозяйственным и ремесленным производством»,* – резюмировал Маркс.

Уничтожение взаимосвязи сельскохозяйственного и ремесленного производства, на которой покоилось традиционное индийское общество, – основное положение Марксова анализа британского владычества в Индии.

«С одной стороны, – писал он, – то, что жители Индии, подобно всем восточным народам, предоставляют центральному правительству заботу о крупных общественных работах, являющихся основным условием их земледелия и торговли, с другой то, что население Индии, рассеянное по всей территории страны, сосредоточивается в маленьких центрах благодаря патриархальной связи между земледельческим и ремесленным трудом, – эти два обстоятельства вызвали к жизни с самых давних времен своеобраз-

ную социальную систему, так называемую систему сельских общин, которая придавала каждому из этих маленьких союзов независимый характер и обрекала его на обособленное существование».

Уничтожение экономического базиса общины привело к рождению абсолютно нового явления «в летописях всего азиатского мира» и произвело «единственную социальную революцию, пережитую когда-либо Азией». Возможность произвести такую революцию открылась в результате вмешательства промышленного капитализма Англии в социально-экономическую жизнь Индии.

* * *

Неравномерность развития отдельных стран (а вместе с ними и отдельных регионов мира) предопределила и характер их взаимоотношений. Капитализм в Европе перерастал национальные рамки, распространял свое действие на все регионы мира. Являясь ведущей тенденцией общественного развития, он стремился к освоению всех стран.

В результате «эти маленькие стереотипные формы социального организма (индийские общины. – В.О.) большей частью разрушены и исчезают навсегда не столько вследствие грубого вмешательства британского налогового чиновника и британского солдата, сколько в результате действия английской паровой машины и английской свободы торговли» (К. Маркс). Исходя из заключения К. Маркса, можно говорить о *специфической роли промышленного капитализма в деле эксплуатации Индии и об особом этапе в развитии колониализма.*

● **Распад общины представлял трагическую картину.**

✓ **Однако,** отмечая это обстоятельство, Маркс писал, «что эти идиллические сельские общины, сколь безобидными они бы ни казались, всегда были прочной основой восточного деспотизма, что они ограничивали человеческий разум самими узкими рамками, делая из него покорное орудие суеверия, накладывая на него рабские цепи традиционных правил,

лишая его всякого величия, всякой исторической инициативы».

✓ **Общины** *«превратили саморазвивающееся общественное состояние в неизменный, predeterminedный природой рок и тем самым создали грубый культ природы».*

Исходя из этого, **Маркс ставил вопрос:** *«Может ли человечество выполнить свое назначение без коренной революции в социальных условиях Азии. Если нет, то Англия, несмотря на все свои преступления, была бессознательным орудием истории, вызывая эту революцию».*

Перед колонизаторами встала двоякая задача: *«с одной стороны, уничтожить старое азиатское общество, а с другой стороны, заложить материальную основу западного общества в Азии» (К. Маркс).*

● Известно, что **разрушительная функция к началу XIX в.** Англией была уже в целом выполнена. Что же касается **созидательной работы**, то она в то время только началась и была *«едва ли заметна за грудой развалин».* **К. Маркс проанализировал** существо разрушений, произведенных Англией в Индии, и спрогнозировал возможную перспективу дальнейшей деятельности колонизаторов, подчиненной потребностям промышленного развития Англии, последствия такой деятельности. *Радикальным средством преобразования индийского общества являлось введение частной собственности. Маркс считал, что даже земельные системы «заминдари и райятвари, как они ни гнусны, представляют собой две различные формы частной собственности на землю, то есть того, чего так жаждет азиатское общество».*

● **Предпосылкой возрождения Индии** он называл её *политическое объединение англичанами.*

✓ *Объединение Индии, по его мнению, будет упрочено и навсегда закреплено строительством телеграфа и организацией пароходного сообщения между Европой и Индией,*

что выведет ее из изоляции – «главной основой господствовавшего в ней застоя»; строительством железных дорог, как универсального средства преобразования экономики, и всех прочих сторон общественной жизни страны, которое повлечет за собой применение там и других машин.

✓ В железнодорожном строительстве Маркс видел «предвестника современной промышленности» в Индии.

- **Созидательная деятельность Англии в Индии не могла начаться сама по себе**, а лишь под воздействием определенных внутренних процессов развития капитализма в метрополии. Окончательный ответ на прогноз Маркса могло дать только будущее, которое убедительно подтвердило прозорливость его оценок и предвидений.

P.S. Вскоре после выхода в свет статьи «Будущие результаты британского владычества в Индии» в Европе появились сведения о начале железнодорожного строительства в Индии и о широких планах англичан по созданию железнодорожной сети, которая должна соединить многие важные центры страны. Стало известно и о планах создания в Индии телеграфной сети. Конкретные факты и планы промышленников Англии и английских властей в Индии подробно изложены Марксом в статье «Западные державы и Турция, – Надвигающийся экономический кризис. – Железнодорожное строительство в Индии».

Характерные черты колониальной экспансии в Китае

Активные действия в Индии в XVIII – начале XIX вв. отвлекли значительные силы англичан. Это отсрочило их вторжение в Китай, однако никоим образом не уменьшило экспансионистских претензий.

Поскольку Цинская монархия проводила **политику изоляции Китая** от внешнего мира, первоочередной задачей колонизаторов становилось **нарушение этой изоляции, его «открытие»**. В результате **конец 30-х – начало 40-х гг. XIX в.** ознаменовались, как известно, *первой «опиумной войной»*, которая заняла одно из видных мест в цепи **торговых войн, ведшихся по всему миру.**

Каково место торговых войн в колониальной политике держав?

Ответ на этот вопрос дал Маркс в «Капитале»:

«Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги по завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих – такова была утренняя заря капиталистической эры производства. Эти идиллические процессы суть главные моменты первоначального накопления. За ними следует торговая война...».

В 1857 г. в связи с очередным кризисом в англо-китайских отношениях **Маркс и Энгельс**, как уже отмечалось, написали ряд статей, посвященных этому событию. Детальный анализ торговой экспансии Ост-Индской компании дан Марксом также в статьях под общим названием **«История торговли опиумом»**, в которых он показал, что *в результате англо-китайской войны 1839–1842 гг. надежды Англии на расширение обычной торговли не сбылись*. Однако первые неравноправные договоры, навязанные Китаю, способствовали расширению опиумной торговли за счет обычной. Исходя из этого, **Маркс построил прогноз**, что в случае второй опиумной войны *будет достигнут аналогичный результат*. Причина тому – в невозможности для китайцев покупать одновременно товары и наркотик.

«В нынешних условиях, – писал он, – расширение торговли с Китаем означает расширение торговли опиумом; а рост последней не совместим с развитием легальной торговли».

Следовательно, алчные устремления опиумоторговцев получить максимальную прибыль на дешевом бенгальском опиуме *тормозили* развитие торговли промышленными товарами, чем наносили ущерб и Китаю, и европейской промышленности. *«Перестаньте посылать нам так много опиума, – взывал один шанхайский чиновник, – и мы будем в состоянии покупать ваши изделия».*

К. Маркс перечислил основные последствия опиумной торговли для Китая:

- она нанесла колоссальный урон здоровью огромной массы населения страны;
- привела к расстройству финансов Китая, а затем и полному их истощению;
- «англичане развернули имперские власти, таможенных чиновников и вообще всех мандаринов. Коррупция... разрушила оплот патриархального уклада».

Мы уже смогли убедиться, что «оплот патриархального уклада» был разрушен и в Индии, что сближало судьбу народов этих стран и предопределяло корни зрелого протеста.

В результате Цинские власти встали перед необходимостью принятия немедленных мер. Больше года они обсуждали *вопрос об узаконивании опиумной торговли*, которая уже в **1837 г.** позволила бы принести **7 млн. 700 тыс. долл.** дохода. «Но „небесный" варвар, – писал по этому поводу **Маркс**, – не пожелал взимать налог, который неизбежно стал бы возрастать в той же пропорции, в какой деградировал бы его народ». Такое положение вещей устраивало Англию, поскольку легализация опиумной торговли лишила бы англичан огромных контрабандных барышей.

В этой связи **обращает на себя внимание** такое последствие контрабандной торговли, как рождение и развитие нового социального явления в виде **чиновников-посредников** между европейскими торговцами опиумом и китайским рынком его сбыта, которые как метастазы сковали Китай, проталкивая опиум в глубинные районы страны и фактически становились *космополитичными прислужниками колонизаторов*. Поэтому торговля опиумом продолжалась совершенно безнаказанно и в возрастающих объёмах.

* * *

Целью двух опиумных войн было нарушение изоляции Китая. После первой войны для заморской торговли открылись пять портов. Европейцы приложили усилия для увеличения их числа, рассчитывая тем самым поправить свои торговые дела. В результате второй войны открылось еще пять портов. Однако состояние торговли не изменилось.

В чем причина такого положения?

Англичане сильно *переоценили* спрос и покупательную способность китайцев, *подорванных, как отмечалось, к тому же, опиумной торговлей.*

- **Сравнив** социально-экономическое **развитие Китая и Индии**, можно видеть, что и в том, и в другом случае основу общества составляло *«мельчайшее сельское хозяйство и кустарная промышленность»*, между которыми существовала *взаимосвязь.*

- **Опыт Китая** *свидетельствует*, что общество, основанное на мельчайшем сельском хозяйстве и кустарной промышленности, *не способно* потреблять эффективно иностранную продукцию.

- **Опиумная торговля к тому же привела к дефициту серебра в Китае**, что самым непосредственным образом *сказалось на положении крестьян.*

- ✓ Колоссально *выросли налоги*, крестьян стали принуждать *платить их серебряной монетой, а не медной*, как было раньше.

- ✓ Наводнение китайского рынка европейскими и американскими товарами, как и в Индии, *разорило местных ремесленников.*

В 1850 г. в «Первом международном обзоре» Маркс и Энгельс писали:

«Тысячи английских и американских судов направились в Китай, и в скором времени страна была переполнена дешевыми британскими и американскими фабричными изделиями. Китайская промышленность, покоящаяся на ручном труде, не выдержала конкуренции с машиной».

Таким образом, можно видеть, что **выводы** Маркса и Энгельса о последствиях вторжения колонизаторов в Китай *аналогичны* их оценке хозяйственной деятельности англичан в Индии;

европейская торговля в Китае *«вызвала расстройство в общественной жизни»* этой страны и заставила ранее изолированный от внешнего мира Китай прийти в непосредственное с ним соприкосновение.

* * *

Что в этом явлении имело принципиальное значение для будущего Китая?

Оценивая последствия вторжения колонизаторов в Китай, Маркс применил, как и в отношении Индии, понятие «революция». Раньше в китайской историографии это понятие связывалось с крестьянской войной тайпинов. Однако Маркс имел в виду нечто иное.

«Полная изоляция, – писал он, – была первым условием сохранения старого Китая. Когда же этой изоляции при содействии Англии был насильственно положен конец, разложение должно было наступить так же неизбежно, как неизбежно разложение тщательно сохраненной в герметически закрытом гробу мумии, лишь только к ней получит доступ свежий воздух» и далее: «Англия вызвала революцию в Китае».

О какой революции писал Маркс?

- **Очевидно**, что он имел в виду *не крестьянскую войну тайпинов*, о которой, впрочем, у него есть упоминание как о революции. Но *основное внимание Маркс уделил* социально-экономическим последствиям европейской экспансии и значению китайского рынка для европейской промышленности.
- Обобщающий вывод Маркса гласит: *«Ввоз иностранных промышленных изделий имел такое же влияние на китайскую промышленность, какое он прежде оказал на промышленность Малой Азии, Персии и Индии».*

Еще в **«Первом международном обзоре» Маркс и Энгельс** показали, что в условиях перенасыщения китайского рынка *«непоколебимая Срединная империя пережила социальный кризис»*. Это

определение получило уточнение. Указав факторы, приведшие к расстройству общественной жизни Китая, Маркс сделал знакомый уже нам вывод о разложении «феодальной мумии» Китая. После чего и идет фраза: *«Англия вызвала революцию в Китае...»*.

Что касается тайпинов, то Маркс видел в них *восставших крестьян*, а понятие «революция» он применял для обозначения *последствий* английского вторжения в Китай. *Маркс и Энгельс убедительно доказали, что революционный удар традиционному обществу Китая был нанесен европейцами. Позже мы увидим, что тайпины не могли сделать ничего подобного.*

* * *

Расхожее мнение о Китае, как безнадежно отсталом государстве, как «разложившейся в гробу мумии», разделяют не все учёные.

Так Джон Хобсон – американский специалист по международным отношениям, основатель исторической социологии, преподаватель Шэффилдского университета, в книге **«The Eastern Origins of Western Civilization»** выразил своё несогласие с оценкой Китая в доколониальный период, как «застойного, отсталого, косного общества». Мало того, он считает, что именно **«Китай как мировая технологическая держава... сделал возможным возвышение Запада**. Только за счёт заимствования и ассимиляции китайских инноваций Западу удалось совершить переход к современной капиталистической и империалистической экономике».

Доктор философии, ныне известный профессор Университета Нью-Йорка **Джейм Петрас** – сторонник концепции **Дж. Хобсона, считает, что**

«Изучению этой мировой державы [Китая] очень повредили европоцентристские историки, которые искажали и игнорировали доминирующую роль Китая в мировой экономике с 1100 по 1800 год. Блестящий исторический обзор развития мировой экономики за этот период, сделанный Джоном Хобсоном, даёт нам

массу эмпирических данных, доказывающих экономическое и технологическое превосходство Китая над западной цивилизацией на протяжении большей части прошлого тысячелетия – до его завоевания и упадка в 19 веке».

Петрас отстаивает точку зрения, при которой причины произошедших в Китае перемен следует рассматривать «не в «идеологии», как учит идеалистическая антинаучная «социология» Вебера или Маркса, а в конкретной мотивации (оперантном подкреплении) действий индивидов, слагающих основные социальные группы. Тогда станет возможным ощутить те воистину гигантские возможности, которые открывает перед практической политикой бихевиористская технология социальной инженерии».

Отличительные черты английского господства в Азии

Чтобы правильно понять смысл социальных изменений в Индии и Китае, а вместе с тем определить методологические подходы к оценке последствий колониального вторжения в эти и другие страны, необходимо проанализировать вопрос, какие силы и какими средствами осуществляли колониальную агрессию.

Почему Маркс и Энгельс избрали объектом своего внимания прежде всего английский колониализм и его проявления в Индии и Китае?

В колониальном освоении Азии принимали участие Португалия, Голландия и Франция, затем к ним присоединились США и другие страны.

- **Однако, что несла** отсталая феодальная **Португалия** странам Азии?

Осуществляя фактический грабеж и насилие, она не затрагивала общественных устоев, их агрессия мало чем отличалась от завоеваний эпохи феодализма.

- **Голландия** вследствие своей слабости перед натиском англичан вынуждена была поделить свой колониальный «пирог» с Англией.

- **Даже Франция и США** в изучаемый нами период находились в положении второразрядных, хотя и не менее алчных колонизаторов.

- **Иное дело Англия.**

- ✓ **Вытеснив** своих конкурентов из Индии, она *прибрала к рукам огромную территорию Индостана*, проводила активную колониальную политику в отношении *Османской империи, Персии, арабских и других стран*.

- ✓ Наконец, ей принадлежит первенство в «открытии» и «освоении» Китая.

Но это только одна сторона деятельности Англии – **количественная**.

- ✓ **Есть и другая:** английские колонизаторы *не ограничивались простым разграблением* зависимых стран. *Английская промышленность требовала капиталистического освоения все новых и новых территорий, которое вело к их обществу к общему переустройству.*

Первоначальное накопление капитала в Англии завершилось *раньше*, чем в других странах. Тем самым она *оставила далеко позади своих европейских конкурентов*. Опережающие темпы развития были присущи Англии и в годы **промышленной революции**.

Во **Франции и Германии** этот процесс развернулся только в **50–60-е годы**, что *предопределило различие в формах и методах колониальной эксплуатации* народов Азии Англией и другими державами.

Еще большее отличие обнаруживается в *сравнении с Португалией*. Буржуазные элементы этих стран *в значительной мере были отстранены* от колониальной политики феодально-клерикальными кругами, которые, кстати сказать, и *окрепли* на средства, полученные от колониального грабежа.

Фактически в XVII–XVIII вв. *буржуазный характер* экспансия приобрела только у Англии и Голландии.

- Для периода первоначального накопления капитала, как известно, свойственно было участие в колониальном грабеже не промышленного, а торгового капитала, который не стремился к преобразованию колонизируемых стран Азии.
- Более того, появление европейцев в Азии в известной мере способствовало на ранних этапах расширению в некоторых странах ремесленного производства.
- В Англии, да и в других странах, торговля с Азией в период господства торгового капитала обогащала акционеров Ост-Индской компании и ничего не давала для промышленного производства, так как полученные средства в него не направлялись, а восточные товары становились конкурентами английских.

* * *

Промышленность Англии почувствовала блага колониализма после того, как произошло перераспределение налоговых поступлений из Индии и колоссальных «опиумных» средств из Китая, что способствовало технической реконструкции английской промышленности. Наиболее важные последствия имел не сам по себе грабеж стран Азии методами первоначального накопления капитала, а реконструкция производства в Англии, которая привела к превращению этих стран в рынки сбыта товаров английской промышленности.

Тем самым открывалась новая эра колониализма – эра эксплуатации колоний методами промышленного капитала. Переход инициативы от торгового капитала к промышленному привёл к отмене торговой монополии Ост-Индской компании на торговлю с Индией и Китаем и **установлению** монополии английских товаров на внешних рынках и был закреплён в Англии в **1813 г.**

Налаживание сбыта промышленной продукции в Азию происходило *весьма мучительно для ее народов*. Как упоминалось выше, английские товары, наводнившие восточные рынки, натолк-

нулись на низкую покупательскую способность местного населения. **Причина тому** – господство в восточных странах *натурального хозяйства*.

- Это заставляло иностранцев *нарушать* в них замкнутость общественного производства.
- Превращение стран Азии в *рынки сбыта* сопровождалось превращением их в *аграрно-сырьевые придатки* английской промышленности.
- Расширявшееся в Англии производство *требовало все больше сырья*, что заставляло колонизаторов изыскивать наиболее изощренные формы его выколачивания.
- Поскольку традиционные аграрные культуры *не давали достаточных средств*, крестьянам для уплаты возраставших налогов волей-неволей приходилось *переходить к возделыванию технических культур*, что и требовалось колонизаторам.
- Что касается Китая, то на него была *наложена огромная контрибуция*, что ещё больше истощало население страны.

В Индии и Китае англичане, если можно так выразиться, *отработали до совершенства формы и методы колониализма*, которые в той или иной мере применялись в большинстве зависимых стран не только Англией, но и другими державами, встававшими на капиталистический путь развития. *Все это вызывало глубокое недовольство в Индии, Китае и других странах Азии в первой половине XIX в.*

* * *

При сопоставлении положения Индии и Китая в колониальном мире между ними обнаруживаются существенные различия, оказавшие влияние на развитие политической жизни в этих странах.

- **В Китае** действия англичан не привели к *разрушению политической основы общества*, а опирались на нее, крупные цин-

ские чиновники и аристократия нередко оказывались фактическими *агентами колонизаторов*. Иными словами, действия европейцев в известной мере были *завуалированы* для большой массы населения, особенно в районах, удаленных от побережья.

• Для эксплуатации Индии характерно *непосредственное внедрение Ост-Индской компании* не только в сферу экономики, но и в управление страной, *вмешательство* в ее общественную жизнь в целом. На значительной территории Индии («Британская Индия») фактически была *уничтожена* власть местных правителей и *верховным правителем страны стала Ост-Индская компания со своим мощным аппаратом насилия*.

Отдельные буржуазные институты насаждались Ост-Индской компанией в наиболее уродливых и извращенных формах. Старые порядки разрушались *не сами по себе*. Они не вытеснялись новым укладом, *их ломали ускоренными темпами*, мало заботясь о социальных последствиях. *Только после этого* начинался медленный процесс формирования новой хозяйственной структуры.

«Если история какого-либо народа и представляет ряд неудачных и действительно нелепых (на практике гнусных) экономических экспериментов, – с грустью констатировал Маркс, – так это – хозяйничанье англичан в Индии. В Бенгалии они создали карикатуру крупной английской земельной собственности; в Юго-Восточной Индии – карикатуру парцеллярной собственности; на Северо-Западе они превратили, поскольку это зависело от них, индийскую экономическую общину с общинной земельной собственностью в карикатуру ее самой».

В Китае колонизаторы, судя по всему, *не ставили* перед собой цели превращения его в колонию, полуколониальной зависимости *им было достаточно* для решения своих торговых запросов. **В 50-е г. XIX в.** Китай был поставлен в такое положение, что достаточно было одной *coup de main* (решительной атаки) и он подвергся бы колониальному разделу. Но колонизаторы *сохранили политическую основу общества и использовали её* с тем, чтобы как можно полнее удовлетворить свои запросы за счет той самой *«разлагавшейся мумии»*. Китай в отличие от Индии **в первой половине XIX в.** *еще только*

начал подвергаться разрушительному воздействию колониализма, но уже было очевидно, что, по ироническому заключению русского либерала середины XIX в. **Я.Г. Есиповича**, англичане «во имя цивилизации и общечеловеческих интересов захватят себе богатую добычу».

Грабительский характер своей политики европейские колонизаторы оправдывали стремлением устранить архаизмы в общественной жизни народов Азии, цивилизовать их. При этом европейские джентльмены презрительно считали, что варвары (народы Азии) *не способны воспринять блага европейской цивилизации*. Так, выступая в **1853 г.** в английском парламенте, тогдашний председатель Контрольного совета по делам Индии **Ч. Вуд так характеризовал индийцев:**

«В Индии вы имеете дело с такого рода народом, который неохотно идет на перемены, который скован религиозными предубеждениями и устаревшими обычаями. Там на самом деле существуют всяческие препятствия для быстрого прогресса».

В этих словах многое искажено. Отрицательная реакция индийцев на новшества английских властей вызывалась не только невежеством большей части населения, но в гораздо большей степени тем, что своими действиями англичане *не ускоряли естественный процесс развития, а ломали его и насаждали чуждый индийскому обществу на данном этапе способ его развития*. В Индии, Китае и в других странах Азии европейцы способствовали разложению архаичного общества, сохраняя при этом его внешние формы, тем самым они еще больше коверкали общественное развитие и вызывали сопротивление народа.

Колониальное вторжение сопровождалось в XIX в. насильственным насаждением колониального капитализма. Известный отечественный учёный **В.Г. Хорос** характеризовал такую колониальную экономику, как «вторичное» развитие капитализма, которое протекало *в особо конфликтных кризисных формах, поскольку «буржуазные отношения не столько зарождаются внутри общества, сколько внедряются извне. Рост товарной эко-*

номики в отсталой и зависимой стране обусловлен главным образом потребностями развитых капиталистических держав в дешевой сельскохозяйственной продукции и сырье, которые по преимуществу продолжают производиться на местах прежними примитивными методами».

Данное обстоятельство вызвало *разрыв между производством и торговлей*. Внутренний рынок Индии и других стран в условиях колониальной зависимости *открывался не для местного производства, а для товаров английской промышленности. Таким образом, причины противодействия восточного общества порядкам, устанавливавшимся англичанами, очевидны: общество не могло принять органически не присущие ему элементы развития*. И дело здесь не в «*предрассудках и устаревших обычаях*» восточного человека, а в непонимании Ч. Вудом и иже с ним цивилизационных различий Востока и Европы. Если у кого-либо и были искренние стремления цивилизовать народы Азии на европейский лад, то эти стремления не являлись основной целью колониализма. В действительности, как писал в своём дневнике собственный корреспондент лондонской «Times» В. Рассел, англичан в Индии *обуревало лишь стремление к наживе*.

Вместе с тем, с точки зрения европоцентристского видения проблемы, разрушение традиционного восточного общества и, пусть корявое, насаждение новых порядков несло в себе рождение общественного прогресса, т.к. «закладывание материальных основ западного, капиталистического общества в ряде стран Азии представляло собой радикальный сдвиг, который способен был вновь придать местному обществу динамизм, утраченный в ходе порабощения» (Р.А. Ульяновский).

Этот вывод **основан** на концептуальном построении **К. Маркса**, сделанном им во втором томе «Капитала».

В той мере, – писал он, – в какой развивается капиталистическое товарное производство, «оно действует разрушающим и разлагающим образом на всякую более старую форму производства... Продажу продукта оно делает главным интересом, при-

чем сначала оно как будто не затрагивает самого способа производства, таково было, например, первое действие капиталистической мировой торговли на такие народы, как китайский, индийский, арабский и др. Но там, где капиталистическое товарное производство пустило корни, оно разрушает все формы товарного производства, основой которых служили или собственный труд производителя, или же просто продажа в виде излишков продукта».

В современной историографии наследие К. Маркса часто подвергается критике. Это естественно, в чем-то с ним сегодня можно спорить. Что же касается его оценки перспектив развития колониальных и зависимых стран, история подтвердила выводы о положении этих стран и перспективах их развития.

РАЗДЕЛ I.
«ТАЙПИН ТЯНЬГО» ИЛИ УТОПИЯ
«КРЕСТЬЯНСКОГО КОММУНИЗМА»

Лекция I.1.
СОЦИАЛЬНЫЙ СМЫСЛ ПРОГРАММНЫХ
УСТАНОВОК ТАЙПИНОВ И ЦЕЛИ ИХ БОРЬБЫ

Крестьянская война тайпинов (1850–1864 гг.) – одно из крупнейших событий середины XIX в. в Китае. Поэтому не случайно то огромное значение, которое придавали и придают ей ученые разных стран. Сохраняет свою актуальность изучение характерных черт традиционного восточного общества, его сопоставление с цивилизацией западных государств. Крестьянская война тайпинов в этом плане дала интересный материал для исследований, поскольку тайпины имели целостную идеологию, а их практика была и по времени, и по масштабам значительна.

С 50-х годов XIX в. по сегодняшний день поток литературы о тайпинах не ослабевает. Так, библиография к книге американского ученого Дэн Сьюя «Тайпинское восстание и западные державы» (Оксфорд, 1971) насчитывает 600 названий. Активная исследовательская деятельность стала возможной благодаря наличию большого количества тайпинских документов. Отечественные ученые располагают значительным числом сборников документов, собранных Синологической библиотекой ИНИОН и Институтом Дальнего Востока РАН.

- Начало ознакомлению европейской общественности с ходом и характером войны тайпинов положили работы очевидцев событий. Так в **1850–1866 гг.** шанхайская газета «North China Herald» постоянно публиковала корреспонденции иностранцев, живущих в Китае. Пожалуй, первыми откликами на войну тай-

пинов были вышедшие в 1853 г. в Лондоне книги Дж. М. Калери и М. Айвена «История инсургенции Китая», Х. Визетелли «Китайская революция» и Ч. Макфэрлайна с таким же названием.

- В 1858 г. в Лондоне был опубликован дневник специального корреспондента «Times» Дж. В. Кука.

Наибольшей же известностью в 50-е годы XIX в. пользовались книги христианских миссионеров В. Мидхерста, Т. Хамбурга, Т. Медоуса, Милна, в которых рассматривались вопросы взаимоотношений европейских держав с Китаем, причины и характер войны тайпинов, ее влияние на политику европейцев.

Нужно сказать, что некоторые авторы с сочувствием относились к китайцам, хотя и признавали необходимость полного «открытия» Китая, устранения причин, тому препятствовавших.

Действия христианских миссионеров в Китае были составной частью политики европейцев, их усилия расшатывали устои в духовной сфере китайцев, что видно из работ западных авторов, уделявших внимание роли христианства в подготовке войны тайпинов. Так, Ф. Андерсон специально изучил вопрос о стремлении тайпинов насадить христианство в Китае.

Тайпиноведение является одним из ведущих направлений китайской историографии. Особый интерес вызывает его развитие со времени образования КНР.

В 50-е годы в Китае была выработана концепция, в основу которой положен взгляд на восстание тайпинов как на крестьянскую революцию.

- ✓ В 1956 г. в крупнейшем историческом журнале «Лиши яньцзю» выступил Го Ишэн со статьей «О роли новых городских прослоек в тайпинской революции». Эта статья вызвала бурную дискуссию среди китайских ученых. Го Ишэн пы-

тался доказать, что война тайпинов была *«буржуазно-демократической революцией»*. При этом он считал, что в то время в Китае получили *«значительное» развитие «ростки капитализма»* и тайпинская *«революция»* совершалась при участии *«зарождавшегося пролетариата»*, представители которого и составляли *руководящий костяк восстания*.

✓ **Дискуссия усилилась** после публикации Го Ишэном другой статьи в журнале *«Цзяосюэ юй яньцзю»* (январь, 1957) – **«К вопросу о характере тайпинской революции»**. В дискуссии по концепции Го Ишэна были *высказаны различные точки зрения*, но все ученые были единодушны в том, что *«тайпинское восстание – это „антифеодалная революция“, для которой характерна острая классовая борьба»* (Л.П. Делюсин).

По мнению **Н.А. Королевой**, *китайские ученые, идеализируя войну тайпинов и приписывая ей черты революции, не учитывали важнейшие характеристики тайпинского движения*. Ошибки китайских ученых, по ее мнению, сводились к тому, что,

- **«во-первых**, *согласно их утверждению, крестьянство – это революционный класс и носитель революционных идей, поэтому тайпинское движение признается ими революцией;*
- **во-вторых**, *поскольку, согласно марксистскому учению о классовой борьбе, крестьянство не может самостоятельно довести революцию до победного конца и выдвинуть лозунги пролетарской революции, то крестьянскому движению с его лозунгами о земельном перераспределении приписываются черты, «буржуазно-демократической», «буржуазной», «буржуазно-национальной» революции.*
- **Идеализация крестьянских движений** – являлась наиболее устойчивая традиция китайской историографии до **конца 70-х гг.** Характерна позиция авторов **«Исторических рассказов о крестьянских войнах в Китае»**.

✓ По их мнению, власть, устанавливавшаяся крестьянами, являлась *«революционной диктатурой крестьянского класса»*, а их идеология – *«революционной идеологией»*.

✓ Деятельность тайпинов подавалась, как революционная и в книге **«Тайпинская революция»**, вышедшей в серии «Новая история Китая». **Цель подобного рода изданий** – *отстаивание тезиса об «особой революционности китайского крестьянства»*.

Видный китайский ученый (в 50-е г. секретарь ЦК КПК по пропаганде, а с 1985 г. Президент Академии общественных наук) **Ху Шэн** в своем двухтомнике **«От „опиумной“ войны до „движения 4 мая“ 1919 г.»** писал о движении тайпинов как *о стихийной крестьянской революции*, с которой он связывал *первый революционный подъем в Китае*.

• **Во второй половине 70-х годов** в китайской историографии *участились дискуссии по кардинальным вопросам крестьянских движений, в том числе о глубине антифеодальных действий тайпинов.*

✓ **Ван Цинчэн** характеризовал земельную систему Небесной династии, как *«великую революционную программу»*.

✓ Однако некоторые учёные стали высказывать новые взгляды. Так, **Ли Фань** в одной из своих статей, анализируя борьбу тайпинов с помещиками, **подчеркивал**, что *эта борьба не могла привести к разрушению феодального строя, тайпины испытывали на себе влияние феодальной идеологии*. Лидеры тайпинов, подчеркнул он, *«в ходе революции, с одной стороны, критиковали традиционную, феодальную, господствующую идеологию, с другой – пытались использовать конфуцианскую идеологию для укрепления своего господствующего положения»*.

✓ **Некоторые авторы** считали, что *крестьяне выступали против феодальной эксплуатации, но не выступали и не*

могли выступать против феодализма как системы, выступали против отдельных помещиков, но не выступали и не могли выступать против помещиков как класса.

- **В 80-е гг.** китайские авторы стремились к более сдержанной позиции и не были склонны к чрезмерному завышению роли крестьянских войн и восстаний.

✓ **В статье редактора журнала «Изучение истории» («Лиши яньцзю») Ли Шу** сказано: *«Оглядываясь назад, мы столь же глубоко ощущаем, что между успехами, которых добилась историческая наука, и требованиями, предъявляемыми ей эпохой, а также возлагаемыми на нее народными надеждами, все еще сохраняется большой разрыв».*

✓ **В выступлении Ху Шэна в 1981 г.** на конференции, посвященной 130-й годовщине крестьянской войны тайпинов, было сказано о наличии предвзятых выводов в ряде исследований. По его мнению, избавиться от этого возможно, освободившись от влияния политической конъюнктуры.

Советское тайпиноведение зародилось еще в 20-е годы. Свидетельство тому – дискуссия 1928–1929 гг. о характере движения тайпинов. В ней приняли участие М.И. Щукарь, А.С. Поляков, С.А. Далии, М. Волин, П.А. Грикевич, Л.И. Мадьяр, В.С. Колоколов, М. Барановский, В.Н. Широкова, А.И. Скропилев.

- Высказанные в ходе дискуссий точки зрения изложены в сборнике статей «Тайпины», обобщены в статье «Проблемы тайпинской революции» и докладе А.И. Скропилева, опубликованных журналом «Проблемы Китая» (1929, № 1). Участники дискуссии по-разному оценивали сущность движения тайпинов.

✓ **Крайних взглядов** придерживались М.И. Щукарь и А.С. Поляков. Первый настаивал на том, что война была

буржуазно-демократической, второй считал ее реакционной. Большинство участников не приняло ни той, ни другой точки зрения.

В 1970 г. увидела свет монография **В.Н. Никифорова** «**Советские историки о проблемах Китая**», в которой содержится *интересный анализ дискуссии*. Материал, собранный в книге, показывает, что *исследование крестьянской войны тайпинов уже в раннем советском востоковедении заняло видное место*. В те годы были поставлены *важные вопросы* о характере движения тайпинов, социальном смысле их учения, движущих силах и т.п. **В.Н. Никифоров** *вскрыл причины* тогдашних затруднений советских ученых при анализе войны тайпинов.

✓ **О позиции М.И. Щукаря** он писал, что *«узость источниковедческой базы привела к тому, что буржуазно-демократическая и антиколониальная стороны движения тайпинов в схеме автора были, по существу, производными от происшедшей в Китае революции 1925–1927 гг.»*.

Однако в 1934 г. **А.И. Скропилев** в лекциях «**Тайпинская революция**» высказал мнение о том, что рассматриваемые события в Китае – *крестьянская война*.

✓ В 30-е гг. ряд ученых продолжали настаивать на том, что *«движение тайпинов являлось формой буржуазно-демократической революции»* (**Н.Д. Старосельцев**); **А.В. Ефимов** считал, что *«революционная борьба многомиллионного крестьянства Китая против феодалов была борьбой, которая в случае победы расчищала путь для буржуазного развития Китая в дальнейшем»*.

• В числе последующих исследований необходимо назвать книгу **Г.С. Кара-Мурзы** «**Тайпины. Великая крестьянская война и Тайпинское государство в Китае. 1850–1864**», которая выдержала три издания (первое в 1941 г., последнее в 1957 г.). Заслугой автора было *преодоление ошибочного взгляда своих коллег на войну тайпинов как на революцию*.

- **Большой вклад** в последующее изучение рассматриваемой темы внес **В.П. Илюшечкин**, являющийся автором ряда содержательных работ о тайпинах. В их числе монография «**Крестьянская война тайпинов**» (М., 1967), он же автор соответствующих глав в обобщающей монографии «Новая история Китая» (М., 1972). Отдельные вопросы разработаны им в ряде статей. В.П. Илюшечкин является также ответственным редактором **сборника документов «Тайпинское восстание»** (М., 1960).

Исходя из того, что понятие «тайпин» трактуется как «великое благоденствие», «великое спокойствие», «великое равенство», **В.П. Илюшечкин писал, что изначально движение Хун Сюцюаня связано духовным родством с китайской древностью, ибо названные символы широко известны в Китае с давних пор. Тогда встает вопрос, зачем потребовалось тайпинам делать основой идеологии «Общества поклонения богу» христианские нормы?** По мнению В.П. Илюшечкина и других исследователей, именно христианские догмы пропагандировались в тайпинских документах. «*Религией тайпинов, – писал В.П. Илюшечкин, – было христианство протестантского толка, своеобразно понятое и своеобразно истолкованное Хун Сюцюанем*», что препятствовало объединению тайпинов с другими отрядами повстанцев.

Известно, что тайпины не объединялись с другими повстанцами. Можно согласиться с отечественным китаеведом В.С. Кузесом, что

«история взаимоотношений Нанкина и Шанхая была лишь одним из аналогичных эпизодов крестьянской войны 1850–1864 гг., когда трудности военной обстановки сочетались с нежеланием тайпинов активно искать союза с "Триадой". Религиозная непримиримость и консерватизм мышления помешали тайпинам поддержать восстания в Сямыне, Гуандуне и Хунани. Такое отношение к потенциальным союзникам было серьезной ошибкой тайпинов. Их лидеры не смогли преодолеть свои предубеждения и сплотить вокруг себя все антиманьчжурские силы».

Отметим еще одну черту идеологии тайпинов. Они не выдвигали, как о том раньше писалось, антиколониальных лозунгов, хотя предшествовавшее десятилетие было отмечено рядом патристических выступлений.

Война тайпинов возникла в условиях хронических кризисов, переживавшихся Цинской империей, и явилась их закономерным следствием. В первой половине XIX в. Китай ещё не был превращён в колонию, как Индия, и тайпины не осознавали разрушительного воздействия политики европейских держав. Это наложило отпечаток на их отношение к европейцам. В сознании участников войны все беды, переживавшиеся страной, ассоциировались с политикой правившей в Китае Цинской династии.

Этот вопрос рассмотрен Марксом в статье «Китайские дела». Отметим, что статья написана летом 1862 г., т.е. в то время, когда война прошла свою наивысшую стадию, ее характер проявился полностью, и можно было подводить определённые итоги деятельности тайпинов.

- Для Маркса восстание крестьян, вылившееся в войну, не было чем-то исключительным, поскольку *«в восточных государствах мы постоянно наблюдаем неподвижность социальной базы при неустанной смене лиц и племён, захватывающих в свои руки политическую надстройку»*.
- Поэтому Маркс считал вполне естественным возникновение движения, направленного *против чужеземной династии*.
- Исследования ряда отечественных историков подтверждают вывод Маркса.

✓ В.П. Илюшечкин выявил основные черты идеологии тайпинов. Он писал, что ей присущи *«острый антиманьчжурский характер, тесная связь с древнекитайскими социальными утопиями и некоторыми старо-китайскими*

традициями, аскетизм морали и религиозная христианская окраска».

Австралийский тайпиновед **П. Кларк** в работе *«Пришествие бога в Гуанси: соображения о влиянии Карла Гюцлаффа и Китайского союза на раннем этапе тайпинского движения»*, продолжая мысль Илюшечкина, отмечает, что, хотя христианство и оказало значительное влияние на тайпинов, *однако основу их учения составили лишь заимствования из христианства тех элементов, которые им были необходимы для борьбы с маньчжурами. «Эти заимствованные идеи и намерения они преобразовали в форму религии, которая была их собственной, а не традиционно китайской или христианской».*

Думается, что **главной причиной**, почему Хун Сюцюань, а вместе с ним и тайпины восприняли догмы христианства, было его созвучие древнекитайским идейно-философским учениям. Иными словами, в христианстве Хун Сюцюань усмотрел *отголосок древнекитайской идеологии*, которую, как будет показано ниже, он считал *преступно забытой китайцами*.

Нужно сказать, что Хун Сюцюань, в сущности, *не понимал* до конца и в полном объёме христианства, но ему импонировали идеи *«царства божьего»*, которое сулило христианам небесные блага.

- **Главное** – эти идеи внешне соответствовали древнекитайским утопиям о справедливом обществе *«всеобщего единства»* и *«государстве великого благоденствия»*.

- ✓ **К тому же** христианские миссионеры именовали бога «шанди», что полностью соответствовало названию древнекитайского небесного божества.

«Этого обстоятельства, – считал В.П. Илюшечкин, – оказалось более чем достаточным для живого ума Хун Сюцюаня, неотягощённого грузом глубоких исторических познаний. Фактам вопреки он стал утверждать, что древнекитайский „шанди“ и христианский „шанди“ – один и тот же бог, что с глубокой древности и до установления династии Цинь китайцы вместе с наро-

дами европейских стран исповедовали христианство и что тайпины лишь восстанавливают его как исконную китайскую религию, чтобы возродить древние „справедливые порядки“, а вовсе не заимствуют их из западных стран».

Имеется достаточное количество источников, содержащих обоснование действий тайпинов, из которых видна первооснова их программных установок – древнекитайские традиции. Речь идёт о трактатах, написанных Хун Сюцюанем в период идеологической подготовки восстания.

Обратимся к «Гимну об истинном пути к спасению мира», написанному Хун Сюцюанем в 1845 г.

Бросается в глаза, что рассуждения Хун Сюцюаня не столько строятся на основе христианских догм, сколько опираются на древнекитайские источники. То же можно проследить и в его «Поучении об истинном пути к пробуждению мира» (1845 г.), и в «Поучении об истинном пути к познанию мира» (1846 г.).

Ссылаясь на древние времена, он доказывал, что и *«государь, и простой землепашец почитали создателя мира»*. Все последующие поучения основателя «Тайпин тяньго» также проистекают из китайской старины и преподносятся не как нечто новое для мировоззрения китайцев.

- **Основное содержание «Гимна об истинном пути к спасению мира» заключается в наставлениях, как избежать «неправедных путей» в жизни.**

✓ **Спасение, по мнению Хун Сюцюаня, состоит в познании древней мудрости и следовании примерам из прошлой истории.** Поэтому, свои назидания современникам Хун Сюцюань подкреплял **примерами из прошлого:** *«В годы древних династий кровь не лилася людская»; «Ян Чжень даже во мраке ночи взятки грязной не взял»; «Бо И и Шу Ци отказались от трона, голодную смерть предпочтя» и т.д.*

✓ **Характерны для поучений** выражения «с древнейших времён», «исстари люди стремились», «вспомни».

✓ **Идеальное положение вещей** в древности выражено и такими замечаниями:

«С древнейших времён государь и учитель не знали задачи важней, чем истину и справедливость народу внушать своему».

В другом месте читаем: *«Вэнь из династии Чжоу и Кун-цзы избрали праведный путь. Их души за то вознеслись на небо и с господом рядом живут».*

✓ **В «Гимне» даётся идейно-философское обоснование концепции единства и братства людей.**

Уже в первых строках говорится о том, что *«в Поднебесной (т.е. во всем мире. – В.О.) издревле люди друг другу братья»*, постольку *перед «небесным отцом» все едины и «закон Поднебесной един».*

• **В «Починении об истинном пути к пробуждению мира» обращает на себя внимание** заявление Хун Сюцюаня о том, что *«мир состоит из множества государств. Однако в целом он представляет собой одну семью. Господь бог – отец всего сущего в мировом единстве. Он господин и творец всего, что есть в нашей стране. То же можно сказать и о далёких чужеземных государствах... Зачем же нужны барьеры, разделяющие людей? Как же могут возникнуть у людей мысли об уничтожении других людей?».*

• Аналогичные идеи встречаются и в более поздних документах. Так, в **«Манифесте о спасении всех китайцев, рождённых и вскормленных небом»** (декабрь 1851 г. – октябрь 1852 г.), написанном Ян Сюцином и Сяо Чаогуем, Бог называется в них *«отцом всех народов Поднебесной»*, а дьявол – *заклятым врагом всех китайцев и всех народов Поднебесной.*

Изложенный материал показывает, что обращение Хун Сюцюаня и его сподвижников к древности потребовалось не столько для поиска аналогов христианским догмам, сколько в силу

традиционного китайского сознания. Отсюда идеализация китайского прошлого, с которой началась критика существовавших в XIX в. в Китае порядков.

Идеология тайпинского движения отражала антиманьчжурские настроения, а крестьянская война была направлена на изгнание маньчжуров-чужеземцев и восстановление древних китайских порядков, идеальных с точки зрения идеологов движения.

Однако, чтобы возродить старое, требовалось знамя, под которое можно было бы собрать огромные массы. Таким знаменем тайпины сделали христианство.

Почему именно христианство соответствовало целям тайпинов?

Обстоятельный ответ на этот вопрос дал **В.П. Илюшечкин**: *«Чтобы поднять забитые массы на борьбу с маньчжурами, – писал он, – нужно было сорвать с Цинов ореол святости. Существовавшие религии оправдывали, поддерживали своим авторитетом и освящали господство маньчжурских феодалов. Христианство же ассоциировалось в сознании тайпинов с древними учениями».*

И дальше:

«Руководители тайпинского движения, будучи конфуцианцами по воспитанию и складу мыслей, приняли христианство, поскольку оно означало для них в данном случае полное отрицание не только существующих устоев, но и оправдывавших и освящавших их религий и учений».

• **Что же касается вольной трактовки христианства**, то вряд ли над этим серьезно задумывались Хун Сюцюань и его сподвижники.

✓ **Преследуя совершенно конкретные цели – свержение маньчжурской власти**, они достаточно свободно обходились

и с наследием древних, брали из него то, что было нужно для достижения этой цели или выгодно для обоснования тех или иных своих действий.

✓ **Попутно заметим**, что для тайпинов, несших, как они заявляли, *«всеобщее благоденствие и братскую любовь»*, характерны постоянные угрозы смерти для тех, кто не пожелает внять их призывам.

По мнению идеологов движения тайпинов, китайцы задолго до вторжения маньчжуров, ещё в III в. до н.э., *встали на неверный путь и предали забвению древнюю мудрость*. Установление же цинского господства усугубило грех вероотступников.

✓ **Цинская династия призывалась к ответу** за упрочение *«дьявольских порядков»*.

• Явный акцент на критике маньчжуров виден в **«Поучении об истинном пути к познанию мира»**. Для него характерны такие восклицания, как *«в наше время вздорные люди», «ныне же люди создали»* и т.п. *«А в наше время, – писал Хун Сюцюань, – появились еретические учения о том, что владыка ада определяет судьбу, жизнь и смерть человека»*.

✓ **В вину маньчжурам вменялось** то, что правившая династия поставила себя выше китайцев.

• В **«Гимне об истинном пути к спасению мира» Хун Сюцюань негодовал**: *«Так почему ж государь ставит себя над людьми?»*. **Говоря об «истинном пути к пробуждению мира»**, он **подчёркивал**: *«Хороший государь не отворачивается от простого народа и потому достигает вершин добродетели... К сожалению, в наши дни стало трудно находить такие примеры»*.

Эти утверждения строились, как показано выше, на сравнении с положением в стране в древности. В приведённых и множестве других документов вырисовываются **цели тайпинов**: *здесь и критика Цинов, и апелляция к народным массам, а также заветное желание Хун Сюцюаня обладать троном монарха*.

Следует иметь в виду, что дисциплина в тайпинской армии поддерживалась не только на сознании её воинов, важным стимулом был страх перед начальством.

В 1851 г. увидела свет «Книга небесных постановлений и возвещений императорской воли». В собранных в ней документах звучат те же мотивы.

✓ **Одно из обращений** было составлено от имени «небесного отца» и гласило:

«Я послал вашего господина на землю, чтобы он сделался государем неба; каждое слово, которое он говорит, есть небесное повеление; вы должны быть послушны; вы должны верно помогать своему господину и почитать вашего государя; вы не должны сметь действовать беспорядочно или быть непочтительными. Если вы не будете почитать вашего господина и государя, каждый из вас будет вовлечён в неприятности».

О каких неприятностях шла речь?

Ответ на это даёт следующее обращение, теперь уже от имени Иисуса Христа («старшего брата»):

«Если же после того, что вас научили, один из вас нарушит небесные законы, или будет пренебрегать данными вам приказами, или ослушаться своих офицеров, или отступить, когда вас ведут в сражение, то не будьте удивлены, если я, ваш возвышенный старший брат, дам приказание умертвить вас».

Приведённые выдержки являются наиболее характерными для тайпинской пропаганды в период подготовки и начала войны. Они позволяют предположить, что христианство было для руководителей тайпинов удобной религией, которая давала возможность не от собственного лица, а как бы устами христианского божества обосновывать все, даже самые жестокие, требования и цели.

Сошлёмся на авторитетное мнение известного китайского тайпиноведа **Цзянь Ювэня**. Он считал, что

«Хун Сюцюань воспринял лишь поверхностную сторону («кожу и шерсть») христианского учения, а не человеколюбие, сострадание, милосердие и терпение, т.е. его великие духовные и моральные принципы. Он насильем стремился подчинить себе людские сердца. И не случайно, что в созданном им государстве господствовал принцип байдао (путь насилия), а не вандао (путь справедливости)».

- Уже в условиях начавшегося восстания был обнародован **«Манифест о необходимости уничтожения северных варваров по воле неба»** (декабрь 1851 – октябрь 1852 гг.), авторами которого были **Ян Сюцин и Сяо Чаогуй**. Этот документ, *объявлявший войну маньчжурам*, хотя и написан во многом в аллегорической форме, *четко определял* позицию тайпинов. Он является исключительно важным для понимания целей и задач восстания, во всяком случае, на его начальной стадии.

В «Манифесте» маньчжуры названы «северными варварами». В данном случае играло роль не столько стремление оскорбить правившую династию, сколько определённая *принципиальная позиция*.

- ✓ **Китайцы** – жители *«Срединной империи»* – издревле подчёркивали свою исключительность. **К числу варварских** они относили все неханьские народы Китая и все народы, жившие за его пределами.

Таким образом, и маньчжуры попадали в названную категорию. Для авторов «Манифеста» *«Китай – священная страна. Маньчжуры – грязная нечисть»*, поскольку они поклоняются *«змию, дьяволу, владыке ада»*, являющемуся *«лукавым и нечистым духом»* (имеется в виду сохранившийся у маньчжуров шаманизм). *Китай же «принадлежит богу, а не северным варварам».*

Очевидно, что одна из причин ненависти крылась в религиозных различиях. *«Именно по этой причине мы смотрим на них как на нечисть»*, – **заключали авторы «Манифеста».** **За мистификацией,** содержащейся в «Манифесте», **кроется нежелание тайпинов подчиняться воле маньчжуров и быть их рабами.**

- **Цины обвинялись** в посягательстве на *традиции, обычаи и язык* китайцев. «Ведь таким образом, – **констатировали авторы**, – *китайцев заставляли забывать свои корни*», «разве это не надругательство над традициями, оставленными нам прежними поколениями?».
- **В вину Цинам ставилось** и их полное безразличие к общественным нуждам и бедам народа. «Когда случается наводнение, – читаем в «Манифесте», – или засуха, они не проявляют ни малейшего сочувствия и спокойно смотрят на умирающих от голода людей и бродящие по дорогам толпы бездомных, бесприютных». **В то же время** внимание китайцев обращалось на **коррупцию**, которая поразила государственный аппарат власти: процветали взяточничество и торговля должностями, преступники имели возможность откупаться от наказания, патриоты страны обвинялись в государственной измене и подвергались казни. «Право на власть даётся богатством», – **негодовали авторы «Манифеста»**, – в то время как «смелые и способные изнывают в отчаянии, чахнут и гибнут герои — цвет нашей страны».

Таким образом, тайпины выдвигали целый комплекс обвинений против Цинской династии. Заметное место в их числе занимали обвинения в посягательстве маньчжуров на китайские традиции.

- **Хун Сюцюань**, а вслед за ним и другие идеологи тайпинов не во всем объективно оценивали остроту этнических противоречий с маньчжурами, которая была характерна для XVII–XVIII вв.; к середине же XIX в. она сгладилась, так как маньчжуры не только принесли свои традиции, но и переняли во многом более высокую культуру китайского общества. Тайпины же сами перекраивали общественное сознание и уклад жизни довольно-таки жестокими мерами. При этом они **призывали китайцев**: «Возродите страну, столь долго находившуюся под властью иноземцев, восстановите небесные принципы отношений между людьми».

Однако вставала проблема, каким путём это достигнуть?

Анализ программных документов, частично изложенных выше, **позволяет сделать вывод** о том, что предпосылку «возрождения страны» и «восстановления небесных принципов» тайпины видели в моральном очищении народа от «скверны дьявольского наваждения» посредством возврата к праведной вере. Путь к этому, по их мнению, указывало **христианство**.

- **Проповедь христианства** в документах тайпинов звучит не как нечто новое для китайцев, а как критика их отступничества от древнекитайских верований и нарушения небесных заповедей.

«Абсурдное утверждение, – размышлял Хун Сюцюань, – сводится к тому, что поклоняться всевышнему богу – значит следовать западным варварам. Разве не известно, что китайские исторические анналы опровергают это..., западные варвары всегда шли по этому пути, а китайский народ следовал этим путём лишь до определённого времени...».

Обвинение в отступничестве настойчиво повторяется во многих документах тайпинов. Приведём ещё одну выдержку: *«На вашей совести великое преступление: вы отвернулись от своего духовного отца».*

- Особенно отчётливо «тайпинизация» христианства видна в «Высочайше утверждённых к опубликованию и исполнению императорских эдиктах» (1852 г.), которые включали два доклада Ян Сюцина и Сяо Чаогуя и одно воззвание к народу. В сущности, они повторяли уже известное: тайпинское изложение некоторых положений христианства, обосновавших необходимость борьбы с маньчжурами и устранивших «вероотступников».

✓ **В этих документах** привлекают внимание две детали.

«На наше горе, – сказано в одном из докладов, – с тех пор как династия Мин потеряла политическую власть, маньчжуры, воспользовавшись нашей ошибкой, наполнили смутой Китай».

О какой ошибке идёт речь?

Вспомним, что династия Мин была свергнута в 1644 г. в результате крестьянской войны. Однако в это же время объединившиеся племена маньчжуров вели захватническую войну против Китая. Под напором их войск повстанцы покинули Пекин и в Китае воцарилась не «крестьянская», а маньчжурская династия.

Смысл сожаления тайпинов очевиден: *Минская династия была негодна народу, и он сверг ее, но повстанцы допустили ошибку, позволив маньчжурам-захватчикам воспользоваться победой народа, оттеснив его и установив своё правление. Данным заявлением Ян Сюцин и Сяо Чаогуй нанесли удар и по Минам, за восстановление которых ратовали члены тайных обществ, и по Цинам. Из всего этого вытекало следующее:*

«Державный верховный владыка, – читаем в другом докладе, – послал небесного посланника встретить и принять Небесного короля, поднявшегося на небо. Он повелел мне наказать смертью чудовищ маньчжуров и избрал меня, Небесного короля, для осуществления миссии стать властелином и спасителем людей».

С учётом того, что «Небесным князем» считался Хун Сюцюань, цели тайпинского движения в названном документе **приобрели завершённый вид: претензии на установление господства новой династии Хун Сюцюаня стали очевидны.**

Какая же открывалась перспектива перед развитием Китая в случае победы тайпинов? Этот вопрос привлекает пристальное внимание учёных. В основу анализа кладётся «Земельная система Небесной династии».

- **Ху Шэн** – китайский историк и философ писал, что в «Земельной системе» воплотились крестьянские идеалы переустройства общества.
- А известный американский учёный китайского происхождения **Дэн Сыюй**, хотя и не считал правомерным характеризовать движение тайпинов как революцию, но **отмечал**, что оно

«отличалось от предшествующих крестьянских восстаний... своими прогрессивными социально-экономическими идеалами».

- **Обстоятельный** ответ на поставленный вопрос дал **В.П. Илющечкин**. Он считал, что *«это была программа преобразования китайского феодального общества в патриархальное, основанное на идеях „крестьянского социализма“».*
- Другой отечественный тайпиновед **Н.А. Королева обнаруживает в «Земельной системе»** так же *«призыв вернуться к дофеодальным отношениям в деревне и отсутствие какой-либо программы капиталистического развития».*

К этому выводу можно лишь добавить, что существо проблемы заключалось в том, что *тайпины не осознавали истинных причин ухудшения жизни крестьян, как внутренних, так и внешних; большинство руководителей не имело представления о сущности буржуазного развития, способного преобразовать общество; их планы переустройства общества, содержащиеся в «Земельной системе Небесной династии», были утопией.*

В этой связи можно бы вспомнить **замечание В.И. Ленина** о том, что *«безрассудно было бы выставлять носителем революционного движения крестьянство».*

Объективность анализа «Земельной системы» требует сопоставления изложенных в ней *принципов с практической политикой* и реальным претворением в жизнь планов тайпинского руководства. Именно так поступал **К. Маркс**. **Исходя из результатов** практической деятельности тайпинов, **он пришёл к заключению**, что *«оригинальными в этой китайской революции в действительности являются только ее носители. За исключением смены династии, они не ставят себе никаких задач».*

- **Уравнительная идея тайпинов** оказалась *несостоятельной* уже в период подъёма войны. Хотя тайпины конфисковали движимое имущество маньчжурских помещиков, боровшихся против новой власти, уменьшали или совсем отменяли крестьян-

янам налоги на землю, *тем не менее, уравнительное распределение земли так и не было реализовано, а «Земельная система» так и осталась благим пожеланием, недостижимым идеалом.*

- ✓ **Основная масса землевладельцев** *сохранила* и имущество, и землю. Запреты на торговлю были малоэффективны.
- ✓ *Стремясь к захвату как можно большей территории, тайпины не заботились* должным образом о закреплении (организации) своей власти в освобождённых районах; в результате там *фактически сохранялось* прежнее положение вещей.
- ✓ **Реальная политика** тайпинов *несла лишь некоторое смягчение* жизни крестьянам, т.е. *устранение* наиболее непереносимых для них элементов налоговой и арендной эксплуатации.

Нереальность претворения в жизнь уравнительных идей была заложена в самой идее «Тайпин тяньго».

- ✓ **С самого начала** в тайпинском государстве существовало *разделение на князей (ванов) и рядовых членов общества.*

Неизбежность дифференциации определялась введением *системы титулов, чиновничьих рангов, церемониального кодекса.* В ходе войны *сложилась верхушка общества* из числа ванов и военачальников, образ жизни которых мало чем отличался от образа жизни цинских помещиков. Многие из того, что запрещалось рядовым тайпинам, было *в порядке вещей* для их руководителей. *Стимулом жизни тайпинского руководства становились* приобретение высших чинов, обогащение и т.п.

Таким образом, суть тайпинского руководства была той же, что и у прежних правителей, а итогом явился внутренний кризис, который переживало тайпинское государство, **начиная с 1856 г.**

Не внесли свежей струи в развитие «Тайпин тяньго» и предложения о переустройстве общества на новых началах, которые были внесены тогдашним главой правительства Хун Жэньганем в 1859 г.

Причина тому крылась в ряде обстоятельств. Главное: в Китае не сложились ни объективные, ни субъективные предпосылки для восприятия идеалов буржуазного общества. В сущности, предложения Хун Жэньганя и других сводились к механическому перенесению реальных достижений капиталистического Запада на почву традиционного Китая.

В этой связи представляются необоснованными оценки идей Хун Жэньганя как передовых для своего времени, но «плохо сформулированных и объяснённых» (Дэн Сяньпэй).

Показательно, что «Новое сочинение в помощь управлению» Хун Жэньганя не было понято большинством тайпинских руководителей, поэтому не были предприняты какие-либо усилия к его реализации. Даже сам Хун Жэньгань остался равнодушным к судьбе своего проекта, и не только к нему. Проявив деликатное внимание к программе реформ Жуй Хуана, он отказал в их реализации, сославшись на нехватку сил и на то, что для принятия решения необходимо согласие других высших руководителей, коих в то время не было в Нанкине.

В свете сказанного мы полностью поддерживаем вывод В.П. Илюшечкина о том, что «неволью складывается впечатление, что он (Хун Жэньгань) выдвинул эту программу не столько для того, чтобы добиваться ее реализации, сколько с целью поразить других тайпинских руководителей своей эрудицией и разносторонностью».

Иными словами, идеализация прошлого истории Китая настолько сильно сковывала сознание основной массы тайпинов, что ни о каких нововведениях говорить не приходилось.

Поэтому «на наш взгляд, – продолжает свою мысль В.П. Илюшечкин, – стремление представить Хун Жэньганя в качестве одного из первых сознательных проповедников капитализма в Китае лишено достаточных оснований. В действительности – и в этом нетрудно убедиться при ознакомлении с „Новым сочинением в помощь управлению” – Хун Жэньгань не понимал, что феодальный Китай и буржуазные страны находятся на разных ступенях общественного развития, не видел и не чувствовал никакой „ведущей тенденции мирового развития” и полагал, что западные державы отличаются от Китая лишь „более высокой нравственностью”, „более совершенным законодательством” и большим числом полезных технических новшеств».

• Заслуживает внимания и другой вывод В.П. Илюшечкина, содержащийся в статье «Тайпины и конфуцианство».

Он утверждал, что «идейная направленность тайпинского восстания... не выходила по своей форме и по своему содержанию за рамки феодальных конфуцианских идей, понятий и представлений», которые возможно было реализовать и при существующем строе. Установки, выходявшие за эти рамки, были неосуществимы и «противоречили закономерностям общественного развития».

По мнению автора, характеризовать крестьянские движения как антифеодальные можно только в том ограниченном смысле, что «они были направлены против гнёта и произвола со стороны господствующего класса и преследовали цель улучшения социально-экономических и политических условий существования крестьянства, но не уничтожения всей системы добуржуазных производственных отношений, которое осуществляется буржуазной революцией».

Он не согласен с распространённым подходом к оценке крестьянских войн, которые, по мнению ряда исследователей, «объективно» и «в конечном счёте» были направлены против всей феодальной общественно-экономической системы.

Движению тайпинов были свойственны те слабости и ограниченность, которые по исторически объективным условиям присущи всем крестьянским войнам.

В этой связи Маркс, резюмируя своё отношение к тайпинам, замечал, что *«все их назначение сводится как будто к тому, чтобы застою маразму противопоставить разрушение в уродливо отвратительных формах, разрушение без какого-либо зародыша созидательной работы».*

Взгляды Маркса по этому вопросу изложены в статьях «Китайские дела», «Революция в Китае и в Европе», «Первый международный обзор», Энгельса «Персия и Китай» и др.

В.Н. Никифоров в книге «Советские историки о проблемах Китая» поставил под сомнение достоверность источников, которыми пользовались Маркс и Энгельс при написании указанных статей. В характере этих источников автор видел причину ряда отрицательных оценок Марксом и Энгельсом тайпинов, содержащихся, в частности, в статье «Китайские дела».

Известно, что Маркс и Энгельс использовали материалы европейской прессы, свидетельства очевидцев и т.п., которые могли содержать элементы субъективизма. Однако не следует упускать из виду, что Маркс и Энгельс тщательно отбирали информацию, сопоставляли отдельные факты и известия, анализировали их с точки зрения собственной концепции общественного развития. Думается, что если в работы Маркса и Энгельса и закрались *неточности фактического порядка, то их выводы, в целом, верно отражали массовые движения в Китае и других странах.*

В статье «Революция в Китае и в Европе» Маркс применил к крестьянской войне тайпинов определение *«могучая революция»*, но не следует буквально воспринимать эти его слова. Изложенная выше идеологическая позиция тайпинов в сопоставлении с марксовым пониманием социальной революции показывает, что применение термина *«революция»* к войне тайпинов потребовалось Марксу для того, чтобы *подчеркнуть огромные масштабы крестьянского*

протеста против порядков, господствовавших в Китае, радикальность методов такого протеста. Не случайно Маркс в этой же статье писал о движении тайпинов как о восстании, а Энгельс в статье «Персия и Китай» – о «великом восстании», т.е. эти определения использовались как синонимы, выражающие отдельные аспекты явления, которое было не чем иным, как крестьянской войной. Аллегория «бушующее море революции» Маркс употреблял и в связи с восстанием 1857–1859 гг. в Индии.

- **Обращает на себя внимание** то, что не крестьянская война тайпинов вызвала массовый протест в Китае, как о том писали, а, наоборот, тайпинское движение зародилось и развивалось в условиях всеобщего крестьянского недовольства, но тайпины не желали объединиться с другими повстанцами. В этом прослеживается ограниченность тайпинского движения, которое, в сущности, было одной из форм выражения крестьянского протеста против цинской политики, его вершиной.

✓ Кажется вполне естественным, что тайпинская война, выросшая из мощного потока крестьянского протеста, должна была бы объединить силы боровшихся, но этого не произошло. **Одна из причин** крылась в том, что тайпины провозгласили «Небесным князем» Хун Сюцюаня, в то время как наиболее популярной в Китае была идея восстановления Минской династии. Отсюда нежелание тайпинов идти на союз с повстанцами, выступавшими под лозунгом «Свергнем Цин, восстановим Мин!».

К примеру, генералиссимус «Союза малых мечей» Лю Личуань в обращении к повстанцам призывал: «Татарские [маньчжурские] дьяволы должны быть уничтожены, а династия Мин восстановлена».

Тайпины, начав действовать в атмосфере сильнейшего крестьянского недовольства, фактически обособились от основной массы населения, положив в основу своей идеологии «тайпинизированное» христианство, которое вопреки планам тайпинского руководства не стало идеологической базой единства всех антиманьчжурских сил.

Между тем реальная почва к тому существовала. Это – идея равенства, культивировавшаяся в Китае ещё раньше. В период, предшествовавший войне тайпинов, был выдвинут лозунг «Именем неба восстановим справедливость». Программа тайпинов унаследовала и другие лозунги предшествовавших им повстанцев, в числе которых следует назвать:

- **уравнительные лозунги:** «Оберём богатых, чтобы помочь бедным». «Бить богатых, помогать бедным».
- **Утопическая идея общности имущества** выражалась в лозунгах: «Уничтожим межи, с тем, чтобы все жили одной семьёй», «Восемь сторон света составляют мир, все роды должны составлять одну семью».

Однотипность призывов тайпинов и лозунгов их предшественников *естественна*. **Не случайно** и название войны: оно происходит от понятия «тайпин», имевшее большое хождение в Китае с древности.

«При борьбе крестьян с крепостниками-помещиками, – писал **В.И. Ленин**, – самым сильным идейным импульсом в борьбе за землю является идея равенства».

- На это обстоятельство в свое время указывали **Маркс, Энгельс**. События, предшествовавшие крестьянской войне тайпинов, рассмотрены ими в «Первом международном обзоре» (январь 1850 г.).

Они коснулись вопроса о положении в Китае в связи с известиями, которые привёз в Европу из Китая немецкий миссионер К. Гюцлафф, проживший там двадцать лет. Гюцлафф вернулся в Европу в октябре 1849 г., тайпины же в это время вели лишь сектантскую пропаганду в Гуандуне и Гуанси. Их повстанческие отряды, как известно, начали формироваться только **в июле 1850 г.**, а первую победу они одержали **в декабре 1850 г.** Более или менее активная борьба развернулась **с января по сентябрь 1851 г.**, т.е. во время, когда «Обзор» был уже написан. *К началу 50-х годов деятельность тайпинов ещё не привлекала к себе внимания, она не выделялась среди мятежей, охвативших Гуанси.*

Свидетельство тому содержится в донесениях шеньши из Гуанси (октябрь 1850 г.), которые докладывали в Пекин о множестве восстаний в провинциях, о тайпинах при этом ничего не было сказано.

О чем же и о ком писали Маркс и Энгельс в «Обзоре», комментируя Гюцлаффа?

В январе 1850 г. «*Neue Preußische Zeitung*» опубликовала изложение его доклада на очередном месячном собрании Лондонского статистического общества. В этом докладе Гюцлафф сделал обзор финансового положения Цинской империи. **Вывод гласил**, что империя стоит *перед кризисом*, который, **говорил Гюцлафф**, должен повлечь *политико-государственные преобразования*. Автор доклада **выделил два фактора**, определявших финансовые трудности Китая.

- **Внутренний фактор:** доход казны за последние 6–7 лет сократился на треть, так как недовольство народа выросло, и *он отказывается платить налоги*.
- **Внешний фактор:** первая «опиумная» война привела к *росту дефицита бюджета* в 15 млн.ф.ст., а правительство не способно применить эффективные меры для его сокращения.

Результатом всего этого, по мнению Гюцлаффа, заслуживающим наибольшего внимания, *стало демократическое движение в народе, которое основывалось на общинных институтах страны. Далее следует важный* для нас вывод о том, что *«эти небольшие общины уже превратились в средство организации систематического местного сопротивления декретам императора»*.

Данный вывод выражает суть оценки Гюцлаффом политической атмосферы в дотайпинском Китае, после чего *идёт замечание*, которое, по оценке Маркса и Энгельса, является *курьёзным*.

«К этому движению, – говорил Гюцлафф, – добавляются другие явления угрожающего характера: коммунизм, этот ужас западноевропейских стран, оказался не чужд даже китайцам, ибо в стране действуют анархисты, которые проповедуют – „бедные

ежедневно становятся беднее, богатые ежедневно становятся богаче", а все социальные язвы могут быть излечены с помощью всеобщего распределения благ, коротко говоря, состояние „поднебесной империи" таково, что ей предстоят большие потрясения в ближайшем будущем».

Очевидно, что автор этих слов моделировал китайские события на европейский манер, употребляя к тому же европейские определения.

Однако ясно и другое: утопические идеи равенства получили большое распространение в Китае, но в то же время они ещё непосредственно не связывались с тайпинами и предшествовали формированию их идеологии. **Не случайно** в обстоятельном докладе Гюцлаффа о них нет упоминания.

Силой, обладавшей реальными возможностями оказать воздействие на переустройство общественной жизни Китая, стало вторжение европейцев. Об этом писали Маркс и Энгельс в «Обзоре» за 1850 г. Эта мысль получила развитие в ряде их последующих статей, в которых колониальная агрессия рассматривается как важнейший фактор преодоления застоя в общественной жизни Китая.

Колонизаторы, подрывая основы традиционного китайского общества, объективно создавали возможность для развития новых общественных сил, открывали перспективу его переустройства на буржуазных началах, **о которых говорится в «Обзоре»:**

«Все же отраднo, что самая древняя и самая прочная империя в мире под воздействием тyюков ситца английских буржуа за восемь лет очутилась накануне общественного переворота, который, во всяком случае, должен иметь чрезвычайно важные результаты для цивилизации».

Участники массовых движений не признавали необходимости соединения антифеодального и антиколониального направлений борьбы. Попытки приписать Хун Сюцюаню антиколониальные идеи не выдерживают критики. Нельзя поэтому считать тайпинов родоначальниками национально-освободительного движения и преувеличивать их потенциальные возможности.

Документы свидетельствуют, что тайпины не выдвигали антиколониальных лозунгов, а в отношении европейцев питали иллюзии, которые строились на идее всеобщего единства народов. Мирлюбивое отношение к европейцам прослеживается в различные периоды войны: как в начале 50-х годов, так и в 60-е годы.

Иначе, как известно, относились к европейцам участники выступлений на юге Китая. **Антиколониальные выступления** в Китае имели место ещё до начала войны тайпинов, которые на последнем этапе войны вынуждены были обороняться от интервентов.

По оценке Маркса, ненависть к европейцам на юге Китая вспыхнула ярким пламенем ярости, которое невозможно было потушить. Характерно, что антиевропейские движения в 40-е годы XIX в. и в период крестьянской войны тайпинов не содержали призывов, свойственных антифеодальным восстаниям.

Чего хотели добиться участники выступлений на юге Китая в 40-е годы?

Ответ на этот вопрос дан в книге А.С. Ипатовой:

«После войны 1839–1842 гг. основные усилия гуандунцев были направлены на то, чтобы не допустить английских колонизаторов в Гуанчжоу, воспрепятствовать англичанам получить в аренду участки земли в Гуандуне, не восстанавливать и не строить здания для них на территории провинции, бойкотировать их товары».

Если тайпины видели в европейцах своих «братьев», то участники патриотических движений на юге олицетворяли Цинов с

добродетелью и гуманностью. **А.С. Платова**, проанализировав документы гуандунских повстанцев, **пришла к выводу**, что *их вера в победу была тесно связана с идеализацией довоенного прошлого и цинских правителей и воплощена в мечту о том времени, когда в стране снова сможет восторжествовать справедливость.*

В портовых городах и прилегающих к ним областях население испытывало на себе прежде всего *колониальное насилие и произвол англичан.* Это обстоятельство было проанализировано **Энгельсом, который заключил**, что *«Кантон ведёт нечто вроде самостоятельной войны с англичанами и вообще со всеми иностранцами».* На основе информации о событиях в Китае, которая в достаточном количестве публиковалась европейской прессой, **в статье «Персия и Китай» (май 1857 г.)** Энгельс подчеркнул *народный характер антиколониальных выступлений в Китае, где «разлагающаяся полуживильзация древнейшего в мире государства борется с европейцами своими собственными средствами... Доведённый до отчаяния, полуразвалившийся Китай сумел найти систему сопротивления, которая, если она будет последовательно проводиться, сделает невозможным повторение триумфальных походов первой англо-китайской войны».*

Энгельс установил, что в южных провинциях *«народные массы принимают активное, более того, фанатическое участие в борьбе против чужеземцев».* В статье содержится мысль о *необходимости национальной войны* против колонизаторов. Он подчеркнул жестокость средств, которыми пользовались повстанцы в борьбе с колонизаторами, их фанатическую ненависть к иностранцам, которым добавляли в хлеб яд, и в таких огромных количествах, что он действовал лишь как рвотное, не достигая цели. **Причину ненависти Энгельс видел** в *«пиратской политике британского правительства»*, которая привела к войне на истребление иностранцев. *«Если британцы, – рассуждал Энгельс, – обращаются с китайцами, как с варварами, то они не могут отказать им в праве использовать все преимущества, вытекающие из их варварства».*

Борьбу китайцев против европейцев Энгельс характеризовал как народную войну «за алтари и очаги», причём, подчёркивал он, «в народной войне средства, применяемые восставшей нацией, надо оценивать не с точки зрения общепризнанных правил регулярной войны или какого-либо другого абстрактного критерия, а лишь с точки зрения той ступени цивилизации, которой достигла эта восставшая нация».

Рассмотрение массовых движений как продукта общественного развития позволяет реалистически оценить историческое место тех или иных восстаний. Итоги последовавших «второй» и «третьей» опиумных войн показали, что усилий участников массовых движений (антифеодальных и антиколониальных) в Китае, действовавших разобщённо и в разных направлениях, в то время оказалось недостаточно, чтобы противостоять фактически объединённым силам старого Китая и европейских колонизаторов.

Лекция I.2.
**НАЧАЛО ПРОПАГАНДИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ХУН СЮЦЮАНЯ И ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ
КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ ТАЙПИНОВ В КИТАЕ
(1850-1864 гг.)**

Очередной подъем крестьянских восстаний в Китае был вызван последствиями подписания неравноправных договоров и влиянием европейцев во многих сферах его общественной жизни.

- **Опиумная торговля** продолжала *калечить* население, *выкачивала* серебро из страны, привела к *разгулу* коррумпированного чиновничества.
- **Цены на серебряные монеты выросли**, что также *усложняло* положение народа.
- **Налоги** нужно было платить серебром, а народ пользовался медной монетой. Теперь ему приходилось менять кучу медных денег на малое количество серебра.
- **Было введено** много *новых налогов* и *повышена* арендная плата за землю.
- **Положение населения** усугублялось *стихийными бедствиями*.

Весь гнев недовольной части населения Китая на территориях, удаленных от побережья, был направлен против манчжуров, т.к. население терпело притеснения непосредственно *со стороны цинских чиновников*, а влияние вторгшихся европейцев – источника их бедствий – *внешне не проявлялось*.

Антиманчжурские настроения народа *поддерживались* частью китайских купцов и помещиков, которые также были недовольны политикой цинов.

Крестьянские выступления имели религиозное обоснование и лозунги, т.к. в то время им была присуща религиозная

форма мышления, что отчетливо видно на примере крестьянской войны тайпинов (1850-1864 гг.).

Идеологом крестьянской войны тайпинов в Китае стал сельский учитель, выходец из крестьян провинции Гуандун, **Хун Сюцюань**.

Как сообщает его ближайший сподвижник, бывший одно время главой правительства тайпинов и последний защитник Нанкина, **Ли Сючен**: *«старший и средний братья [Хун Сюцюаня] занимались земледелием. Хун Сюцюань учился»;*

- он был одним из тех крестьян, которые *стремились к знаниям*, однако в силу своей бедности он не мог дать требуемую для сдачи экзамена взятку и *четырежды проваливал экзамены* на получение *ученой степени шеньши*;
- посещая часто Гуанчжоу, он общался с *европейскими миссионерами*, которые пропагандировали *христианские догматы*;
- наряду с этим Хун Сюцюань *увлекался работами древних китайских философов*;
- в результате в сознании Хун Сюцюаня в 1837 г. произошли *какие-то искривления*, он фактически *потерял рассудок*, заболел и некоторое время пребывал в *прострации*. Вследствие этого молодому человеку *представилось, что он общался с Господом Богом*, который *призвал его* принести освобождение китайскому народу.

По свидетельству того же Ли Сючена:

«В результате болезни он умер, но через семь дней воскрес, после чего стал говорить словами неба, весьма мало обращаясь к обычным словам, бытующим в мире. Он советовал людям поклоняться богу, очищать себя от скверны, говоря, что те, кто вступят на путь поклонения богу, будут избавлены от бед и трудностей, упрямствующие же встретятся с лютыми тиграми и змеями (т.е. будут наказаны). Те, кто поклоняются богу, не должны поклоняться никаким другим божествам, ибо поклонение иным божествам есть грех. По этой причине люди, почитающие бога, не

осмеливались гнуть спину перед другими божествами. Все люди боялись смерти. Разве могли они не убояться обещанной им лютной ярости тигров и змей? Вот почему они последовали за ним».

Вот как описывает начало деятельности Хун Сюцюаня его двоюродный брат **Хун Жэнгань**, примкнувший к восстанию на его заключительном этапе и бывший одно время главой правительства:

«Мы жили по соседству и в молодости были друзьями. Я много слышал и знал о Хун Сюцюане. Наш небесный князь был старше меня на девять лет. Небо одарило его большим умом... Любопытный текст он запоминал наизусть с одного раза. В 12-13 лет он изучил классические книги, историю и поэзию. До 31 года сдавал экзамены и каждый раз успешно. Только экзамен в провинции был неудачен. Он был очень обижен этим».

В 1837 г. *«он неожиданно встретил человека в даосской одежде с длинными волосами... Этот человек с почтением... сказал: «Вас ждет большая слава. Не надо предаваться печали. Если будете горевать, обязательно заболете». Сказав это, он исчез... Вернувшись домой, Хун Сюцюань заболел и потерял сознание.*

Придя в себя, он стал рассказывать видения, посетившие его. Главным из них был разговор с высоким старцем с золотистой бородой. Он подарил мне меч и со слезами на глазах сказал: «Я вы звал тебя, Сюцюань, сюда, чтобы ты знал, что все люди в Поднебесной порождены мною и воспитаны мною. Все едят мою пищу, одеваются в мои одежды, даже то, что они видят и слышат, все сотворено мною... но люди считают это милостями деревянных и каменных идолов. Нынешние люди воистину бессердечны. Ты ни в коем случае не бери с них пример!» Окончив наставления, старец приказал мне действовать смело...

Шатаясь от слабости, государь вышел из спальни и, обращаясь к отцу и соседям... он поведал о своей беседе с Небесным отцом. Люди не поняли, что он сказал, и все решили, что он помешался. В течение 40 с лишним дней он только и говорил о грядущих сражениях за землю и уничтожении дьяволов».

По свидетельству того же Хун Жэнганя, Хун Сюцюань после

прозрения очень изменился: бросил курить, общаться с женщинами, во всем вел строгий образ жизни. *«Он пришел в себя, сел и стал спокойно раздумывать. И вдруг его осенило: «Верховный владыка не мог обмануть меня»*, – заявил Хун Сюцюань. После этого прозрения он даже приобрел внушительный вид, что постоянно веселило деревенских мальчишек.

После выздоровления Хун поведал крестьянам своей общины о произошедшем с ним общении с Богом и нарёк себя младшим братом Иисуса Христа. **«Я – сын неба, – объявил он, – в царстве великого спокойствия. Все налоги и сборы в Поднебесной принадлежат мне».** Он стал выступать со своими проповедями, в основе которых лежала идея равенства и ненависть к манчжурам.

- В сущности, как было установлено, его проповеди были смесью древнекитайских идейно-философских учений и христианства.
- Вскоре они привели к объединению вокруг нового мессии крестьян, желавших свободы. Его личность заинтересовала даже богатую часть населения провинций Гуанси и Гуандун, где он вел свои проповеди. Они стали *«приглашать его к себе, с почтением выслушивали его наставления и радовались тому, что могли лично встретиться с подлинным сыном неба».* Как бы там ни было в действительности, очевидно, что проповеди Хун Сюцюаня в главном отвечали антиманчжурским настроениям различных социальных групп населения Китая.
- **Важные сведения** о начальной деятельности Хун Сюцюаня содержатся в **показаниях Ли Сючена.** Прежде всего он сообщил, что изначально проповеди Хун Сюцюаня *строились на обвинении китайцев* в предании ими забвению древнекитайских мудрецов, *в призывах* вернуться к древним ценностям, возможность к чему указывает христианство и, главное, *в обещании жестоких наказаний* для тех, кто не прислушается к призывам нового мессии, т.е. Хун Сюцюаня. Забегая вперед отметим, что

и в будущем государстве многое будет держаться не только на вере, но и на страхе, а также на обещаниях руководителей тайпинов сытой жизни тем, кто раскается в своих грехах и последует за своим повелителем, т.е. за Хун Сюцюанем. Того, кто не сделает этого, настигнет кара Небесная.

- **Складывается впечатление**, что в родном уезде Хуасянь проповеди Хун Сюцюаня не принимались всерьез, и он был вынужден колесить несколько тысяч ли по провинции Гуанси. *«Небесному князю часто приходилось скрываться в горах, где он учил людей поклоняться богу. Он рассказывал людям об упомянутых выше лютых тиграх и змеях, о том, что в награду за послушание небо освобождает от бед, трудностей и зловерных наваждений. Его слова один передавал десяти, десять передавали сотне, сотня – тысяче, тысяча – десяти тысячам. Вскоре во многих уездах три-пять, а в иных местах даже и восемь семейств из десяти следовали за Хун Сюцюанем. Люди образованные и начитанные, – сообщал Ли Сючен, – не поддерживали его. Толпы его поклонников состояли исключительно из земледельцев, бедных, страдающих от нужды семейств...»*

- **Не следует думать**, что проповеди Хун Сюцюаня быстро и беспрепятственно завоевывали симпатии у китайцев, как это может показаться из воспоминаний его сподвижников. Этот процесс занял несколько лет и касался обездоленных крестьян, которые **рассчитывали на обещания «пророка» всех накормить**. Следовали за ним лишь потому, что хотели прокормиться.

- **Примечательно**, что даже в родной деревне Хун Сюцюань не встретил понимания у земляков, а после того, как он разгромил изваяния деревенских идолов, его действия *«встретили сопротивление»*. Дело дошло до того, что он и его товарищ по школе **Фэн Юншань** вынуждены были покинуть деревню. Трудности антимаңжурских проповедей в провинции Гаундун, видимо, были связаны с тем, что ее население острее своей борьбы направляло против англичан и выдвигало лозунги о совместной с Цинами борьбе против интервентов.

В 1843 г. было образовано тайное «Общество поклонения Богу (небесному владыке)» (баймандихой) и Хун Сюцюань стал его духовным руководителем.

Наряду с Хун Сюцюанем в новом растущем обществе **видную роль играли:**

Ян Сюцин – выжигатель древесного угля, стал правой рукой Хун Сюцюаня, командиром вооруженного отряда – ядра армии тайпинов;

Сяо Чаогуй – крестьянин, командующий одной из армий тайпинов;

Вэй Чанхой – разорившийся мелкий помещик, помощник Хун Сюцюаня, который примкнул со всем своим антиманчжурски настроенным родом;

Фын Юньшань – учитель;

Ши Дакай – из зажиточных крестьян.

«Общество поклонения Богу» развернуло свою деятельность в горах на юго-востоке провинции Гуанси, на границе с провинцией Гуандун.

После того как Хун Сюцюань и Фэн Юньшань фактически были изгнаны из деревни, они отправились проповедовать в Гуанси, но вскоре по непонятной причине *Хун возвратился зимой 1844 года в Хуасянь* и «следующие два года занимался преподаванием и писал религиозные проповеди и оды», т.е. *фактически отошел от дел* и вся тяжесть пропаганды легла на плечи Фэн Юньшаня.

- В этой связи **требуется уточнения история образования «Общества поклонения Богу»**. Так, в энциклопедии «**Выдающиеся китайцы цинского периода**» (проект библиотеки конгресса США) нетрадиционный, но документализированный взгляд:

«Фэн обосновался в Цзынзиньшане в 50 ли от Гуйпина в провинции Гуанси. В течение нескольких последующих лет он обратил в христианство несколько тысяч человек, главным образом из крестьян-переселенцев из племени мяо, и организовал религиозное общество «Бай шанди хуэй», то есть «Общество поклонения небесному владыке». В 1847 году Хун... снова отправился в Гуанси, где нашел Фэн Юньшаня в тюрьме за разрушение идолов, но тот вскоре был освобожден. Местными христианами Хун был принят как вождь».

Данный документ свидетельствует о больших заслугах Фэн Юньшаня в пропаганде христианства и *создании Общества. В 1852 г.,* то есть на начальном этапе восстания, в майских боях в провинции Хубей он погиб, и память о его деятельности в Цзыньтянь постепенно *стерлась.* О заслугах других руководителей Общества упоминал **Ли Сючен:** *«В самом начале именно эти шесть человек [сподвижников] занимались распространением среди населения новой веры. У себя дома я ничего не слышал ни о каком небесном князе».*

Энциклопедия **«Выдающиеся китайцы...»** свидетельствует: **«Тайпинское восстание началось в июне 1850 года в деревне Цзыньтянь в Цзынзиньшане. Это не было похоже на простую крестьянскую стихию, т.к. повстанцы создали свою военную организацию «Воины Бога». Всем остальным «служителям бога», т.е. членам христианской секты, было приказано сопротивляться правительственным войскам.**

Чтобы заставить народ следовать за своими вождями при любых обстоятельствах, не думая о семьях, их дома были разрушены, а все их движимое имущество отдано в общую казну, из которой они получали поровну».

Удивительно, **но** факт, по заявлению того же **Ли Сючена,** во время столь важных событий, как начало восстания, Хун Сюцюань *опять же отсутствовал в деревне Цзыньтянь, а все дела перепоручил Ян Сюцину.*

«Небесный князь проникся к нему безграничным доверием и поручил дела целого государства... В 6-м месяце 30-го года правления Даогуна (1850), – писал Ли Сючен, – одновременно поднялись Цзиньтянь, Хуачжоу, Лучуань, Бобам и Байша... Когда оно началось, небесный князь укрывался в семье Ху Ихуана из деревни Шаньжэньцунь уезда Хуачжоу. О его местопребывании не знал никто. В это время восточный князь [Ян Сюцин], северный князь [Вэй Чанхой], отдельный князь [Ши Дакай] и тяньгуаньчэнсян [Цинь Жичан] находились в Цзиньтяне».

И только после начала восстания «восточный князь [Ян Сюцин] послал вооруженных людей в Хуачжоу, чтобы встретить там небесного князя, а затем соединиться с остальными силами в Цзиньтяне».

- **Консолидация повстанцев** в единое войско и начало военного похода поставило их руководителей перед, казалось бы, простой и естественной **задачей** – необходимо было кормить многочисленное войско. Каких-то особых припасов они не имели, а крестьяне сами, как известно, рассчитывали и ждали, что их накормят.
- **Обращает на себя внимание**, что Хун Сюцюань, как очнулся после болезни, заявил не о равенстве, а о том, что «*все налоги и сборы в Поднебесной принадлежат мне*». О праве распоряжаться собственностью и имуществом китайцев говорится во многих документах. *Поскольку организаторы восстания не занимались хозяйственной деятельностью, то в сложившейся ситуации им оставалось только реквизировать продукты.*

Ли Сючен дал описание одного характерного эпизода из раннего периода восстания:

«Войска западного и северного князей стояли в Дали лагерем пять дней, в течение которых реквизировали у крестьян окрестных деревень провиант и одежду. Они разыскали даже то зерно, которое местные жители увезли далеко в горы... Западный князь... отдал приказ, в котором говорилось, что тем жителям,

которые поклоняются богу, нечего бояться. Им незачем скрываться, говорилось в приказе, ведь они будут приняты как братья и могут есть с воинами Небесной династии из одного котла... Перед снятием лагеря дома всех сторонников новой веры были сожжены. Беднякам, оставшимся без крова, ничего не оставалось как последовать за пришельцами. Деревенские жители никогда не ходили далеко от дома, и, когда армия прошла всего сто с лишним ли, они уже не знали, как возвратиться назад... Разве тут не испугаешься?»

Подобного рода примеров в документах содержится множество. Вряд ли **грабежи** были самоцелью инсургентов, однако факты, как известно, вещь упорная – под давлением обстоятельств они не брезговали грабежами, с моральной точки зрения они считали, что во имя Небесных целей восстания все жители Поднебесной обязаны были жертвовать им своим имуществом. При этом не исключались и прямые погромы.

Вернемся к показаниям Ли Сючена. Он описал погром в одной из деревень уезда **Гуйсян в 1850 г.** Там возникла ссора и драка между местным населением. Этим воспользовались бандиты:

«Они принялись грабить и бесчинствовать». Хун Сюцюань запретил своим сторонникам принимать во всем этом участие, но распорядился захватить их одежду и пищу, но не возвращать ее крестьянам. «Небесный отец, – писал Ли Сючен, – приказал своим, сторонникам собраться в одном, месте, делить между собой поровну одежду и пищу, тех же, кто этому правилу не подчинялся, безжалостно изгоняли».

Начавшееся летом 1850 г. крестьянское восстание вошло в историю под названием «крестьянской войны тайпинов». Своё название эта война получила от древнего китайского символа тайпин – «великое благоденствие». В ходе этой войны тайпины создали свое государство – Тайпин тяньго (Тяньго – «небесное царство») – «Небесное царство великого благоденствия».

В течение 1850 г. тайпины одержали ряд побед в провинции Гуанси. После тяжелых боев в августе–сентябре 1851 г. они заняли маленький удаленный от центра городок Юньань, где провозгласили об образовании своего государства «Тайпин тяньго», чем подчеркивали, что борются за такие же порядки как на небесах, а Юньань сделали его столицей.

• Хун Сюцюань стал главой этого государства – Небесным князем.

✓ **Важная черта:** на Хун Сюцюаня молились как на живого бога, однако реальная сила была в руках Ян Сюцина, который встал во главе правительства и был главнокомандующим.

✓ Ян Сюцин занимал второе место в государстве, однако он успешно делил первенство с Хун Сюцюанем.

«Ян Сюцин, – сообщает энциклопедия «Выдающиеся китайцы...», – был талантливым и умным человеком и умело использовал веру в потусторонний мир, чтобы добиваться своих политических целей. В то время как Хун Сюцюань объявил себя сыном бога, Ян Сюцин объявил себя глашатаем бога. Возможно, для того чтобы внушить к себе преданность и уважение со стороны своих коллег-генералов, он претендовал на дар предвидения... Как администратор Ян Сюцин провел в тайпинском государстве много реформ. Большинство тайпинских официальных публикаций, включая постановление о реформах военных, земельных, церемониальных и летоисчисления, было выпущено в 1852–1853 гг., когда Ян был в зените своего могущества... Ян делал ему [Хун

Сюцюаню] доклад раз в день, а иногда раз в несколько дней. Известно, что Небесный владыка обычно соглашался с планами Яна».

Ян Сюцин в искусстве перевоплощения превзошел даже самого Хун Сюцюаня, когда прикинулся невменяемым и потом объяснял это тем, что в него вошел сам Бог.

«Восточный князь, – вспоминал Ли Сючен, – удостоился божественного откровения и обрел способность знать прошедшее и будущее. За это люди его очень почитали. Ему было дано искупать людские страдания. Он два с лишним месяца был глухонемым, люди считали его инвалидом, но однажды болезнь вдруг бесследно исчезла, и каждое произнесенное им отныне слово служило подтверждением вышеозначенной чудесной способности».

Таким образом, получалось, что он несет людям «благую весть» и строгие порядки не от себя, а от имени самого Бога, т.е. являлся его заместителем на земле, в то время как Хун Сюцюань всего лишь младший брат Иисуса Христа.

Примеру старших руководителей ничтоже сумяшеся последовал и западный князь Сяо Чаогуй: в какой-то момент и на него снизошло откровение небесного брата [Иисуса] и, по его словам, он обрел чудесную способность при всех обстоятельствах одерживать победы.

Сложилась, на первый взгляд, парадоксальная ситуация. Общество тайпинов провозглашалось как общество всеобщего равенства, а вот государство, созданное в Юньане и провозглашенное 11 января 1851 г. – в день рождения Хун Сюцюаня, было военно-бюрократическим, не имевшим ни малейших признаков народного представительства.

Впрочем от тайпинов, порождения плоть от плоти старого Китая с соответствовавшим ему архаичным миропониманием, вряд ли можно было ожидать большего. Максимум – утопических идей «крестьянского (вульгарного) коммунизма».

- Хун Сюцюань был провозглашен Верховным правителем

Тайпин тяньго с титулом **тань ван** (ван суй) – «*небесный князь*», «небесный царь».

- **Высшим руководителям** (Ян Сюцину, Сяо Чаогую, Вэй Чанхою, Фэн Юньнанию, Ши Дакаю) были дарованы титулы **князей (ванов)**, князья составили фактическое правительство, которым командовал **восточный князь Ян Сюцин**.
- **Они же командовали** армиями. Тот же Ян Сюцин стал, как отмечалось, главнокомандующим.
- **Низовой, административной и военной** организацией являлся "**пяток**", состоящий из *четырёх рядовых бойцов и командира*, **пять пятков** образовывали *взвод*, **четыре взвода** – *роту*, **пять рот** – *полк*, **полки** сводились в *корпуса и армии*.
- **В деревнях гражданская, военная и духовная власть** принадлежала низшему чину *лянсьма*. Только через него крестьяне могли подать прошение или заявление, решение по которому принималось на том уровне, которому соответствовала поданная бумага.

В Юньани у тайпинов созрел план Северного похода с целью свержения маньчжурского господства. Следует заметить, что поход тайпинов на Север стал не простой прогулкой, в результате которой тайпины «торжественным маршем» достигли рубежей Янцзы. Их победы были достигнуты в тяжелых, кровопролитных боях, в которых гибли сотни тысяч воинов с той и другой стороны, а руководители тайпинской армии должны были постоянно заботиться о ее пополнении, часто прибегая к самым суровым мерам мобилизации местного населения.

К завершению боев в районе **р. Янцзы** армия тайпинов выросла в сравнении с **концом 1851 г. в десять раз** и составила **500 тыс.** человек, а флотилия – **10 тыс. джонок**. Это обеспечило её успешное движение с Юга в Центральные районы Китая за короткие сроки и сделало возможным захватить на своём пути 26 городов.

В чем причина такого успеха?

Одна из причин видится в широкомасштабной агитационной и пропагандистской работе тайпинов, в их твердых, а часто жестоких действиях. Вся жизнь тайпинов строго *регламентировалась* и на каждое действие имелось *особое предписание*.

К примеру, вот некоторые положения их «Десяти важнейших правил для лагерной стоянки».

«Всем надлежит хорошо знать небесные заповеди, правила вознесения благодарности небесному отцу, а также все опубликованные манифесты.

Всем надлежит не курить опиум, не пить вина, быть справедливыми и смиренными, не предаваться порокам и не укрывать их, не потворствовать младшим и не противодействовать старшим.

Всем надлежит действовать в единстве и согласии, подчиняться приказам начальников, не давать [начальникам] ложных сведений о численности солдат, не укрывать золотые и серебряные деньги, а также драгоценности и украшения.

Женщины и мужчины должны находиться отдельно друг от друга в разных лагерях. Им не следует общаться и вступать в сношения друг с другом.

Никому не разрешается без дела выходить за пределы лагеря или появляться в расположении другой армии...

Всем надлежит изучить правила приветствия и титулования начальников, а также правила обращения к ним с вопросами и правила ответов на их вопросы».

Серьезным обстоятельством, сопутствовавшим успеху тайпинов, по признанию современников, было то, что по маршруту своего следования их армия всюду сеяла жестокость и наводила ужас на местное население, которому ничего не оставалось делать, кроме как безропотно подчиниться и вступить в ее ряды.

За малейшее неповиновение или нарушение виновным *грозил* смерть. Жизнь человека для тайпина *не стоила и гнутаго медяка*. Ни о какой свободе личности *не могло быть и речи*. Тайпины посягали на личность человека и *нарушали семейные отношения*. Муж и жена не только жили отдельно, им не разрешалось общаться между собой и даже разговаривать друг с другом, родители не имели права разговаривать со своими детьми.

Но *все это было уделом* простых воинов-тайпинов, их верхушка жила иной жизнью.

«Народным массам, – писал К. Маркс, – они внушают еще больший ужас, чем старые властители. Все их назначение сводится как будто к тому, чтобы застою маразму противопоставить разрушение в уродливо отвратительных формах, разрушение без какого-либо зародыша созидательной работы... Внушать ужас – такова вся тактика тайпинов. Их успех основан исключительно на действии этой пружины».

Слова К. Маркса подтверждаются свидетельством очевидца – английского консула **Харви** по поводу ситуации в Нинго.

«Вот уже три месяца, как Нинго находится в руках революционных тайпинов. Здесь, как и везде, где воцарялись эти разбойники, опустошение было единственным результатом их господства. Ставят ли они себе еще какие-нибудь цели? Господство неограниченных и необузданных эксцессов с их стороны кажется им действительно столь же важным, как уничтожение чужих жизней. Этот взгляд тайпинов в действительности никак не вяжется с иллюзиями английских миссионеров, сочиняющих басни о том, что тайпины осуществляют «освобождение Китая», «возрождение империи», «спасение народа» и «введение христианства». В результате своей десятилетней трескучей и никчемной деятельности они все разрушили и ничего не создали...»

Далее Харви сообщает: *«Один хорошо одетый солдат-тайпин на вопрос любит ли он свое ремесло, ответил: «А почему бы и нет? Я забираю все, что мне нравится; а если я встречаю сопротивление, то...», – «и он, – пишет Харви, – сделал рукой жест,*

означающий отсечение головы. И это не пустая фраза. Человеческая голова для тайпина стоит не более чем кочан капусты... Сущность тайпинства – это абсолютная химера (nothingness). Тайпин это, очевидно, дьявол in persona [во плоти. – В.О.], каким его должна рисовать себе китайская фантазия. Но только в Китае и возможен такого рода дьявол. Он является порождением окаменелой общественной жизни».

Было бы неверно представлять армию тайпинов исключительно из богопослушных крестьян, которые с охотой боролись за свои права на землю.

Чаще всего они были «насильственно взяты в армию во время набегов». **К тому же** «в каждом районе местные оборванцы, бродяги и негодяи добровольно присоединяются к тайпинам... Дисциплина требует повиновения только во время службы. В качестве возмещения тайпины получают в течение первых трех дней после взятия город, жители которого не успели своевременно бежать, *carte blanche* (свободу действий – В.О.) на учинение каких угодно насилий над женщинами и девушками. По истечении трех дней все лица женского пола насильственно удаляются из городов...».

Действительно, тайпинская армия должна была *представать* в весьма устрашающем виде, когда появляется огромная масса тайпинов в пестрой шутовской одежде с длинными косматыми черными волосами и дико сверкающими глазами. Заунывный вой, напускная ярость и неистовство были вполне способны «на смерть перепугать чопорного, смиренного, педантически размеренного китайского обывателя... Наводя ужас, отдельные пестрые чудовища... оказывают магнетическое действие. В надлежащий момент сотни тысяч тайпинов, вооруженных ножами, пиками и охотничьими ружьями, с дикими криками бросаются на полуживого от страха противника и сметают все на своем пути» (Харви).

К концу 1851 г. Ян Сюцин разработал план похода на Север страны в район р. Янцзы, который начался весной 1852 г. прорывом блокады Юньани, а до конца 1852 г. тайпины уже дошли с боями до ее берегов и заняли порт Иочжоу (Юэчжоу).

В Иочжоу находился арсенал, взятие которого позволило хорошо вооружить тайпинов. Здесь же они построили десятитысячный джоночный флот.

- После этого они двинулись дальше и вскоре (дек. 1852–январь 1853 гг.) заняли в среднем течении Янцзы важнейшие города Ханькоу, Ханьян, Учан, составлявшие трехградье Ухань – крупнейший центр долины Янцзы.
- За время этого похода тайпины прошли путь в 2400 км. и заняли 26 городов.

С захватом тайпинами трехградья Пекинское правительство охватило смятение, т.к. теперь перед повстанцами открывался прямой почти не обороняемый путь на Пекин, и они имели реальную возможность свергнуть Цинов. Но тайпины поступили иначе.

Первоначально они планировали продолжать поход на Север в провинцию Хэнань, но, как выяснилось, в этой провинции мало рек и тайпины не смогут использовать свои многотысячные джонки, к тому же – она бедна продовольствием. В отличие от Хэнаня более удобным местом для столицы тайпинов представлялся Нанкин. У него надёжная крепость, окруженная глубокими рвами, и, что было особенно важно для тайпинов, «народ живет в достатке». На том и порешили.

- В феврале 1853 г. их уже миллионная армия начала наступление на восток, по суше и по Янцзы в провинцию Аньхой. Аньцин – главный город провинции, был взят без боя.
- После этого путь на Нанкин был открыт. Захватив богатые боевые трофеи в Аньцине, 19–20 марта 1853 г. войска под командованием Ши Дакая взяли город Нанкин. Ворвавшись в город, тайпины вырезали около 20 тысяч маньчжуров и членов их семей.

- **В марте–апреле** они захватили еще два крупных портовых города **Чжэньцзян и Янчжоу**, находящиеся на Великом канале.

Ши Дакай – «князь-помощник» – один из старейших и последовательных сторонников тайпинского движения, в 1849 г. он примкнул к Хун Сюцюаню и стал одним из ведущих командиров «*Воинов бога*» и военным князем. Год (1856–1857 гг.) возглавлял правительство, но Хун Сюцюань, судя по всему, не очень ему доверял или ревновал к его авторитету, поэтому большую часть времени Ши Дакай проводил не в нанкинской свите Хун Сюцюаня, а в армии, в которой пользовался большим авторитетом и имел успехи в боях.

Ворвавшись в древнюю столицу Южного Китая, тайпины учинили там *невиданные погромы и грабежи, насильование женщин*. Все это продолжалось больше положенных трех дней и приобрело затяжной характер. Вакханалия была настолько вопиющая, что вожди испугались, как бы население не восстало против них. По прошествии времени Ян Сюцин был вынужден обратиться к населению города с воззванием, в котором *пытался оправдать действия погромщиков*, тем, что, как он сообщал, история знает примеры большей бессердечности завоевателей, на фоне которых становится очевидной «гуманность» Небесной династии. Обращает на себя внимание тон документа: Ян Сюцин всячески подчеркивал свою значимость и любовался своим величием:

«Знайте, что я, наставник армии, с почтением выполняя приказ неба, помогаю подлинному повелителю нашему навести порядок во вселенной. Весной прошлого года, взяв со своей героической армией город, я строго приказал воинам соблюдать дисциплину и убивать только солдат и командиров маньчжурской армии. Я запретил им убивать без причины хотя бы одного человека из мирного населения. В результате солдаты, следуя приказу неба, сохранили жизни сотням ваших братьев и сестер. Все это благодаря тому, что я, наставник армии, исполняю желание боготца, любящего жизнь и благосклонного к нашему правителю, поднявшему войска справедливости для уничтожения лжи и сохранения правды...

Вы, народ, считаете, что мы расхитили ваше имущество, внесли раздор в ваши семьи. До сих пор не смолкает ропот обиженных. Вы не знаете, что в древнейшие времена, когда сменялись династии, люди, боровшиеся против прежней династии, при взятии городов убивали всех до единого, не оставляли даже собак и птиц, все ценное сжигали, кровь текла рекою.

Что касается нашей династии, то мы зря не убили ни одного человека. Разве завоеватели прежних времен раздавали одежду и пищу и следили за тем, чтобы всем досталось поровну.

Отныне вы должны единодушно признать бога-отца и небесного брата, милостиво подаривших вам жизнь. Только тогда вы сможете сохранить свои жизни и обрести счастье.

Загляните же в древние времена и тогда поймете гуманность нашей Небесной династии...»

Со взятием Нанкина был обнародован Основной закон Тайпин тяньго, регламентировавший жизнь этого государства – «Земельная система Небесной династии».

Закон провозгласил *совместную обработку земли.*

- **Всю землю объявляли вне частной собственности**, она делилась по едокам: мужчины и женщины получали одинаковые наделы, дети (до 16 лет) – половину надела от взрослых.
- **Крестьяне объединились в общины**, в которых все было поровну и пополам.
- **Община состояла из 25 семей**, к общине прикреплялись ремесленники:
 - ✓ **все излишки продуктов** община должна была сдавать в *общественные склады;*
 - ✓ **в городе ремесленники группировались в отряды**, которые работали бесплатно и получали паек;

✓ *трудовая повинность* для всех становилась законом.

Во всем этом видны элементы **уравнительного коммунизма**, который давал возможность удовлетворить *минимум* потребностей народа, но *не допускал его обогащения*. На деле такой порядок мало где выполнялся.

Помимо этого уничтожалось сословное деление и цинский государственный аппарат управления. Взамен государство строилось **на военный лад:**

- **во главе государства** стоял «младший брат Христа» – Хун Сюцюань. Он считался правителем не только Китая, но и остальных народов, ибо тайпины были сторонниками концепции «Срединного государства»;
- **все дела решал глава правительства** – он же главнокомандующий – Ян Сюцин;
- **назначались начальники областей** – командующие корпусами;
- **община** являлась меньшей административной единицей. Её старшина (лянсыма) – взводный командир, он же священник.

Запрещалось:

- ✓ **приданое** при женитьбе;
- ✓ **обряд бинтования ног**;
- ✓ проституция, женское рабство, покупка наложниц.

Вводилось обязательное обучение детей.

Наряду с этим тайпины **дали клятву** до победы вообще не общаться с женщинами и с семьями жить отдельно, *чтобы не утратить воинский дух*.

Однако все это было на бумаге и редко встречалось в жизни, т.к. основное внимание тайпинов обращалось на ведение войны, а на занятых территориях иногда не оставалось даже их армии, *и некому было* наводить новые порядки, поэтому все возвращалось на круги своя.

Хотелось бы отметить высокое мастерство руководителей тайпинов в написании директивных документов. С точки зрения основ агитации и пропаганды они практически идеальны. Та же «Земельная система» составлена таким образом, что крестьяне видели в ней действительное спасение от навалившихся на них невзгод. Вот **фрагмент из этого документа**, который не мог никого оставить равнодушным.

«Необходимо чтобы все жители Поднебесной в равной степени и совместно наслаждались великим счастьем, дарованным небесным отцом, господом Богом: имея поля, обрабатывали бы их сообща, а имея пищу, вкушали бы ее вместе, имея одежду, делили бы ее между собой поровну, имея деньги, тратили бы их совместно, чтобы ни в чем не было неравенства, чтобы все были сыты и одеты. Все мужчины и женщины старше 16 лет получают земли вдвое больше, чем подростки моложе 15 лет... В Поднебесной следует культивировать тутовые деревья. Женщины обязаны ткать полотно. Каждая семья Поднебесной должна иметь по пять наседок и две свиноматки. После уборки урожая каждая община, состоящая из 25 семей, оставляет себе ровно столько зерна, сколько необходимо для того, чтобы ее члены могли кормиться до нового урожая, а излишки сдает в государственные хранилища...

Все население Поднебесной – одна большая семья нашего небесного отца, господа бога. Жители ее не преследуют корыстных целей и все излишки отдают своему повелителю, чтобы он имел средства для использования их на общее благо. В большой семье Поднебесной повсюду должно быть полное равенство, все люди должны иметь достаточно пищи и одежды. Такова воля истинного повелителя, наместника небесного отца, господа бога нашего, явившегося к людям, чтобы спасти мир. Должностные лица в ранге лянсыма должны хранить деньги и зерно, а также вести им учет. О количестве их они должны докладывать вышестоящим должностным лицам, ведающим финансами и продовольствием, приходом и расходом.. На каждую общину, состоящую из 25 семей, создается одно государственное хранилище, одна церковь, которыми ведают лянсыма. Средства на свадьбы,

крестины и радостные события выделяются из государственного хранилища, однако в количествах, не превышающих установленных пределов».

Идиллические помыслы руководителей разбивались о прозу жизни:

- **широкого передела** земли в пользу крестьян фактически *не произошло*;
- **продуктов** часто *не хватало*, чтобы накормить армию;
- сами же **руководители тайпинов** *не спешили* следовать новым порядкам, т.к. они не отвечали их *возрастающим личным потребностям*;
- **равноправия и справедливости** достигнуто *не было*.

Иными словами идеалы общества всеобщего благоденствия остались несбывшейся декларацией.

В связи с этим обращают на себя внимание выводы известного отечественного китаеведа Л.П. Делюсина, по оценке которого в «Земельной системе небесной династии» впервые «руководители тайпинов изложили в виде закона свои взгляды о социально-экономических и политико-административных принципах устройства идеального справедливого общества».

Ранее руководители тайпинов заявляли **лишь** о *«намерении в соответствии с волей бога уничтожить на китайской земле господство «злых дьяволов», но конкретные формы счастливой и блаженной жизни вожди тайпинского восстания в ранних документах не определяли».*

Л.П. Делюсин считает, что дух гнева и возмущения, присущий руководителям тайпинов, преследовал цель *«возбудить, прежде всего, национальную ненависть к маньчжурским правителям»*, но вот о *«помещичьей эксплуатации, о нуждах и страданиях крестьянства в этих документах никаких упоминаний мы не находим».*

«Никаких призывов, – писал он, – к борьбе против социальной несправедливости, против землевладельцев – феодалов, против помещичьего гнета в этих сочинениях нет, как нет в них и идеи о перераспределении земельной собственности. Ни слова нет в них и о иностранных агрессорах, «о заморских дьяволах», хотя последствия поражения Китая в «опиумной войне» особенно ощущались в южнокитайских провинциях, где начинали свою апостольскую деятельность Хун Сюцюань и Фэн Юньшань – первый его соратник... В обращениях к населению на первый план выставлялись антиманьчжурские цели движения и содержались призывы оказывать помощь и поддержку тайпинской армии. Тайпины забирали зерно у помещиков, облагали их денежными контрибуциями, но ничего не делали для преобразования существующих земельных отношений».

«Земельная система Небесной» династии стала первым документом тайпинов, в котором «начертана программа решения аграрного вопроса как важной части радикального переустройства всего китайского общества на началах разума, справедливости, равенства и братства».

При этом «Земельная система» оставалась утопическим планом, т.к. не содержала критики существующей системы земельных отношений, эксплуатации безземельных и малоземельных крестьян, не решала вопроса о собственности на землю.

По мнению Делюсина «возможно, главным для них было провести идею о том, что, поскольку вся земля принадлежит господу богу, она не может оставаться частной собственностью, ни помещичьей, ни крестьянской». При этом заметим, что уже после обнародования «Земельной системы» тайпины фактически признали законным существование собственности помещиков на землю, т.к. они восстановили их право взимать налоги с крестьян-арендаторов и, в свою очередь, платить налоги тайпинскому государству.

Утопичными представляются и идеи торговли. Предполагалось, что крестьяне в свободное от полевых работ время должны заниматься гончарным, кузнечным, плотницким и каменным делом, но о том, как будет вестись торговля в новом государстве, в законе не говорилось.

«Судя по всему, она должна была исчезнуть как ненужное дело. Это логически вытекало из того, что крестьяне, согласно закону, не имели права распоряжаться плодами своего труда. Им оставалось необходимое для пропитания до будущего урожая количество зерна, а все остальное они обязаны были сдавать в государственные («священные») хранилища. Туда же поступали деньги и другие продукты. В случае необходимости (свадьба, рождение ребёнка, похороны) крестьяне получали продукты и деньги по определённым нормам... При этом, строго пресекались излишние траты, все жители Поднебесной должны были придерживаться принципа экономии и бережливости с тем, чтобы как можно больше средств оставалось на военные нужды».

Завершает статью **заключение о корнях ее утопии** в трактовке тайпинов идеи «крестьянского коммунизма».

«Земельный закон не был направлен на развитие производительных сил деревни и на обеспечение зажиточной и богатой жизни населения. Такой цели его авторы перед собой не ставили.

Цель земельного закона – обеспечить равное потребление для всех жителей Небесного государства, с тем, чтобы все были сыты и одеты, но не больше. Крестьяне и солдаты должны были довольствоваться необходимым минимумом, чтобы поддержать свое существование и сохранить возможность трудиться и воевать».

Несостоятельность тайпинских деклараций приходилось компенсировать иными средствами в целях поддержания жизнедеятельности государства.

Что это были за средства?

Имеется книга цинского чиновника **Чжан Дэцзяня**, жившего в Нанкине в годы правления там тайпинов, «**Свод сведений о положении в стане мятежников**», написанная по поручению **Цзэнь Гофаня**. Книга основана на свидетельствах очевидцев и является важным источником, раскрывающим положение дел в тайпинском государстве.

• **Складывается впечатление**, что тайпины раздавали землю крестьянам не во имя их блага, а в качестве источника пропитания армии, *«мятежники заставляют сельское население нести бремя расходов»*.

«Мятежники грабят, – сообщает источник, – сколько им вздумается... специальные люди развешивают приказы, обязывающие богатых платить контрибуции, а бедных – помогать мятежным войскам физическим трудом».

«Еще в то время, – отмечалось в одном из приказов, – когда наша армия находилась на расстоянии нескольких сотен ли от вашей местности, я, главнокомандующий, издал приказ, который был вывешен повсюду. В этом приказе я указывал, что те, кто богат, должны оказать материальную поддержку нашей армии, а те, кто беден, должны помочь ей своим трудом. Все люди за подобные заслуги непременно получают высокие награды после установления великого благоденствия во всей стране. Однако ты, народ, глуп, не раскаиваешься в своих грехах и упорствуешь в своих заблуждениях. С тех пор как наши войска пришли в этот район, мало людей добровольно пожелало вступить в нашу армию и платить контрибуции. Очевидно, все вы еще находитесь под влиянием соблазнов дьявола. Следовало бы немедленно направить [к вам] карательный отряд, чтобы истребить всех виновных без остатка. Однако я учитываю, что в вашем селении еще не было случаев открытой помощи варварам. Ныне я, главнокомандующий, вновь издаю данный приказ и направляю к вам своего уполномоченного для сбора контрибуции, которая должна быть полностью доставлена в трехдневный срок в казну небесного князя. Всем, выплатившим контрибуции, выдается квитанция с тем, чтобы наши войска не беспокоили их впредь. Если какая-либо семья не явится на сбор контрибуции, все члены данной семьи будут беспощадно обезглавлены».

Чжан Дэцзянь сообщает, что сборщики дани выдавали крестьянам *«квитанцию об уплате контрибуции»*, представляя ее как *«охранную грамоту»*. Но вскоре появлялись вторые, либо третьи отряды сборщиков, главари которых говорили: *«Что вы пугаете*

меня этой квитанцией? Прошлый раз сборщиков присылал восточный князь, а мы присланы северным князем. Если вы не уплатите нам контрибуцию, я обезглавлю ваших людей и сожгу ваши дома».

Из Уханя и области по течению Янцзы тайпины привозили в Нанкин *«горы припасов, для перевозки которых им даже не хватало судов. Случалось, что они оставляли по нескольку тысяч даней зерна. Мятежники напоминали людей, сытых по горло и отказывающихся даже от деликатесов. Они оставляли это зерно, надеясь, что оно пригодится им в дальнейшем».*

Чжан Дэцзянь писал по этому поводу: *«Иногда в течение одного месяца сборщики появляются по пять-шесть раз. Сельские жители разорены подобными приказаниями»,* но тайпины продолжали *«безрассудные насилие и массовые убийства».*

• **Вторым средством обмана крестьян** являлись обещания в будущем освободить их от налогов на три года. Но крестьяне, *«убедившись в бесполезности этих квитанций, уже отказывались платить».* В ответ на это увидели свет приказы, свидетельствующие о намерении экспроприаторов *угрозами и силой принудить* крестьян отдать все, что от них требуют. Тайпинское руководство последовательно исходило из установки, что *«во всей Поднебесной зерно, имеющееся у крестьян, и капиталы, находящиеся у купцов, являются достоянием отца небесного».*

Это рассматривалось, как право тайпинов изымать их *«целиком в казну небесного князя».*

В научной литературе распространено мнение об аскетизме тайпинов и их отказе от материальных ценностей жизни. Это утверждение сильно преувеличено, а что касается верхнего эшелона руководства, оно явно не соответствует действительности.

До сих пор речь шла, прежде всего, о продовольственной политике тайпинов. Вместе с этим **много усилий** они предпринимали *в экспроприации у населения золота и драгоценностей*. В пропагандистских целях изъятие драгоценностей осуществлялось в интересах государства и все они должны были храниться в специальных хранилищах. **На самом же деле** большая их часть *оседала в кубышках чиновников различных рангов*.

Особенно стремления руководителей тайпинов проявились в *нанкинский период войны*. После занятия Нанкина они отказались от походного образа жизни и расселились *в роскошных дворцах бежавших маньчжуров*, в то время, как рядовые тайпины продолжали жить по строгим законам военного времени.

Тон задавал сам Хун Сюцюань, как сообщает источник, *«после завоевания Нанкина, Небесный владыка довольствовался спокойной жизнью во дворце [в окружении наложниц] и мало занимался государственными делами»*.

Чжан Дэцзянь показал созданную тайпинами *систему подношений начальству*, которая обеспечивала им обогащение без применения лишних усилий, к тому же *«подношение даров среди мятежников носит принудительный характер»*.

«Лица, добровольно примыкающие к мятежникам, нередко стремятся использовать это подношение как средство для своей карьеры. Мятежники утаивают немало золота, серебра и драгоценностей, но как только их высшее начальство узнает об этом, оно отдает приказ обыскать жилище подозреваемого, который предается казни, если подозрения подтверждаются. Поэтому, хотя мятежники и зряются на добычу, они не осмеливаются поглотить ее целиком».

Примечательно замечание, что владельцы драгоценностей *«не осмеливаются поглотить ее (добычу) целиком»*, т.е. в этом вопросе у тайпинов, как и во всей их жизни, царил свой порядок.

В чем его суть?

Источник содержит информацию о том, что *«мятежники угрозами принуждают сельских жителей выплачивать контрибуции. В своей среде они также практикуют систему контрибуций под видом подношения даров. Их князьям и важным чиновникам в торжественные дни подчиненные наперебой преподносят золото и другие дары. Добытые путем грабежа золото и шелка передаются снизу вверх по инстанциям. Например, солдаты не смеют утаивать награбленные ими ценности и обязаны сдавать их своим прямым начальникам. Низшие начальники в свою очередь не смеют присваивать эти ценности целиком, они утаивают лишь часть их, а остальное передают высшим начальникам, а те – небесному князю. Одежду и вещи, не представляющие большой ценности, солдаты отдают писарям, а оставшееся присваивает себе. Свежие фрукты и другие съестные припасы они также передают начальству.*

Мятежники в своих донесениях мало говорят о военных делах, но зато подробно расписывают предоставляемые ими дары. Нужно преподнести хоть что-нибудь, хоть двадцать уток и курицу, чтобы лжекнязь поставил одобрительную подпись на донесении. До чего ж это смехотворно!»

Алчность тайпинов не имела предела, но с другой стороны, – сама система заставляла их действовать подобным образом: высшее начальство находилось в постоянном ожидании подношений от подчиненных и, если подношений не было, значит, они скрывают, не хотят делиться. Наказание за такое неуважение – смерть. Вот и получалось – хочешь-не хочешь, а грабь накопленное другими.

Один из примеров их жестокости и вероломства.

«Один шэньши собрал золото и серебро для подношений мятежникам, пригласил их в город и устроил щедрое угощение,

накрыв несколько сотен столов. Он надеялся, что мятежники после этого оставят его в покое. Но они продолжали зверствовать и бесчинствовать, и хозяин не избежал смерти от их рук».

Другие богачи поступали иначе. Они старались спрятать свои драгоценности, но, «если мятежникам не удастся найти спрятанное добро, они хватают богача-хозяина, либо его жену или дочь, подвешивают схваченного за руки и допрашивают, применяя пытки. Иногда допрашиваемый и под пыткой отказывается указать место, где спрятаны ценности, однако его домашние, будучи не в силах смотреть на истязания, открывают мятежникам доступ к спрятанному добру. Бывает и так, что богач заблаговременно скрывается, оставив дом на попечение своего старого слуги. Тогда мятежники пытаются слугу с целью узнать, куда скрылся хозяин и где запрятаны ценности. Слуга под пыткой рассказывает им обо всем».

Остановить процесс тотального грабежа было невозможно, т.к. он привлекал всех: от простого тайпина до разоренного крестьянина, который вступал в армию в надежде на сытую жизнь.

«После ухода мятежников из Учана, – сообщает источник, – который они держали в своих руках в течение месяца, в городе уцелели ценности, замурованные в стенах и подземельях. Это произошло потому, что нищие мятежники разбогатели и уже не видели необходимости в тщательных обысках. Их мешки были переполнены, и они забирали только самое ценное и негромоздкое. Именно по этой причине они не брали у богачей одежду и прочие вещи, а искали только золото и серебро. Однако число мятежников непрерывно росло, наиболее бедные из вновь прибывших не оставляли при обысках ни одного чи ткани, ни одного шэна риса. Они перерывали сундуки, опрокидывали чаны, забирая у богачей весь шелк и зерно. В эти дни богатые и образованные люди были обречены на погибель, а сильные и здоровые бедняки добровольно примыкали к мятежникам, чтобы быть сытыми.

Таким образом, грабеж, производимый мятежниками, не только способствует их обогащению, он приводит также к

тому, что сельское население, не имеющее средств к существованию, примыкает к мятежникам без какого бы то ни было принуждения».

В Нанкин инсургенты прибыли тяжело нагруженными драгоценностями, продовольствием и всем необходимым для дальнейшей жизнедеятельности. Расселились, как отмечалось, руководители во дворцах, рядовые – в отдельных с женщинами лагерях.

Складывается впечатление, что с занятием Нанкина наступательная политика тайпинов как бы выдохлась. Изначально ими была провозглашена цель свержения маньчжурской династии Цин. В мае 1853 г. поход на Север начался, но он развивался как-то вяло и ему сопутствовали неудачи.

Северный поход начали две армии, которые двинулись через провинцию Аньхой, но одна из армий была блокирована правительственными войсками, и повернула назад, осталось три корпуса общей численностью всего 30 тыс. человек. В поисках переправы через р. Хуанхэ армия ушла далеко на запад в провинцию Хэнань. Во время переправы ее постигла неудача: часть армии не смогла форсировать реку и ушла на юг. Дальнейший маршрут движения оставшимися частями был избран в столичную провинцию Чжили через провинцию Шанси.

Существенным обстоятельством, определявшим положение армии, было то, что тайпины на северных территориях не получили поддержки населения, на которую они рассчитывали.

- **С одной стороны**, оно, вероятно, было наслышано о бесчинствах тайпинов в Центральном Китае и всячески стремилось избегать контактов с ними.
- **С другой стороны**, на севере активно действовали тайные общества и народ привык к поддержке с их стороны. Тайные общества, как известно, выступали под лозунгами: «Уничтожим Цин, восстановим Мин», а тайпины стремились привести к власти Хун Сюцюаня, что делало невозможным их объединение.

Несмотря на все проблемы, в октябре 1853 г. тайпинам с тяжелыми боями и большими потерями *удалось приблизиться к Тяньцзыню* – последнему укрепленному району Цинов на подступах к Пекину.

Столицу охватила паника. Многие городские богатеи в ужасе покидали город, а император загодя отправил свои сокровища в Маньчжурию.

Тем не менее цинским полководцам **удалось организовать сильнейшее сопротивление тайпинам**, на помощь которым в мае 1854 г. были высланы дополнительные войска, но в Шаньдуне они потерпели поражение, и планы победоносного завершения Северного похода окончательно рухнули. К тому же в боях погиб один из руководителей похода, командир корпусом **Цзи Вэньюань**. Тайпины завязли в боях **на два года**, пока практически все не были уничтожены. **В 1855 г.** оба командующих корпусами *попали в плен и были казнены*.

После провала Северного похода **тайпины** окончательно *перешли к оборонительной тактике*, а **Нанкин охватила смута. Зимой 1853–54 гг.** положение тайпинов усугубилось морозами, тайпины-южане часто обмораживались и замерзали. В армии ощущалась нехватка продовольствия, особенно в городах, блокированных маньчжурами.

Параллельно с Северным походом тайпины предприняли поход на Запад в Центральный район Китая, в провинции, которые ранее уже были ими завоеваны, но в которых начало складываться антитайпинское движение и их влияние стало падать. Овладение Центральным районом представляло исключительное значение с точки зрения обеспечения тайпинского государства продовольствием.

Поход начался в мае 1853 г. и развивался успешно.

- Тайпинская армия **на джонках по Янцзы** вторглась в провинцию **Аньхой**, где к концу года *захватила* множество городов, в том числе и **Аньцин**.

- В феврале 1854 г. *разгромила* правительственные войска, прикрывавшие Ханькоу и Ханьян, и захватила их.
- В это же время она овладела югом провинции Хубэй и севером Хунань.

Но, как известно, военная удача непостоянна и изменчива.

Решающую роль в последующих событиях сыграли *отряды самообороны («хунаньские молодцы»)*, которые были объединены в армию хунаньским помещиком Цзэнь Гофанем, численностью **50 тыс. человек.**

«Армии Цзэнь Гофаня удалось в апреле 1854 года одержать победу над войсками и речной флотилией тайпинов у Сянтяня, а в июле выбить повстанцев из Юэчжоу. В октябре 1854 года тайпины были вынуждены без боя оставить Ухань, а в декабре в речном сражении с хунаньской флотилией у Тяньцзячжэня они потеряли 3 тысячи боевых судов».

Зимой 1855 г. инициатива в очередной раз перешла в руки тайпинов, что было связано с приходом на театр военных действий армии отдельного князя **Ши Дакая.** С его помощью тайпины **отбили** восточную часть провинции Хубэй, а весной – Ханьян и Учан, *разбили армию Цзэнь Гофаня,* после чего отправились на юг в Цзянси и **к весне 1856 г. заняли более 55 её уездов,** после этого тайпинские армии повсеместно перешли в наступление, и в **апреле-июне 1856 г.** они *наголову разгромили* оставшиеся силы противника. После этого в войсках маньчжуров начался *разброд,* а ее командующий **Сян Жун повесился.**

Итогом Западного похода было то, что тайпинам удалось *восстановить* свое господство в Центральном Китае, а вместе с этим, *вернуть свою продовольственную базу.* Складывается впечатление, что Западный поход был предпринят не столько для восстановления власти тайпинов, сколько с целью захвата продовольствия. *Это ясно видно из тайпинских приказов.*

Один из них гласил: *«Приказываю... выступить с войсками на 1300 судах третьей левой речной армии в район Наньчана и Учана*

с целью заготовки продовольствия, которое без промедления должно быть доставлено в небесную столицу».

В другом приказе предписывалось: *«использовать 1800 судов, чтобы заставить дьяволов в панике бежать из городов Хуанчжоу и Ханьян. Все добытое при этом продовольствие следует целиком и незамедлительно перевезти в небесную столицу. Приказ не подлежит нарушению. При перевозке продовольствия следует проявлять бдительность во избежание захвата его дьяволами».*

Третий приказ издан по поводу успехов тайпинских командиров: *«На севере провинции Цзянси, в районах Хуанпо, Сяогань и Дзань, богатых продовольствием, вы смогли прогнать дьяволов и собрать 23 тыс. даней зерна, которое уже доставлено целиком в столицу. Это свидетельствует о вашей находчивости и способности. Ныне к вам возвращаются обратно 45 пустых судов, и снова приказано интенданту 13-й резервной армии Ту Фусиню выступить с войсками для оказания вам помощи в истреблении дьяволов».*

Дальнейшая судьба тайпинского государства в середине 50-х гг. XIX в. определялась его внутренним положением, которое принято характеризовать как нисходящую линию.

Об этом свидетельствуют три обстоятельства.

- **Во-первых, в сентябре 1856 г.** обозначился *рост недовольства* крестьян Центрального района, которым идея равенства не принесла процветания, а на смену помещичьего произвола часто приходил *террор тайпинов*, у которых стало складываться отношение к крестьянам как у старых помещиков.
- **Во-вторых, помещики и купцы**, недовольные политикой маньчжуров и поддержавшие восстание, *стали отходить от тайпинов*, будучи недовольны их *конфискационной* политикой.
- **К середине 50-х гг.** сложилась *верхушка тайпинов*, которая тяготела к образу жизни под стать маньчжурской аристократии. *То, что запрещалось рядовым тайпинам, было естественным образом жизни для их командиров в соответствии с их рангом.*

В итоге к концу 1856 г. они сдали Учан и Ханьян. О.Е. Непомнина, оценивая ситуацию в этот период, писал:

«Они меньше всего думали об интересах народа, а стремились лишь к личному обогащению, поселялись в роскошных дворцах и заводили себе гаремы с сотнями наложниц. Не мог избежать соблазна и Хун Сюцюань. В тайпинской верхушке начались раздоры, в итоге единое военное командование фактически перестало существовать. Это привело к тому, что рядовые тайпины разочаровались в движении, боевой дух тайпинской армии падал, и они все чаще терпели поражения от правительственных войск».

К осени 1856 г. правящую верхушку тайпинов стала раздражать борьба за власть и лидерство. Это имело отношение, прежде всего, к действиям восточного князя Ян Сюцина. Он добился фактически неограниченной власти, что возмущало других ванов и командующих армиями.

В Нанкине стали поговаривать о том, что *«генералиссимус Ян Сюцин возгордился своими деяниями и пытается узурпировать место Хун Сюцюаня».* Действительно, документы свидетельствуют, что **амбиции Ян Сюцина** постоянно росли. Все заслуги армии он старательно приписывал себе. Установленные им порядки он называл *«в высшей степени прекрасными и совершенными»* и считал, что *«с ними не сравнится ничто из созданного людьми даже в глубокой древности»*, что они *«осенены божественным разумом»* и т.п.

«Восточный князь, – самолюбовался Ян Сюцин, – получив сокровенный приказ небесного отца и небесного брата, мудро помогает небесному князю управлять Поднебесной... На улицах и переулках города воцарились мир и спокойствие так быстро, словно люди разом забыли о грозной силе оружия. Мужчины и женщины с покорностью встречали войско дарами и подношениями. Все это стало возможным лишь благодаря мудрости и дальновидности восточного князя, благодаря своевременной и всесторонней организации обороны, постоянному вниманию, которое он уделял

обучению армии, благодаря его справедливости при поощрении и наказании. Восточный князь обладает умением обеспечивать спокойное передвижение [войск] и правильно использовать военных и штатских, обладает умением прекращать смуту и водворять порядок, искоренять зло и поощрять добродетель. Его бессмертные заслуги превосходят все, что мир когда-либо видел в прошлом, его милосердие и величие затмевают все, что Поднебесная увидит когда-либо в грядущих веках».

Особенно возгордился Ян Сюцин после успешного разгрома цинского генерала Сян Жуна, грозившего своей армией захватить Нанкин.

Заговор против Ян Сюцина составили Вэй Чанхой, Ши Дакай и Цинь Жичан. Развитие событий в августе-сентябре подробно описал Ли Сючен.

*«Восточный князь всеми силами старался укрепить свою власть и авторитет, стремился, не зная меры и пресыщения, стать первым человеком великой династии. Вэй Чанхой, Ши Дакай и Цинь Жичан, будучи едины в своих помыслах, совместно вынашивали план взять государственные дела в свои руки. Впоследствии, когда восточный князь перешел в своих притязаниях всякую меру, эти три человека сильно озлобились против него. Выказывая на словах полную покорность, они затаили гнев в сердце... Первоначально северный и отдельный князья намечали убить одного восточного князя... Фактически он держал в своих руках всю государственную власть, и даже осмелился потребовать от небесного князя лично прибыть к нему во дворец, чтобы даровать ему [восточному князю], титул ваньсуй (приветствие «10 тыс. лет жизни!»), с которым обращаются только к императору – **В.О.**). Поскольку в то время власть находилась целиком в его руках, небесный князь не мог не наградить его этим титулом.*

Он вынужден был лично прибыть во дворец Ян Сюцина и даровать ему титул ваньсуй. Северный и отдельный князья воспротивились этому, ибо восточный князь возжелал стереть разницу между монархом и слугой престола и удостоиться почестей, полагающихся лишь государю. После этого северный и отдельный князья и замыслили убить Ян Сюцина».

Хун Сюцюань не простил такой дерзости с титулом Ян Сюцину и поддержал заговорщиков: вызвал с фронта Северного князя **Вэй Чанхоя** с трехтысячным отрядом и приказал убить восточного князя.

«Согласно замыслу, должны быть убитыми восточный князь и три его брата. Решено было не трогать никого больше. Однако, убив восточного князя, северный князь не ограничился этим, и уничтожил всех подчиненных и родственников Ян Сюцина без различия пола и возраста, что вызвало гнев отдельного князя [Ши Дакая]. Отдельный князь, который был в это время в провинции Хубэй в лагере Хуншань вместе с Цзэн Цзиньцзянем и Чжан Жуем, прослышав о замыслах северного князя, решил быстро возвратиться в столицу, чтобы помешать убийствам. Северный князь замыслил убить Ши Дакая. Ши Дакай, услышав об этом, тайно бежал через маленькие южные ворота в провинцию Аньхуэй, вынашивая план мести. В это время северный князь убил всех членов семьи Ши Дакая...

...Северный князь, не отличая черное от белого, виноватых от невиновных, перебил множество военных и гражданских лиц вместе с их семьями, не останавливаясь перед убийством женщин и малолетних. Обстановка накалилась, и люди, как находившиеся при дворе, так и вне его, были едины в желании видеть северного князя казненным, и только когда последний был убит, сердца людей успокоились. Когда северного князя казнили, его голову отправили в Нинго, где отдельный князь лицезрел и опознал ее. Вскоре Ши Дакай вернулся в столицу. Все единодушно желали видеть его управляющим государственными делами».

Хотя Хун Сюцюань не жаловал Ши Дакая, все же назначил его главой правительства, но к лету их отношения обострились, и Ши Дакай с большей частью гарнизона покинул город. **До конца февраля 1858 г.** он вел самостоятельные успешные бои в Гуанси, после чего направился (1860–1863 гг.) в богатую провинцию Сычуань, где планировал создать свое государство, но не сумел добиться успеха, был разбит, взят в плен и **25 июня 1863 г.** казнён (четвертован).

В заключении своего повествования Ли Сючен с сожалением констатирует, что «с уходом Ши Дакая из столицы положение стало попросту отчаянным». «При дворе не было людей для управления делами. В армии не хватало смелых и способных генералов», в государственной жизни «начался разброд», а Хун Сюцюань «стал подозрительным», «напуганным историей с восточным, северным и отдельным князем, он не жаловал более своим доверием людей со стороны и предпочитал полагаться на родственников», которые не обладали компетенцией ни в государственных, ни в военных делах, но были могущественны.

Лекция I.3.
**ТАЙПИНСКОЕ ГОСУДАРСТВО В УСЛОВИЯХ
ЭСКАЛАЦИИ КОЛОНИАЛИЗМА ДЕРЖАВАМИ**

Маховик европейской и американской экспансии в Китай, запущенный первой «опиумной» войной, в годы существования тайпинского государства продолжал раскручиваться. В последующие годы Китай пережил еще две войны с колонизаторами.

Как известно, массовые выступления в Китае имели место еще до начала войны тайпинов.

- **В провинции Гуандун и Гуанси,** где зародилось движение тайпинов, в 40-е гг. XIX в. проходили *антиколониальные выступления* под лозунгом *«Вместе с Цин уничтожим иностранцев».*
- Тайпины же относились к иностранцам *нейтрально,* но были настроены резко *против маньчжуров.* Мало того, в отношении европейцев они *питали иллюзии,* которые строились на *идее всеобщего единства народов.*

Идейно-филосовское обоснование позиция тайпинов *получила* уже на заре их движения в **«Поучении об истинном пути к пробуждению мира»**, написанном Хун Сюцюанем еще в 1845 г.

«Мир состоит из множества государств. Однако в целом он представляет собой одну семью. Господь бог – отец всего сущего в мировом единстве. Он господин и творец всего, что есть в нашей стране. То же можно сказать и о нашей стране – Китае. Все мужчины на земле – братья, все женщины – сестры. Зачем нужны барьеры, разделяющие людей? Как же могут возникать у людей мысли об уничтожении других людей?».

- **Обращает на себя внимание,** что понималось под утверждением все люди *«братья и сестры».* Известно, что тайпины исповедовали концепцию *«Серединной империи»*, исходя из которой на исходе второй «опиумной» войны, когда иностранцы

поддержали Цинов в отношении тайпинов, Хун Сюцюань обнародовал «Манифест к младшим западным братьям».

Из документа четко видно, что в Нанкине всячески *стремились приблизить иностранцев к себе*, дабы не допустить их объединения с маньчжурами в антицинской борьбе. Но, при этом, считали их лишь своими *младшими братьями*, т.е. не равными с собой, и даже позволяли себе выговаривать им за неблагоприятные поступки.

«... Отец небесный произвел Хун Сюцюаня, чтобы он стал вашим повелителем. Почему же вы не лояльны к нему и безрассудны? Почему многократно и серьезно нарушаете повеления?.. Небо дало вам князя, который является истинным повелителем. Мощь неба беспредельна, как море. Оно видит, что некоторые из вас не проявляют усердия. Доколе же будете вы нелояльными слугами? Знайте же, что вы блуждаете в потемках, ослепленные и обольщенные коварным демоном. Следуйте же истинным путем за вашим князем. Верьте отцу небесному и не сомневайтесь, что небо произвело истинного повелителя над землями и водами... Отец и старший брат послали нас править Небесным государством, истреблять нечестивых духов и утверждать сияние цвета. Прислушайтесь же к нашим словам, младшие западные братья! Присоединяйтесь к нам в служении отцу и старшему брату и в искоренении вонючих рептилий. Отец, старший брат и мы всевластны и всемогущи.... Истребляйте дьяволов во имя отца и старшего брата... Мы получили донесение наших министров и узнали из него, что младшие западные братья прибыли к Небесной столице [Нанкину]. Мы повелели нашим министрам обращаться с вами учтиво».

• **Миролюбивое отношение к европейцам** прослеживается в переписке с англичанами в различные периоды войны: как в начале 50-х г., так и в 60-е г.

Инспектор тайпинского левофлангового отряда дворцовой охраны **Ло Даган** в письме (1853 г.) к английскому представителю подчеркивал: *«Поскольку все мы поклоняемся верховному владыке, все мы являемся братьями. Прочитав письма, [мы удостоверились], что мы с вами идем по одному и тому же пути».*

То же отношение можно встретить и во многих других письмах тайпинов, однако **стремления тайпинов и европейцев в действительности были различными**. После того, как последние убедились, что армия тайпинов не способна свергнуть Цинов, а после подписания Тяньцзыньских договоров они стали главным препятствием плавания по Янцзы, к тому же запрещали торговать опиумом, судьба тайпинского государства была предрешена.

Разгром тайпинского государства был необходим колонизаторам по торговым причинам. Они видели в этом государстве серьезное препятствие по расширению своей торговли, не дававшей ожидавшегося результата после первой «опиумной» войны.

В годы, следовавшие после подписания Нанкинских договоров, европейцы и североамериканцы отчаянно стремились реализовать возможности от насильственного «открытия» Китая, поняли, что их *расчеты на большую прибыль оказались слишком оптимистичными, т.е. завышенными*.

Это обстоятельство подметил К. Маркс.

Он считал Нанкинский договор *«неудачным с коммерческой точки зрения»*. Маркс проанализировал сложившуюся ситуацию по материалам лондонского журнала «**Economist**» – одного из наиболее последовательных сторонников свободной торговли (фритрэдерства). Журнал назвал **три причины**, по которым англичане ошиблись в своих торговых расчетах, но К. Маркс оценил их как *«мало вразумительные»*.

• **Первая причина** – *это «спекулятивное переполнение китайского рынка товарами и невнимание английских купцов к характеру китайского спроса»*.

«**Economist**», ссылаясь на материал **У. Кука**, бывшего специальным корреспондентом лондонской газеты «Times» в Шанхае и Кантоне, писал:

«В 1843, 1844 и 1845 гг., когда северные порты только что открылись для торговли, англичан охватило невероятное возбуждение. Одна известная шеффилдская фирма отправила в Китай большую партию ножей и вилок и объявила, что она готова снабдить ножевыми изделиями весь Китай. Товар был продан по ценам, которые едва окупили расходы по его перевозке. Другая весьма известная лондонская фирма отправила огромную партию фортепьяно, которую постигла такая же участь. То, что случилось с ножевыми изделиями и фортепьяно, произошло также с шерстяными и хлопчатобумажными товарами, хотя и в менее резкой форме. Когда открылись порты, Манчестер предпринял крупную, но необдуманную операцию, и эта операция не удалась».

Эти аргументы К. Маркс не считал существенными, т.к. они «свойственны отнюдь не одной только торговле с Китаем. В действительности это обычное явление в истории мировых рынков».

- **Вторую причину** «Econimist» видел в иностранной конкуренции. Он утверждал, что **США** *теснят английские товары на китайском рынке и «побивают англичан во многих отраслях торговли», они «обогнали англичан по ввозу тика и простынного полотна», на что К. Маркс заметил: ввозные «пошлины в Китае ниже, чем в какой-либо другой из стран, с которыми Англия ведет торговлю», а «импорт изделий британской промышленности в Китай оставался, в общем, без изменения».*

Попутно отметим, что США сталкивались в Китае с теми же проблемами, что и Англия. Таким образом становится очевидным, что проблемы торговли в Китае не являются только англо-китайскими, а носят всеобщий характер.

Маркс посчитал, что английский экспорт в Китай был больше американского, а не меньше. *«Из общего импорта в Шанхай, – писал он, – достигшего в 1855 г. суммы в 1 602 849 ф.ст., не считая звонкой монеты и опиума, на долю Англии приходился 1 122 241 ф.ст., на долю Америки – 272 708 ф.ст.»*

В 1837 г. китайский экспорт в Соединенные Штаты превышал американский импорт в Китай приблизительно на 860 000 фунтов

стерлингов. В течение периода, последовавшего за договором 1842 г., Соединенные Штаты ежегодно получали китайской продукции в среднем на 2 000 000 ф. ст., а уплачивали за нее своими товарами на сумму в 900 000 ф.ст. (**К. Маркс**).

- **Третья причина** торговых неудач европейцев по заключению «Economist» – это **крестьянская война тайпинов**, которые контролировали огромную территорию Китая. *«Однако, – удивленно обнаруживал К. Маркс, – несмотря на эту революцию, экспорт в Китай в 1851–1852 гг. возрастал вместе с общим ростом торговли, а торговля опиумом в течение всего периода революции не только не сократилась, но быстро достигла колоссальных размеров».*

- **Заключительный вывод К. Маркса** объясняет ситуацию внешне просто, а, по существу, за ним стоит глубокий анализ главных торговых показателей, которые не увидели эксперты «Economist».

«Внимательно изучив историю торговли Китая, – писал он, – мы приходим к выводу, что спрос со стороны подданных Небесной империи и их покупательная способность, вообще говоря, были сильно переоценены. В рамках нынешнего экономического строя китайского общества, основным стержнем которого являются мельчайшее сельское хозяйство и кустарная промышленность, не может быть и речи о сколько-нибудь значительном импорте иностранной продукции. Все же Китай мог бы постепенно поглотить большее против нынешнего количество английских и американских товаров, ...но лишь при условии уничтожения торговли опиумом. Этот вывод логически вытекает из анализа того простого факта, что китайские финансы и денежное обращение, вопреки активному торговому балансу, находятся в сильном расстройстве вследствие ввоза опиума на сумму около 7 000 000 фунтов стерлингов».

К вопросу об опиумной торговле следует отметить, что дополнительный англо-китайский договор 1853 г. фактически ставил опиумную торговлю вне закона, т.к. он обязывал консулов в

портах, открытых для британской торговли, оказывать содействие китайским властям в случае появления там английских судов с грузом опиума, т.е. английским же чиновникам вменялось осуществление контроля над недопущением опиумной торговли.

Забегая вперед отметим, что **договор же 1858 г.**, завершивший вторую «опиумную» войну, это положение *отменял*, а торговля опиумом *фактически разрешалась*. **Первая статья договора гласила:**

«В виду исправления и улучшения Дополнительного договора и общих регламентов о торговле и включения существа их постановлений в настоящий договор, названные Дополнительный договор и общие регламенты о торговле сим отменяются».

Таким образом, вторая «опиумная» война закончилась тем, что вакханалия опиумной торговли вернулась на круги своя и, несмотря ни на что, продолжилась.

«То, что вторая опиумная война кончилась снятием запрета, который первая опиумная война номинально наложила на торговлю опиумом, – писал по этому поводу К. Маркс, – представляется нам вполне логичным результатом и является желанным достижением цели для английских торговых кругов... Однако мы сильно ошибемся, если предположим, что этот официальный отказ Англии от ее лицемерного противодействия торговле опиумом не приведет к последствиям, прямо противоположным тем, которых от него ожидают. Приглашая британское правительство принять участие в ликвидации торговли опиумом, китайское правительство тем самым признало себя неспособным добиться этого своими собственными силами. Нанкинский договор был последней и, пожалуй, отчаянной попыткой освободиться от опиума с иностранной помощью».

Следует заметить, что Маркс вообще критически отнесся и к этому договору, он не видел больших перспектив для английской торговли в Китае, как не видел их и в Нанкинском договоре.

«Статьи договора, – считал он, – касающиеся непосредственно торговли, не дают Англии никаких выгод, которыми бы

не пользовались ее соперники, и в теперешних условиях представляют собой туманные обещания, большей частью не стоящие пергамента, на котором они написаны... Что же касается новых морских портов, открытых для торговли..., то они, как правило, являются отдаленными или расположены на островах. Да и пора уже теперь покончить с обманчивым представлением о том, будто рост торговли пропорционален числу открываемых для нее портов. Взгляните на прибрежные гавани Великобритании, Франции или Соединенных Штатов: многие ли из них развились в настоящие торговые центры? До первой китайской войны англичане торговали исключительно в Кантоне. Уступка пяти новых портов, вместо того, чтобы привести к созданию пяти новых торговых центров, постепенно привела к перемещению торговли из Кантона в Шанхай...».

Маркс не был одинок в своих выводах. Многие в Англии критически расценивали результаты войны, что позволяло думать о возможности новых англо-китайских столкновений. «**Daily Telegraph**» считала «статьи договора, касающиеся торговли, неудовлетворительными».

Вместе с тем, следует заметить, что **51 статьей** англичане добились **значительных успехов**, принудив Цинов обращаться с ними не как с варварами:

«Условлено, что знак «J» («варварское») не будет применяться к правительству или поданным ее британского величества в каких-либо китайских официальных документах, исходящих от китайских властей в столице или провинциях».

Это было *большой победой* европейской цивилизации над амбициями азиатского Китая. Казалось бы, эти перемены касаются морально-психологической сферы, но на деле они свидетельствуют о том, что *противостояние Цинов натиску европейцев оказалось сильно надломлено.*

Торговые неудачи держав в Китае приводили их к мучительному поиску эффективных средств исправления сложившегося положения. Многие усматривали такую возможность в продолжении экспансии силовыми методами.

Собственно говоря, их экспансия *и не прекращалась*. В 1854–1855 гг. они продолжали борьбу с участниками антиколониальных выступлений в приморских провинциях.

- **Англичане** сдерживали повстанцев Гуандуна.
- **Французы** были заняты тем же в Шаньдуне.
- **Американцы**, хотя открыто и не воевали, но использовали свое состояние вооруженного нейтралитета, стремясь *склонить* Цинов к совместным усилиям по разгрому тайпинов и занять территорию по течению Янцзы.

Проникновение в центральные районы Китая стало заветной мечтой всех колонизаторов, *но до поры* они поддерживали нормальные отношения с тайпинами, т.к. антицинская политика Хун Сюцюаня и его окружения была им выгодна. К тому же европейцы успешно торговали с тайпинами, в т.ч. оружием, т.е. фактически вооружали их против Цинов.

Явная иллюзорность планов тайпинов в отношении европейцев четко прослеживается **в письме группы китайских военных начальников** английскому и французскому командующим в Гуанчжоу и Сянгане. Они пытались выразить свое гостеприимство, доказать одинаковую сущность Китая и иностранных государств и т.д. Мало того, авторы приветствовали действия европейцев, которые, якобы, *«уничтожили старые порядки (на захваченной ими территории. – В.О.), осуществляют добродетельное правление, добились расположения народа»*.

«Хотим, – писали тайпинские командиры, – немедленно с войсками двинуться вам навстречу, вместе с вами подумать, составить планы на будущее». **Они выражали уверенность в том, что «вместе мы будем наслаждаться беспредельным счастьем,**

совершая бессмертные подвиги». Считая, что у европейцев «побуждения весьма благородные», авторы письма рассчитывали на совместную с европейцами борьбу против маньчжуров. Но вышло всё наоборот.

Заблуждения тайпинского руководства нашли яркое выражение и в послании **Хун Сюцюаня** «Младшим западным братьям», в котором он призывал европейцев присоединиться к тайпинам. *«Идите же, – взывал Хун Сюцюань, – младшие братья, с радостью к нам, и да будет вам успех во всем».*

В 1856 г. истек срок действия американо-китайского договора и державы решили использовать этот повод для получения новых прав в Китае.

- **Еще в 1854 г.** представители США, Англии и Франции предъявили Пекину совместный фактический ультиматум *о пересмотре* договоров 1842–1844 гг. Прежде всего державы требовали *права неограниченной торговли опиумом.*
- Американский посол **Маклейн** предупредил наместника **провинции Цзянсу и Чжэцзян И Ляна**: *«Если все наши требования будут удовлетворены, цинскому правительству будет оказана помощь в подавлении тайпинского движения. В противном случае я доложу обо всем своему правительству, и мы сохраним за собой свободу действий».*
- **Наместник отверг** эти требования, *но Англия и Франция в то время не были готовы к открытой интервенции, так как вели войну против России в Крыму.*
- Только после заключения Парижского мира Англия стала *искать повод для нападения.*
- **Повод был найден:** в 1856 г. в г. Синьлисянь был казнен в нарушение закона французский миссионер Шанделаня, а **в октябре** англичане использовали, в общем-то, малозначительный

конфликт с небольшим каботажным судном лорчей «Эрроу», который к тому же вскоре был улажен.

✓ **По поводу случившегося** британский консул в Гуанчжоу (Кантоне) **Паркс** направил генерал-губернатору депешу, в которой **отмечалось**:

«Утром 8-го с.м. на борт британской лорчи «Эрроу», которая находилась среди других судов, стоявших на якоре у города, без какого бы то ни было предварительного обращения к британскому консулу, прибыл большой отряд китайских офицеров и солдат, одетых в военную форму; несмотря на протест капитана-англичанина, они схватили, связали и увезли двенадцать китайцев из числа команды лорчи, состоявшей из четырнадцати человек, и спустили на лорче флаг... Но Ваше превосходительство, странным образом пренебрегая как справедливостью, так и договорными обязательствами, не представили ни удовлетворения, ни извинения за оскорбление, а то обстоятельство, что захваченные Вами матросы продолжают находиться у Вас под стражей, означает, что Вы одобряете это нарушение договора и лишаете правительство ее величества уверенности в том, что подобный случай не повторится вновь».

✓ **Как выяснилось**, арестованные китайцы были **пиратами и подозревались** в нападении на китайское торговое судно. **Губернатор** в письме, адресованном **адмиралу Сеймуру**, сообщил, что, **удостоверившись в невинности** девяти человек из числа арестованных, он **приказал** одному из офицеров **вернуть их обратно** на судно, но консул **Паркс отказался** их принять. *«И вообще, – писал он, – лорча считалась китайским судном, т.к. она была построена китайцем и принадлежала китайцу, который обманным путем добыл британский флаг, как часто поступали контрабандисты».*

✓ Несмотря на неловкость всех обстоятельств дела в **конце октября** английская эскадра **подвергла Гуанчжоу бомбардировке**, в результате которой в городе было **сожжено 500 домов**.

И.А. Гончаров в своей известной книге **«Фрегат Паллада»** записал, что англичане **не признают китайцев за людей**, *«за их же*

счет обогащаются, отравляют их, да еще и презирают свои жертвы».

В начале 1857 г. американское судно *поддержало* вторжение англичан обстрелом гуанчжоуских (кантонских) фортов. **В этом же году** к Англии *присоединилась* Франция.

Но генерал-губернатор Е. Миньшень продолжал *упорствовать* в своем нежелании вступать в переговоры с интервентами и *организовал им серьезное сопротивление*. Чтобы сломить это сопротивление, Сеймуру не хватило собственных сил, а поддержка из Индии задерживалась, т.к. англичане завязли там в борьбе с местными повстанцами, и *интервенты эвакуировались в Макао*. После этого в военных действиях *наступил краткий перерыв*.

Когда **28 декабря 1857 г.** подкрепление, все же, прибыло, они возобновились, но и на сей раз китайцы *продолжали отчаянно сопротивляться и отказывались вступать в переговоры*.

Не желая тратить время и силы на подавление сопротивления южан, интервенты весной 1858 г. перенесли военные действия на Север, где заняли крепость Дагу и порт Тяньцзынь, чем создали непосредственную угрозу захвату Пекина. Только после этого, 2 июня 1858 г. богдыхан капитулировал.

Как известно, **Россия, не участвовавшая в войне** и проводившая *свою политику* в отношении Китая, предложила свои посреднические услуги Пекину и, под это дело, **граф Ефим Васильевич Путятин** убедил Цинов подписать двусторонний договор. **США** также опередили Англию и Францию и **18 июня 1858 г.** подписали свой договор с Китаем.

Первая статья американо-китайского договора была выдержана в духе дипломатического лицемерия: *«Как всегда были мир и дружба между Соединенными Штатами Америки и Империей Цинь, и между их населением, так и будет. Они не должны оскорблять или притеснять друг друга по разным пустякам, так и не будет отчуждения между ними; и, если любая другая страна станет*

действовать несправедливо или жестоко, Соединенные Штаты окажут свои добрые услуги и примут меры для мирного решения вопроса, показывая таким образом свои дружеские чувства».

Дипломатические заверения в «вечной дружбе» и готовности оказывать взаимные «добрые услуги» не вводили никого в заблуждения, но свидетельствовали о временной стабилизации отношений между странами.

В «Дипломатическом словаре» отмечается:

«Американо-китайский Т.д. – подписан 18.VI. Он ограничивал прямые дипломатические отношения США с китайским правительством, предоставляя американским представителям лишь право свободной переписки с Пекином и посещения столицы не более одного раза в год (ст.4 и 5).

Впрочем, это ограничение было практически отменено уже через несколько дней, т.к. англичане и французы в заключенных ими с Китаем договорах добились права иметь постоянные дипломатические миссии в Пекине, и это право на основе принципа наибольшего благоприятствования было распространено на США и на Россию. Для американской торговли открывались те же, что и для России, 7 портов за исключением Сучжоу, вместо которого для США был открыт Сватоу (ст.14). В открытые порты США могли назначать своих консулов (ст.10). Американские корабли могли пользоваться (ст.9) китайскими портами в целях ремонта, пополнения запаса горючего и продовольствия. Граждане США получали права консульской юрисдикции и могли арендовать в открытых портах дома, торговые площади, землю и т.д. Гарантируя неприкосновенность американской собственности в Китае, Т.д. возлагал ответственность за возможные антииностранные выступления на местные власти под угрозой строгих наказаний и конфискации имущества (ст.13)».

Американская дипломатия под дулами военных кораблей США добилась больших успехов в Тяньцзыне: практически не воюя она заключила с Пекином выгодный договор, который гарантировал американцам стабильное положение в Китае, т.к. его 30

статья предусматривала режим наибольшего благоприятствования. **Она гласила**, что в случае предоставления какой-либо стране *«не предусмотренных настоящим договором права, привилегии и милости должны сразу свободно действовать в интересах Соединенных Штатов, его должностных лиц, купцов и граждан»*.

Лояльная позиция американцев объяснялась просто: **было очевидно**, что в ближайшее время Англия и Франция склонят Пекин к заключению с ними договоров. Действительно, уже **26 июня** договор с Англией был подписан, **на следующий день** был подписан договор с Францией.

Англо-китайский договор был наиболее полным и состоял из 56 статей. **«Дипломатический словарь»** следующим образом освещает этот договор:

«Стороны обязывались установить прямые дипломатические отношения, в связи с чем китайское и английское правительства соглашались принять в своих столицах постоянных посланников другой страны... Английский посланник в Китае и лица его свиты получали право свободного передвижения по всей стране, и на них распространялись все те привилегии, которыми пользовались послы в странах Западной Европы (ст. 4).

Наиболее тяжелым для Китая было предоставление английским подданным права путешествовать «для своего удовольствия или с торговой целью» по всем внутренним областям и провинциям Китая (ст. 9), а английским кораблям – торговать по р. Янцзы. На побережье этой реки для англичан должны были быть открыты три «порта захода», где иностранные суда могли разгружаться, а купцы торговать, но не селиться (ст. 10). Вскоре на основе Т.д. в качестве портов захода были определены города: Чженьцзян, Цзюцзян и Ханькоу. В дополнение к пяти морским портам, открытым для англичан по Нанкинскому договору 1842 г., открывались еще пять: Чифу на Шаньдунском п-ове, Нючжуан на Ляодунском п-ове, Сватоу в Гуандуне, Тайнань на Формозе и Сучжоу на Хайнане, в которых англичане могли не только торговать, но и селиться, покупать дома, арендовать земли, строить церкви, госпитали и кладбища. Английским подданным в Китае

предоставлялось право консульской юрисдикции и миссионерской деятельности. Расширяя возможности английской торговой экспансии в Китае, Т.д. обязывал пекинское правительство пересмотреть пошлины на ввозные и вывозные товары в сторону их уменьшения (ст.26). (До Т.д. пошлины, установленные Нанкинским договором 1842 г., взимались в размере 5% со стоимости товара.) Кроме того, устанавливалось, что будут понижены и транзитные пошлины до 2.5% со стоимости товара (ст.28). Британским военным судам разрешалось свободно «посещать все порты во владениях императора Китая» (ст.52), хотя торговые суда могли посещать лишь открытые порты (ст.47). Согласно приложенной к Т.д. «сепаратной статье» Китай должен был уплатить Англии контрибуцию в 4 млн. таэлей (то же, что лян).. После получения этой суммы Великобритания обязывалась вывести свои войска из Кантона.

Подтверждался и возобновлялся Нанкинский договор 1842 г., а англо-китайский договор 1843 г. отменялся.

Далее словарь сообщает, что Франко-китайский Т.д., подписанный 27.VI. состоял из 42 статей.

«Он предоставлял Франции в основном те же льготы, которые получала Англия. Он открывал для Франции те же порты (за исключением Нючжуана, который был заменён портом Тансуй на Формозе и Нанкином в Цзянсу), возлагал на Китай контрибуцию в 2 млн. таэлей и обязывал его выплатить крупную сумму в качестве возмещения французским подданным, жившим в Кантоне.

Важнейшим средством французского проникновения в Китай была миссионерская деятельность. Поэтому, в отличие от других, франко-китайский Т.д. содержал наиболее пространные постановления по этому вопросу. Согласно ст. 13, членам всех христианских исповеданий гарантировалось право свободного распространения христианства среди населения любых мест Китайской империи и полная безопасность личности и имущества. Признавалось также, что каждый китаец может принять христианство и не будет за это наказан властями».

Большим достижением иностранцев в 1858 г. было то, что они добились права плавания и торговли по внутренним водам Китайской реки Янцзы.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что иностранцы всегда прилагали много сил не только торговым и политическим интересам, они также заботились и о правах христианского духовенства. Здесь дело не только в заботе о духовной жизни китайского общества. Миссионеры, часто ими были иезуиты, выполняли свою роль в решении колонизаторами торговых и политических вопросов.

Их пропаганда ценностей буржуазного образа жизни и «света европейской цивилизации» в конечном итоге разъедали основы традиционного общества, что играло на руку в укреплении позиций иностранцев.

Во франко-китайском договоре позиция в отношении миссионеров изложена достаточно понятно:

«Так как христианская религия имеет основной целью воспитывать в людях добродетель, члены всех христианских исповеданий будут пользоваться полной безопасностью личности и имущества и правом свободного осуществления своего культа; миссионерам, мирно отправляющимся внутрь страны и снабжённым паспортами, будет оказано действительное покровительство. Никакая помеха не будет оказана властями китайской империи праву, признанному за каждым китайским подданным принять, если он того пожелает, христианство и исполнять его обряды, не подвергаясь за это никакому наказанию. Все, что доселе было написано, объявлено и опубликовано в Китае по распоряжению правительства против христианского культа, полностью отменяется и утрачивает силу во всех провинциях Китая».

Анализ основных направлений деятельности миссионеров заставляет задуматься над тем, что война тайпинов вольно или невольно способствовала европейской агрессии в Китае, т.к.

- **Хун Сюцюаню и его подручным** удалось смутить сознание огромной части населения христианским учением и усилить, под влиянием христианства, антицинские настроения, **а в результате** – захватить огромную территорию Китая, оставив Цинам только его северную часть. Все это крайне *ослабило* возможности династии *противостоять колонизаторам*.
- **Война тайпинов** *отвлекала* значительные военные силы Пекина от противостояния европейцам, *нарушала* систему налоговых поступлений, *создавала* для него продовольственную проблему.
- **Ситуация обострилась**, когда тайпины начали из Нанкина свой **Северный поход** и развернули боевые операции в северных провинциях.

Все это устраивало европейцев и США, поэтому они *до поры придерживались нейтралитета* в отношении тайпинов, *торговали* с ними, в том числе *поставляли им оружие*, которое оборачивалось против цинской армии.

Но после того, как они *получили разрешение* на торговлю по великой реке, **ситуация изменилась**, т.к. тайпины, контролировавшие Янцзы, мешали реализовать возможности этой торговли, да и пропаганда христианства все больше уступала место в деятельности тайпинов иным мотивам, вызванным прозой военного времени.

Теперь перед колонизаторами встала новая проблема – уничтожение Тайпин Тяньго, и они предложили услуги Цинам для совместной борьбы с тайпинами. Однако вскоре произошли события, приведшие к очередному кризису в отношениях Пекина и англо-французских союзников.

Дело в том, что **на ратификацию Тяньцзыньских договоров** должны были прибыть в Пекин английский и французский посланники, соответственно, **Брюс и Де Бюлон**, для *обмена ратификационными грамотами*.

- **Но выяснилось**, что они прибыли в сопровождении *военно-морской флотилии* в составе 19 судов.
- **Китайцы** расценили это как *акт недружелюбия*, демонстрации силы.
- Когда корабли англо-французской эскадры под командованием адмирала Хоупа вошли **25 июня в р. Байхе** и **направились к Тяньцзыню**, *артиллерия форта Дагу обстреляла его*. В этот день англичане потеряли **3 корабля** и более **400 чел.** убитыми и ранеными, французы – **пятую часть** участвовавших в бою.

Визитёры с позором отступили в Шанхай. Когда весть о фиаско в Китае достигла Англии и Франции, там произошёл взрыв негодования. *Действительно, где это видано, чтобы варвар побил цивилизованного европейца? Требовалась сатисфакция*. «Daily Telegraph» выразила всеобщее мнение:

«Так или иначе, нужно действовать террором, довольно по-блажек! ...Китайцев надо научить ценить англичан, которые выше их и которые должны стать их господами».

- **Французское правительство** готово было *начать новую войну* и вести ее *до победного конца* – подписания очередного договора с Китаем в Пекине.
- **Англичане были более сдержаны** – они предполагали *ограничить боевые действия операцией в Тяньцзыне* и поступать таким образом, чтобы *не нарушать* завязавшейся торговли с китайцами.

К весне 1860 г. приготовления к новой войне, которая вошла в историю под названием «третьей опиумной», были завершены. Англия поручила возглавлять миссию в Китай лорду Эльджину, Франция – барону Гро. На основе инструкций своих правительств они подготовили ультиматумы богдыхану Сянфыну, которые содержали требования:

- **принести** извинения за нападение на их эскадру из форта Дагу 25 июня 1859 г.;
- немедленно **произвести** в Пекине обмен ратификационными грамотами Тяньцзынских договоров;
- **выплатить** денежную компенсацию союзникам за их издержки в инциденте 1859 г.

В ответ на это послание Пекин вновь показал свою гордость, *высокомерно отвергнув* эти требования, после чего союзники заявили, что *добьются своего силой*.

Уместно будет упомянуть о *позиции тайпинов в условиях назревания новой войны*, которая свидетельствует о полном непонимании стратегии европейцев, что толкало их к сотрудничеству с агрессором.

В феврале 1860 г. генерал Ли Хунчжао и другие тайпинские военачальники, как уже отмечалось, обратились к английскому и французскому командующим в Гуанчжоу и Сянгане с письмом, в котором выражали своё восхищение их *«добродетельным правлением»*, пользующимся *«расположением народа»*.

«Знаете ли вы, что мы гостеприимно относимся к тем, кто поддерживает нас, – сказано в письмах, – и ненавидим тех, кто бесчеловечен с нами? Одинакова суть отношений между людьми в Китае и вне его с древних времён и по нынешний день...

Так же как в ваших странах, мы построили храмы Бога-отца и молитвенные дома, постоянно разъясняем суть милостей господних, повсюду просвещаем души неразумных. Почитая только Бога-отца, не поклоняемся нечистым духам. В этом мы едины с вами. Китай и иностранные государства одинаковы по своей сути, хотя можно заметить различие между ними...

Нам давно известно, что вы ...уничтожили старые порядки... Мы бесконечно рады этому».

Генералы призывали европейцев к совместной борьбе с маньчжурами с тем, *«чтобы те, кто...причиняет зло народу, не*

находили бы себе места. Таким образом, население, находящееся в критическом положении, может надеяться на скорое освобождение».

В планы европейцев не входило объединение с повстанцами.

- В начале **августа 1860 г.** началась *высадка* англо-французских войск в Китае и их *движение* к Тяньцзиню.
- **21 августа** были *взяты* форты, защищавшие устье р. **Байхэ**.
- **25 августа** английские войска *вошли* в **Тяньцзинь**, без боя оставленный китайскими войсками.
- **18 сентября** англо-французы *разбили* китайскую пехоту у деревни **Чжанцзявань**.
- **21 сентября на мосту Балицяо**, на подступах к Пекину, элитная маньчжурская конница в решающей битве *потерпела поражение* от союзных войск.

В ходе боевых действий англичане *без боя заняли дворец Юань-миньюань* (летнюю резиденцию императора) и во всей «красе» представили «*китайским варварам*» прелести нравов самых цивилизованных наций в мире.

- **Летний дворец** императора был *одним из самых великолепных* архитектурных сооружений города – состоял из 200 зданий, заполненных предметами роскоши, произведениями китайского искусства и ремесла. \

Он был разграблен и сожжён дотла.

- **Изначально планировалось** все *поделить цивилизованно: «поровну» и «по заслугам»*, для этого даже была создана комиссия. Специальные подарки были отобраны для английской королевы Виктории и императора Франции. Но *цивилизованного дележа* не получилось. Ослеплённые блеском богатства и обезумевшие от жадности, солдаты стали грабить дворец.

Участник этих событий вспоминал:

«Солдаты, зарывшись с головой в сундуки красного лака, копались в вещах императрицы, другие ворошили груды парчи и шелков, кто рассовывал по карманам или просто ссыпал в рубаху или фуражку рубины, сапфиры, жемчуга, горный хрусталь; кто увешался драгоценными жемчужными ожерельями. Растаскивали часы с каминов, снимали часы со стен; сапёры орудовали топорами, расколачивая мебель в щепы, чтобы выбрать драгоценные камни, которыми были инкрустированы дворцовые кресла. Один из них очень усердно старался разрубить прелестные часы в стиле Людовика XV, чтобы извлечь циферблат, на котором сверкали хрустальные цифры: он вообразил, что это бриллианты».

Сяньфын со своей свитой бежали из Пекина. Когда союзники подошли к столице, они вновь *предъявили правительству ультиматум*. **Принц Гун**, которому Сяньфэн передал полномочия, *подписал* в присутствии послов и их свиты **трактат с Англией 24 октября, и с Францией – 25 октября («Пекинские договора»)**.

Новые мирные трактаты *подтвердили* в общих чертах условия Тяньцзиньского мира 1858 года.

События 1860 г. способствовали приходу к власти в Пекине новой группировки – **императрицы Цыси и принца Гуна**. После подписания Пекинских договоров, Гун фактически возглавлял правительство, а *после смерти Сяньфына в 1861 г.* мать наследника императрица Цыси и Гун совершили *государственный переворот*. Они арестовали членов регентского Совета и малолетнего наследника **Тунчжи**, назначенных Сяньфыном, обвинили их в неояльном отношении к иностранцам, за что те были казнены, и стали править сами. *Принц Гун стал опорой англо-французских колонизаторов в Китае.*

В 1860 г. произошло ещё одно примечательное событие в международной жизни Китая: **2 ноября был подписан Дополнительный договор между Россией и Китаем.**

Как известно, *Россия не участвовала* в третьей «опиумной войне» и действовала *независимо* от англо-французских происков.

Весной 1859 г. в Пекин прибыл **граф Н.П. Игнатьев** – *крупный государственный деятель, гордость отечественной дипломатии.* В соответствии с логикой развития российско-китайских отношений, он должен был добиться от Пекина ратификации и дальнейшего развития **Айгунского договора и Тяньцзиньского трактата**, окончательно определить восточную и наметить западную границы России и Китая «...для вящего скрепления взаимной дружбы между двумя императорами, для развития торговых сношений и предупреждения недоразумений». Однако китайцы с неохотой шли на переговоры и Игнатьеву приходилось лавировать на их противоречиях с европейцами. Он призывал Пекин *принять предложения России и «следовать нашим советам в своих действиях и отношениях с союзниками».* Игнатьев заверил цинов, «*что Пекин будет спасен, что манчжурская династия останется на престоле и что все ваши дела устроятся наилучшим образом».*

Переговоры длились *год* и только когда европейцы вновь *создали военную угрозу Пекину*, принц Гун **сам попросил** Игнатьева о **посредничестве**, а **2 ноября 1860 г.** был подписан русско-китайский договор.

В протоколе об обмене текстами русско-китайского Пекинского дополнительного договора отмечалось:

«Вследствие удостоверения Гун Цин-вана, что указ сей вполне достаточен, чтобы считать разграничение обоих государств и остальные статьи Договора окончательно утвержденными богдоханом, русский уполномоченный объявил, что с своей стороны он согласен признать Договор ратифицированным богдоханом и готов тотчас же подписать трактат и разменять экземпляры онаго. Вследствие сего были подписаны обоими уполномоченными два экземпляра Договора на русском языке и два экземпляра на китайском, и к ним приложены печати уполномоченных».

Первая статья Договора производила российско-китайское **размежевание** на восточных территориях.

«В подтверждение и пояснение первой статьи договора, заключённого в городе Айгуне, 1858 года, мая 16-го дня (Сяна... VIII года, IV луны, 21 числа), и во исполнение девятой статьи договора, заключённого в том же году, июня 1-го дня (V луны, 3-го числа), в городе Тяньцзине, определяется: с сих пор восточная граница между двумя государствами, начиная от слияния рек Шилки и Аргуни, пойдёт вниз по течению реки Амура, до места слияния сей последней реки с рекой Усури. Земли, лежащие по левому берегу (на север) реки Амура, принадлежат российскому государству, а земли, лежащие на правом берегу (на юг), до устья реки Усури, принадлежат китайскому государству. Далее от устья реки Усури до озера Хинкай граничная линия идёт по рекам Усури и Суньгача. Земли, лежащие по восточному (правому) берегу сих рек, принадлежат российскому государству, а по западному (левому) – китайскому государству. Затем граничная между двумя государствами линия, от истока реки Суньгача, пересекает озеро Хинкай и идёт к реке Бэлэнхэ (Тур), от устья же сей последней, по горному хребту, к устью реки Хубиту (Хубту), а отсюда по горам, лежащим между рекой Хуньчунь и морем, до реки Тумыньдзян. Здесь также земли, лежащие на востоке, принадлежат российскому государству, а на запад – китайскому. Граничная линия упирается в реку Тумыньдзян на двадцать китайских вёрст (ли), выше впадения ее в море....»

Если бы в вышеозначенных местах оказались поселения китайских подданных, то русское правительство обязуется оставить их на тех же местах и дозволить по-прежнему заниматься рыбными и звериными промыслами. После постановления пограничных знаков, граничная линия на веки не должна быть изменяема».

Вторая статья договора определяла западную границу Китая.

«Граничная черта на западе, доселе неопределённая, отныне должна проходить, следуя направлению гор, течению больших рек и линии, ныне существующих китайских пикетов, от последнего маяка, называемого Шабин-дабага, поставленного в 1728 году (Юн-чжэнь VI года), по заключении Кяхтинского договора, на юго-запад до озера Цзай-сан, а оттуда до гор, проходящих южнее

озера Иссыккуль и называемых Тэнгэри-шань или Киргизнын Алатау, иначе Тянь-шань-нань-лу (южные отроги Небесных гор), и по сим горам до кокандских владений».

Специальные статьи регламентировали русско-китайскую торговлю.

- **Четвертая статья** определяла, что *«на протяжении всей граничной линии, определённой первой статьёй сего договора, дозволяется свободная и беспошлинная меновая торговля между подданными обоих государств. Местные пограничные начальники должны оказывать особое покровительство этой торговле и людям, ею занимающимся...».*
- **Статьи 5–8** определяли порядок торговли, как в пограничных районах, так и в Пекине *на взаимовыгодных условиях.*
- **Статьи 9–11** определяли *порядок действия* руководства приграничных областей, включая генерал-губернаторов. При этом подчёркивалось, что они *«в сношениях своих должны соблюдать совершенное равенство и вести оные исключительно по делам, относящимся непосредственно к их управлению».*

Стороны исходили из того, что настоящий договор является преемником Тяньцзиньского договора и все его статьи *«должны быть исполняемы на вечные времена свято и ненарушимо».*

Вскоре после подписания Тяньцзиньских договоров в Нанкине, в апреле 1859 г. объявился двоюродный брат Хун Сюцюаня – Хун Жэньгань – личность в тайпинской среде примечательная. Складывается впечатление, что, принимая активное участие в антиманьчжурской борьбе, тайпинскую идеологию он не разделял в полной мере, т.к. исповедовал европейские ценности общественного развития.

Это обстоятельство вызывает **некоторые вопросы**, т.к. Хун никогда ранее 1859 г. не участвовал в восстании, мало того – он был сторонником перенесения европейских порядков на почву Китая. Его появление в Нанкине, тем более кажется странным, что в

это время тайпины были не на подъёме, а повязли в нескончаемых, часто неудачных, битвах с маньчжурами, к тому же в 1859 г. было очевидно, что европейцы готовятся к новой агрессии.

В том же 1859 г. в разгар боев тайпинов с маньчжурской армией на Севере он получил титул князя (ганьвана) и **был назначен Хун Сюцюанем главой правительства**, что вызвало *недовольство* тайпинских ветеранов, самих рвавшихся к рычагам власти.

Позже, **в 1864 г.**, после его пленения маньчжурами, он написал свои Показания, которые **содержат некоторые сведения из его биографии.**

«Сейчас мне 43 года, – писал он, – я уроженец уезда Хуасянь провинции Гуандун. Учился до 28–29 лет (он был сельским учителем. – В.О.). Пять раз сдавал экзамены, но неудачно. Я изучал классические книги, историю, астрономию и летоисчисление. Спасаясь от преследований, много путешествовал. В связи с восстанием в Цзиньтяне, поднятым нашим правителем, Небесным князем, в году гэнсюй (1850), а также ввиду строгих мер со стороны властей я не смог остаться дома. В году синхай (1851) я странствовал по Гуанси... За нашим правителем я последовать не смог и вынужден был вернуться обратно.

В году гуйхао (1853), приехав в Сянган, учился у миссионеров. В году цзяинь (1854) я хотел из Шанхая поехать в Нанкин, но иностранцы не пожелали отправить меня туда... Я остался в иностранной школе изучать астрономию и летоисчисление. Зимой этого же года я вернулся в Сянган, где продолжал изучать астрономию и учиться у миссионеров.

В Сянгане я прожил 4 года. В году цзивэй (1869) иностранцы дали мне на дорожные расходы 100 юаней... 13-го числа 3-го месяца я прибыл в Тяньцзин (Нанкин), где удостоился милости нашего правителя, ...я был назначен главнокомандующим, а 1-го дня 4-го месяца я получил титул ганьвана – опоры Небесного государства, преданного наставника армии, принявшего участие в создании Небесного государства...

Собственно говоря, в столицу я приехал для того, чтобы сообщить о бедственном положении нашей семьи... Однако наш правитель оказался столь щедрым на милости, что, невзирая на явное неудовольствие знатных, специально пожаловал мне титул ганьвана. Я же, удостоившись такой великой награды, всеми силами старался доказать свою преданность».

Хун Жэньгань **принимал активное участие в боевых операциях** и, судя по его словам, конфликтовал с военачальниками, действия которых он считал неверными, однако сам он военным талантом не блистал и терпел серьёзные поражения.

- Так **он пишет** о серьёзном поражении в провинции Аньхуэй, приведшем к трагическим последствиям в важнейших опорных пунктах на р. Янцзы:
- *«Мы не смогли удержаться и в провинции Аньхуэй, – писал он, – в результате, города на северном берегу Янцзы были оставлены один за другим...».*
- **Ещё один факт**, свидетельствующий о Хун Жэньгане не лучшим образом, когда он не смог защитить наследника Хун Сюцюаня по его предсмертной просьбе:

«К сожалению, в городе Шичэне у меня были незначительные силы. Темной ночью в лагере поднялся переполох. Правитель и я потеряли друг друга. В этом моя большая вина. Я попал в плен». Попал в плен и наследник.

- Известно, что Хун Жэньгань был одним из первых, кого Хун Сюцюань в своё время крестил и кто вступил в «Общество поклонения богу», но когда началось восстание, то фактически сбежал от повстанцев. **Непонятно**, почему он не примкнул к восстанию, но почему скрывался от преследований со стороны цыньских чиновников?

Попутно заметим, что Хун Жэньганю приходилось бояться не только гнева властей. Выступая вслед за Хун Сюцюанем против конфуцианства, он выбросил из школы реликвии Конфуция, за что *«был бит палкой и изгнан из дома старшим братом» (А.И. Кобзев).*

Участвовать в восстании, казалось бы, было вполне естественным делом для Хун Жэньганя, но он, опасаясь *«строгих мер со стороны властей»*, бежал из дома и много лет странствовал по Гуанси. Он сообщает лишь то, что он *«не мог последовать»* за Хун Сюцюанем, которого называет *«нашим правителем»*, но не пишет почему?

Чем занимался Хун Жэньгань эти годы?

- Он сообщает, что изучал астрономию, летоисчисление, древнекитайские книги, историю. Известен случай исцеления им юноши, значит, он изучал и медицину. Очевидно Хун владел разносторонними знаниями.
- В 1853 г. тайпины заняли Нанкин, что свидетельствовало о подъёме их движения и открывшейся возможности для Хун Жэньганя *спрятаться* под их защитой от грозивших ему неприятностей. *Но он поступил иначе* – отправился в Гонконг (Сянган), где *господствовали англичане*.

Чем он занимался в Гонконге четыре года?

- Он пишет: *«Учился у миссионеров»*.
- Действительно, известно, что ему покровительствовал шведский миссионер **Томас Хамберг**, пользовавшийся известностью во всем Китае. У него-то Хун Жэньгань и постигал основы протестантизма, а вместе с тем европейскую ментальность и образ жизни. **Известно, что Хамберг заботился не только** о духовной сфере жизни китайцев, *но был тесно связан* с военными и административными кругами колонизаторов, а его пропаганда духовных ценностей соответствовала политическим интересам европейцев. Вероятно, он стремился передать и Хун Жэньганю европейские ценности.
- Судя по всему, европейцы имели к Хун Жэньганю особый интерес. Хотя он пишет, что ему не верили, что он *«младший брат Небесного князя»*, но вряд ли столь важная информация прошла мимо их внимания. Они могли легко ее проверить. Может быть не случайно, когда он попросился в 1854 г. отбыть в Нанкин, ему было в этом отказано, и только вначале 1859 г.,

после подписания Тяньцзынского договора, когда стало очевидно, что тайпины мешают воспользоваться правом торговли на Янцзы, Хун не просто получил разрешение отбыть в Нанкин, но и получил 100 юаней на дорогу.

Хун Сюцюань встретил Хун Жэньганя с радостью. **Чем была вызвана эта радость?**

Вероятно тем, что в это время лагерь тайпинов раздирали новая волна противоречий между воевавшими командирами – старой гвардии тайпинов и новыми нанкинскими правителями, возглавляли которых родственники Хун Сюцюаня. В этих условиях он надеялся на поддержку своего прибывшего брата.

Хун Жэньгань стал инициатором реформирования Тайпин Тяньго. Однако, как уже отмечалось, его видение преобразований в корне расходилось с тайпинской идеологией. Об этом Хун Жэньгань писал в своём трактате «Новое сочинение в помощь управлению».

Его концепция включала две составляющие:

- необходимость *трансформации* традиционного китайского общества посредством европейской модели развития;
- *отказ от изоляционистского противостояния* внешнему миру и создание новой системы международных отношений, основанных на торгово-экономических связях с европейцами.

«Сейчас я хочу коснуться, – писал Хун Жэньгань, – способов поддержания хороших отношений с чужеземцами, прибывшими из дальних стран. Чужеземные страны славятся высоким искусством своих мастеров, а также совершенным законодательством. Прежде всего, необходимо разрешить им торговать с нами, не допуская их, однако, в глубинные районы...

Если мы действительно хотим добиться, чтобы эти страны искренне приносили нам свои дары, нам ни в коем случае не следует прибегать для этого к силе, ибо силой здесь ничего сделать

нельзя. Для этого нужно лишь навести порядок в государственном управлении внутри страны. Только таким путём мы сможем достигнуть своей цели. Этот принцип глубок и универсален...».

«Следует, – писал он, – применять метод соревнования с чужестранцами. Допустим, открывают чужеземец и китаец две лавки, китаец не платит, а чужеземец платит за аренду помещения, у чужеземца много рабочих, а у китайцев – мало, у китайца товары идут по нормальным ценам, а чужеземец вынужден продавать их по дорогой цене. Китаец, естественно, будет получать прибыль, а чужеземец неизбежно терпеть убытки. Таким образом, дело одного будет всегда процветать, другой же не сможет долго держаться и разорится... Зачем же искусственно отгораживать себя от внешнего мира? Так поступают только люди с ограниченным кругозором. Соревнуясь с чужестранцами, разумеется, необходимо придерживаться определённого устава и правил благопристойности, чтобы уберечь себя от слепых и неразумных поступков. В прошлом Китай никогда не поступал так....».

Из этих слов со всей очевидностью следует, что Хун Жэньгань имел утопический вульгарный взгляд на экономические проблемы, что следует из приведенного фрагмента. **Кстати сказать,** в основу преобразований он ставил не столько экономический фактор, сколько вопросы государственного управления (отсюда и название его трактата).

«Как известно, – писал он, – для того, чтобы навести порядок в государстве, нужно, прежде всего, организовать управление».

Предложения о переустройстве общества на новых началах, которые делались Хун Жэньганем, не внесли свежей струи в развитие «Тайпин Тяньго», причина тому крылась в ряде обстоятельств.

Главное, в Китае не сложились ни объективные, ни субъективные предпосылки для восприятия идеалов буржуазного общества. В сущности, предложения Хун Жэньганя и других сводились к механическому использованию реальных достижений капитали-

стического Запада. (Подобные планы вынашивались и сторонниками «усвоения западных дел» и «самоусиления» Китая в цинском лагере.

В этой связи **представляются необоснованными оценки идей Хун Жэньганя как «передовых для своего времени», но «плохо сформулированных и объяснённых» (Дэн Сыюй).** А потому **вряд ли можно считать** его «Новое сочинение» *относительно целостной программой перевода страны на принципиально иной, вестернизированный (капиталистический) путь развития» (А.И. Кобзев).*

Как учение тайпинов было утопичным, так и предложения Хун Жэньганя *не имели в условиях Китая реальной основы для реализации.*

Показательно, что «Новое сочинение в помощь управлению» *не было понято* большинством тайпинских руководителей, поэтому *не были предприняты* какие-либо усилия к его реализации, *хотя* Хун Сюцюань многие из них одобрил. Да и сам Хун Жэньгань остался равнодушным к судьбе своего проекта, и не только к нему. Проявив деликатное внимание к программе реформ известного в Китае деятеля **Жуй Хуана**, *он отказал* в их реализации, сославшись на нехватку сил и на то, что для принятия решения необходимо согласие других высших руководителей, коих в то время не было в Нанкине.

В свете сказанного, мы полностью поддерживаем вывод В.П. Илюшечкина о том, что «неволью складывается впечатление, что он (Хун Жэньгань. – **В.О.**) выдвинул эту программу не столько для того, чтобы добиваться ее реализации, сколько с целью поразить других тайпинских руководителей своей эрудицией и разносторонностью», что было для него важно в условиях острых противоречий со «старой тайпинской гвардией».

Иными словами, идеализация прошлого истории Китая настолько сильно сковывала сознание основной массы тайпинов, что ни о каких нововведениях говорить не приходилось.

«На наш взгляд, – писал В.П. Илюшечкин, – стремление представить Хун Жэньганя в качестве одного из первых сознательных

проповедников капитализма в Китае лишено достаточных оснований. В действительности – и в этом нетрудно убедиться при ознакомлении с «Новым сочинением в помощь управлению» – Хун Жэньгань не понимал, что феодальный Китай и буржуазные страны находятся на разных ступенях общественного развития, не видел и не чувствовал никакой «ведущей тенденции мирового развития» и полагал, что западные державы отличаются от Китая лишь «более высокой нравственностью», «более совершенным законодательством» и большим числом полезных технических новшеств».

Впрочем, в одном из направлений **трансформации китайского общества** Хун Жэньгань фактически *поддерживал тайпинскую идеологию, что вполне соответствовало расчётам европейцев.*

- *Речь идёт о «размывании» основ духовной жизни китайцев. Он предлагал закрыть буддийские и даосистские монастыри, их книги сжечь, церемонии и уличные зрелища отменить, а монахов обратить в простых мирян. Фактически речь шла о запрещении всех нехристианских («вредных») идейно-философских учений.*
- **Результатом** реформаторской деятельности Хун Жэньганя стали, *не менявшие сущности тайпинской идеологии, реформы календаря, системы экзаменов и литературного языка, который был приближен к разговорному путём запрещения пустых и вычурных слов (указ 1861 г.).*
- По мнению некоторых учёных в основе реформаторских предложений Хун Жэньганя лежали *«идеи всеведущего всемогущего и вездесущего Бога», а мировоззрение «носило связанный с христианской догматикой теологический характер» (А.И. Кобзев).*
- *Отчасти* подобные утверждения, видимо, можно признать верными, в конце концов, мышление всех китайцев того времени было идеалистическим. «Новое сочинение» проникнуто, прежде всего, *европейским менталитетом прогрессивности вульгарно воспринятым.*

Об этом свидетельствуют предлагавшиеся *основы преобразования Тайпин Тяньго*. Хунь Жэньгань утверждал, что для общества:

«необходимо создание правильных законов и подбор способных людей. Использование бездарных людей, – поучал он, – наносит ущерб законам. Неправильные же законы приносят вред людям».

При этом, считал Хун, чтобы законы были эффективны, а люди знали, как нужно правильно поступать, их нужно *«уравновесить соответствующим образом»*:

- ✓ **Изменить** старые *обычаи* при помощи *новых*.
- ✓ **Изменить** старые *законы* при помощи *новых*.
- ✓ **Воспитывать** людей при помощи *наказаний*.

Особенно важно, – **писал Хун Жэньчань** – чтобы законодатели и чиновники *«лично заботились об их распространении путём личного примера, искренне стремились внедрить их в жизнь»*. Тогда народ будет послушным *«как трава послушна ветру»*, и будет *«подражать им во всем»*.

- Для Хун Жэньганя было очевидно, что залог успеха кроется в сочетании *«проведения в жизнь законов... с просвещением и воспитанием»* населения, т.к. при просвещённом народе, когда *«дело воспитания поставлено, законы ясны всем..., тогда люди вдохновляют друг друга, день ото дня расцветают таланты и добродетели, день ото дня оздоравливаются нравы и обычаи»*.
- Далее автор поясняет, что он имеет в виду под «новыми» обычаями, законами, воспитанием.

В этом вопросе мы подходим к главному отличию идеологии тайпинов от идей Хун Жэньганя. Оказывается все «это новое» даёт опыт Европы.

В чем этот опыт?

В развитии прессы, сети почтовых станций, сухопутного и водного транспорта, дорожного строительства и т.п., **что, как считал он**, приведёт к гармонии властных отношений.

«Вся власть, – наставлял он, – в отношении великого и малого, сверху донизу должна быть единой. И двор, и народ должны одинаково уважать ее, и она должна доходить до народа. Мнение народных низов должно доходить до людей, стоящих наверху, чтобы между верхами и низами установилось взаимное понимание, и были устранены те, кто ставит этому преграды и занимается злоупотреблениями. Самым лучшим средством для достижения этого является организация продажи газет и установление ящичков для тайной подачи прошений».

Очевидно, что «оздоровление нравов и обычаев» вполне соответствовало древнекитайским идейно-философским учениям, имевшим богатейший арсенал воздействия на народ и не сводившийся к подражанию европейским газетам и механизмам «тайной подачи прошений».

Лекция I.4.
ПАДЕНИЕ ТАЙПИН ТЯНЬГО

Начало 60-х годов ознаменовалось фактической агонией Тайпин Тяньго, хотя армия тайпинов ещё продолжала отчаянно сражаться на различных направлениях, но кольцо сопротивления неуклонно сжималось, тайпинам шесть раз удавалось отбросить правительственные войска от Нанкина, но каждый раз они с новой силой теснили армии «длинноволосых варваров», как было принято называть тайпинов в европейских кругах.

Положение в лагере повстанцев было более чем *неудовлетворительным*. В войсках нарастала *несогласованность* действий, каждый военачальник стремился действовать *самостоятельно*. В конечном итоге тайпины *утратили общий план ведения войны*.

Нанкинское руководство *мало заботилось* о положении на фронтах и *больше думало* о своём благополучии. **По свидетельству Ли Сючена** «своей гибелью государство обязано братьям Хун [Сюцюаня]». Он же в своих показаниях постоянно **подчёркивал**, что сам Хун Сюцюань в эти критические для государства годы *фактически устранился от руководства* им, т.к. *уверовал в своё божественное предназначение и считал, что никакая сила не способна поколебать его могущество*.

Ли Сючен неоднократно *пытался доложить* Небесному князю реальное положение государства и меры по выходу из кризиса, но *вызвал тем самым только гнев* Хун Сюцюаня.

«Наши дела ещё более ухудшились, – писал Ли Сючен, – а небесный князь по-прежнему не желал слушать никаких советов. После того как я поговорил с повелителем о делах государства, он исполнился подозрений. Все дела в столице Небесный князь передал в руки своего брата, Хун Жэньганя. Все важнейшие ворота города и прочие важные пункты находились под контролем людей, носивших фамилию Хун. Если бы дела в городе были в моих руках, если бы повелитель передал их целиком под мой контроль,

я ни в коем случае не допустил бы развала государства...а государь по-прежнему не желает интересоваться ни военными, ни гражданскими вопросами и целыми днями сидит, затворившись в своём дворце... Когда я представил на аудиенции во дворце свой доклад Небесному князю, он стал говорить о небе и о земле, но ни словом не обмолвился о насущных государственных делах. Он не только не участвовал в управлении, но даже и не удосужился назначить кого-либо, кто занимался бы государственными делами».

Это бездействие и разобщённость дополнялись *паническими настроениями* в армии, где усиливалось *дезертирство* командиров и их переход со своими войсками на сторону противника. Ослабление армии тайпинов пришлось на *время консолидации* цинских войск, что еще больше усугубляло положение Тайпин Тяньго. **Цины воевали не только правительственными войсками** («восьмизнаменная армия» и «войска зелёного знамени»), которыми командовал **Цзэнь Гофань**. В боях участвовало *восемь провинциальных армий*, среди которых выделялись армии **Цзо Цзунтана, Ли Хунчжана, Ху Линь**.

- **С осени 1860 г. по весну 1862 г.** тайпины отчаянно сопротивлялись на **Западном направлении**, но после сдачи Аньцина они постепенно начали откатываться на Восток.

«Лагерь Цзэн [Гоцюаня] были сильно укреплены, окружены глубокими рвами и крепкими редутам, между которыми были перекинуты деревянные мосты. В армии Цзэн царил строгий порядок, – вспоминал Ли Сючен, – Вот почему мои атаки, не прекращавшиеся на протяжении полутора месяцев, оказались бесплодными. В довершение всего тёплой одежды ни у кого не было, поскольку мы прибыли на место ещё в 8-м месяце. 9-й и 10-й месяцы принесли с собой холод, к которому вскоре прибавился и голод. Это было одной из причин, помешавших нам добиться успеха... Невзирая на снег, выступил в поход. После переправы на северный берег Янцзы сообщение с южным берегом прервалось... Стояла скверная погода, шли проливные дожди. Моё войско находилось в очень тяжёлом положении, начались поваральные болезни, за ночь выбывали

из строя многие... Все наши попытки выманить цинских солдат из лагерей на открытое место не давали успеха...

Между тем болезни в наших рядах свирепствовали с такой силой, что вскоре почти не осталось боеспособных солдат. Спустя короткое время я отвёл своё войско... Однако в местах, где я находился, не было продовольствия и быстро двигаться я не мог... Народ неизмеримо страдал, а наши солдаты умирали от голода. Когда человек голоден, у него, естественно, нет сил вести борьбу».

В начале 60-х гг. со всей очевидностью проявилась антитайпинская направленность политики европейцев. Они не просто поддерживали Цинов, но приняли активное участие в боевых операциях за Нанкин.

- **В мае–сентябре 1861 г.** тайпины еще успешно продолжали **Восточный поход**, в **декабре** армия Ли Сючена захватила **Нинбо и Ханчжоу**, но в **начале 1862 г.** они вновь потерпели **неудачу у Шанхая**, теперь уже **от армии европейцев**.

Решение принять участие в войне с тайпинами, с целью их скорейшего разгрома, было принято европейцами **в начале 1860 г.** С этой целью **они создали специальные воинские части.**

*«Американский авантюрист **Фредерик Уорд** в июне 1860 г. организовал в Шанхае на средства китайских компрадоров при покровительстве американского консула вооружённый отряд для борьбы с тайпинами под названием «Всегда побеждающая армия». По ее образцу были созданы «Франко-китайский корпус» и «Англо-китайский контингент». Против тайпинов также действовали английские, французские и американские военные корабли, которые, прикрываясь «нейтралитетом», перевозили по Янцзы цинские войска, оружие и боеприпасы для них. В январе 1862 года войско Уорда насчитывало уже 8 тысяч солдат, а также располагало пароходами и джонками с пушками на борту».*

- ✓ Между противниками развернулись ожесточённые бои. Было очевидно, что тайпины не намерены просто уступить свои позиции на Востоке страны.
- ✓ В боях погибли командующие **Ф. Уорд**, адмирал **О.Л. Проте**, полковник **Ле Бретон**. Место Ф. Уорда в 1863 г. занял **Ч. Гордон**, а «Всегда побеждающая армия» усилила взаимодействие с **Цзэнь Гофанем**.
- ✓ В мае 1862 г. армия Цзэн Гофаня подошла к Нанкину и блокировала его с Юга. Потеря северных территорий прервала поставки продовольствия в Нанкин, что заставило его население голодать.
- ✓ Поразительно, но факт: и в этих условиях тайпины стремились своих «младших братьев-варваров» наставить на путь истинный. В начале сентября 1863 г. в разгар упорных боев **Ли Сючен** и **Тянь Шаоцан** направили **Ч. Гордону** вполне миролюбивое деловое письмо.

«Вы заинтересованы в выгоде, мы – в закупке оружия, – писали генералы. – Мы за свободную торговлю и потому не издаём никаких запретительных законов. Если у Вас есть винтовки, пушки и заморские товары, то приезжайте к нам, как прежде, торговать. Если Вы пожелаете приехать к нам лично, мы будем рады принять Вас.

Мы ведём войну с маньчжурами из-за территории. Кто победит, кто потерпит поражение в этой войне – заранее определить невозможно. Небо, конечно, знает исход; иностранцам не следует вмешиваться в наши отношения с маньчжурами...

Вы знаете о нашем искреннем к Вам отношении. Нам также известна Ваша искренность. Если сможете приехать к нам побеседовать, сообщите о своём намерении заранее.

Знайте, что все мы поклоняемся господу Богу и Иисусу Христу. Исповедующие одну и ту же религию не могут думать о том, чтобы обмануть или причинить вред друг другу...».

Ч. Гордон ответил вполне любезно, даже подарил коня и прислал новую партию оружия.

«Бесконечно благодарен за дружеское отношение, – говорилось в очередном ответном письме, – Я уже приказал приготовить золотые браслеты и золотые бусы, чтобы этим отблагодарить Вас. Как только все будет готово, сразу пошлю Вам.

Что касается иностранцев, то мы предоставляем им полную свободу передвижения. Мы не приглашаем их к нам, но и не запрещаем бывать у нас. Мы воюем с Цинской династией за территорию и не питаем ни капли ненависти к иностранцам. Ранее захваченных во время боев иностранцев мы сразу освободили и заботимся о них. Разве можно причинять вред тем, кто приезжает к нам торговать? Прошу расспросить об этом приезжавших иностранных купцов, и Вы подробно узнаете о том, как мы обращаемся с ними. Прошу в дальнейшем по-прежнему вести [с нами] торговлю, используя все возможности. В нашей доброжелательности можете не сомневаться....».

Обмен любезностями между командующими никак не влиял на положение на фронтах, где тайпины все больше теряли инициативу и повсеместно переходили к обороне. Может быть, они стремились расположить к себе европейцев и поэтому были вынуждены поддерживать миролюбивый тон с Ч. Гордоном, делать ему богатые подношения.

• **В июле 1863 г.** Цинские силы под руководством Ли Хунчжана и Ч. Гордона осадили Сучжоу и после четырёхмесячной осады город пал, а сорокатысячная тайпинская армия во главе с Хун Жэньганем *перешла к систематическому отступлению.*

✓ **Вскоре Нанкин был блокирован со всех сторон.** В городе сложилась критическая ситуация, которая усугублялась голодом, начавшимся ещё летом 1863 г.

Последний период обороны Нанкина в значительной мере связан с именем **Ли Сючена**, ставшим к этому времени известным и заслуженным генералом.

«После того как столица была спасена в шестой раз, государь не обрадовал своих подданных какими-либо разумными планами, а слуги по-прежнему взирали на него, исполненные слепой преданности, – с грустью вспоминал Ли Сючен, – Среди его чиновников было немало людей мудрых и добродетельных. Им, однако, не повезло: они не встретили столь же мудрого повелителя. Государь, который сидел на троне Небесного государства, был причиной гибели многих героев. Он отвергал услуги умных и добросовестных, подозревал верных и преданных. Я неоднократно указывал на это в своих докладах на высочайшее имя, много раз спорил с государем о принципах Поднебесной, но мне никогда не удавалось убедить его в своей правоте. И именно в этом причина нынешних бедствий».

Далее он писал о себе. При этом бросается в глаза его стремление всячески подчеркнуть свои заслуги и обвинить Хун Сюцюаня в неспособности управлять государством, что сделало невозможным реализовать все его, Ли Сючена, возможности по спасению Тайпин Тяньго.

«В молодости, будучи простым крестьянином, я ещё многого не понимал и пришёл в лагерь Небесной династии, захваченный общей волной. Если бы в то время я знал, как повернётся дело, я бы скорее дал себя умертвить, чем согласился на это. Человек, лишённый небом разума, не может называться человеком. Оседлав тигра, он не в состоянии слезть обратно на землю. Я потерял своих родителей, но произошло это не по моему желанию. Когда Небесный князь воздвиг свой трон и заложил вековечные основы государства, я стал одним из его полководцев, провёл в сражениях долгие годы, однако я ни на минуту не испытывал радости и постоянно изнемогал под тяжестью грустных раздумий и забот. В Небесной династии немало людей, которые погубили множество населения, но я это делал вовсе не из преданности или желания угодить любимому государю. В моих руках не было власти. Разве мог я вершить делами по собственному усмотрению..?»

После шестого по счёту спасения столицы, государь стал ещё менее чем прежде прислушиваться к советам других, во всем полагаясь на провидение. В своих манифестах он говорил о небе и

совсем не упоминал людей. Это время характеризуется военными успехами династии. Победы следовали за победами, число командиров и солдат возрастало. В этой обстановке я не находил в себе сил, чтобы подать в отставку, причём чем дальше, тем труднее мне было решиться на такой шаг. После шестого спасения Тяньцзина [Нанкина] государь не снизошёл до того, чтобы наградить своих победоносных полководцев, и даже не пригласил командиров, воевавших в дальних краях, на аудиенцию. Отказывался он встречаться и с теми, кто неотступно находился при дворе. Небесный князь не интересовался государственными делами, полагая, что упрочнения его династии можно достичь молитвами небу».

В критический момент блокады Нанкина Ли Сючен обратился к Хун Сюцюаню с докладом о положении в городе. Он сообщал, что в городе царят беспорядки, грабежи и убийства, а столицу оборонять некому. На что тот возразил в мессинском духе: «Небо не допустит нашей гибели, т.к. я посланник Божий».

После этого Ли Сючен поведал Небесному князю о том, что после поражений в Северном Китае и сдачи Айцина прервались поставки продовольствия в столицу и его население голодает.

«У находящихся в городе жителей и солдат, – доказывал он, – нет пищи, мужчины и женщины умирают от голода». На что Небесный князь ответил: «Пусть те, кто находится в городе, питаются «сладкой росой» (травой и кореньями) так они смогут поддержать своё существование».

– «Эти вещи несъедобны», – возразил Ли Сючен.

– «Принесите мне их, – заявил Хун Сюцюань, – приготовьте, и я первый буду их есть».

После этого был отдан приказ каждому семейству заготовить по 10 даней «сладкой росы» и сдать в государственные хранилища.

• Вскоре после разговора с Хун Сюцюанем **Ли Сючен по его признанию** предпринял отчаянную попытку спасти жителей города от мучительной смерти. **Он представил Небесному князю новый доклад**, в котором предлагал разрешить населению *покинуть столицу*. В ответ на это последовали упрёки.

«Как ты смеешь, – негодовал Хун Сюцюань, – предав забвению интересы государства, советовать мне распустить моих братьев и сестёр. Все должны повиноваться моему приказу и усердно заготавливать «сладкую росу». Она поможет братьям и сёстрам прокормиться и сохранить жизнь. Твои советы мне не нужны!».

Несмотря на запрет, впервые **Ли Сючен нарушил приказ повелителя**: он тайно разрешил беднякам покидать город.

• После того, как цинские войска *пробили брешь* в южной стене, положение стало критическим, горожан охватило смятение, последовало предательство некоторых военачальников.

Многие в городе ждали измены **Ли Сючена**, но он оказался до конца преданным Хун Сюцюаню и, в очередной раз, решился сделать ему ещё одно и последнее предложение. *Он предложил Хун Сюцюаню бежать из Нанкина, но тот отказался, заявив:*

«Я повинуюсь указаниям бога и моего брата Иисуса Христа. Я сошёл с неба, чтобы быть единственным и истинным повелителем десяти тысяч государств. О каких опасениях, о каком страхе может идти речь?! Моё государство обширно и незыблемо... Ты говоришь, что у нас нет солдат, но знай, что моих небесных воинов больше, чем капель в море. Разве пристало нам с такими силами бояться дьяволов?».

Однако вскоре Хун Сюцюань понял, что дни Тайпин Тяньго действительно сочтены и **30 июня 1864 г.** он *покончил жизнь самоубийством*, а **19 июля** цинские войска ворвались в Нанкин и его оборона рухнула.

- **Ли Сючену** и тем, кто желал следовать за ним, удалось *вырваться из города*, но вопреки расхожему мнению, что он продолжил борьбу на юге Китая, *вскоре он был предан и передан правительственным войскам, а впоследствии казнён четвертованием.*

Вот как он сам описывает последние события.

«Я укрылся на вершине горы Хуаншань в обветшалой кумирне, у подножия горы жили люди, среди которых, несомненно, были беглецы из столицы, покинувшие Тяньцзин после его падения. При мне были различные драгоценности, зашитые в шёлковый пояс, я опасался, что при встрече с бедняками, стремящимися к наживе, мне придётся расстаться с жизнью. Остановившись возле кумирни, я снял с себя все ценное и развесил на дереве, чтобы отдохнуть налегке. Неожиданно показалась толпа людей, направляющихся в нашу сторону. Я и два–три моих спутника бежали, в страхе забыв о вещах. Люди стали нас преследовать, крича: «Если у вас есть деньги, отдайте их, а мы сохраним вам жизнь». Я очень торопился, но уйти от преследования было невозможно. Люди приблизились и, узнав во мне чжунвана, упали на колени и заплакали. Увидев, что они настроены столь дружелюбно и намерены меня спасти, я решил вернуться к кумирне, чтобы отдать им в награду все свои драгоценности».

Однако на деле все оказалось для Ли Сючена намного сложнее, а, в конечном итоге – драматичнее. Этих крестьян мало волновали чины и заслуги чжунвана в борьбе за их светлое будущее, но прельщало его золото.

Когда он вернулся на прежнее место, то обнаружил, что его *«вещи исчезли: их взяли люди, пришедшие сюда во время преследования...».* **О последовавших событиях он писал:**

«Тем временем между группой жителей, которые взяли мои драгоценности, и теми, кто опознал меня, началась распря. Последние требовали своей доли добычи. Люди, овладевшие драгоценностями, сказали: «Вы хотите получить свою долю? Знайте

же, что подобные вещи могли быть только у самых больших главарей Небесной династии. Раз уж вы хотите получить добычу, вам надо захватить самого главаря». После этих слов сердца многих загорелись корыстью, и два предателя схватили меня и доставили [в цинский лагерь]. Вот почему мне так и не удалось скрыться».

Во взятии Нанкина значительную роль сыграли иностранцы, которые приняли участие в его блокаде. Ли Сючен считал, что они воевали против тайпинов, т.к. цины их подкупили.

Для показаний Ли Сючена характерно то, что теперь он называет европейцев не «младшими братьями», а «заморскими чертями» и видит в них «источник бед нашей династии».

«Если бы заморские черти не помогли армии противника, – писал он, – мы, несомненно, смогли бы держаться ещё очень долго. С тех пор как заморские черти развернули наступление на наши войска, Небесная династия стала терпеть поражения, теряя город за городом, район за районом. У нас не было сил, чтобы противостоять их натиску».

- **Похожее описание Ли Сючен оставил о битве за Нинбо:**

«Подкупленные цинскими генералами, заморские дьяволы атаковали Нинбо... У заморских чертей были пушки, которые вели бешеный огонь. Они стреляли очень метко и сумели разрушить городские стены. Нашим войскам не удалось удержаться в городе, и они вынуждены были отступить».

- За участие европейцев в битвах за другие города «им также перепало немало денег». Так в районе Сучжоу и Ханчжоу, **сообщал он**, «активно действовали заморские черти... Получив от генерал-губернатора Ли Хунчжана деньги, они атаковали наши укрепленные пункты. Эти черти при виде денег сатанели».

Свидетельства Ли Сючена *со всей очевидностью показывают* суть политики западноевропейцев и могут квалифицироваться, как *вмешательство во внутренние дела Китая*. Очевидно и то, что он избежал от иллюзий относительно истинных намерений колонизаторов.

«Было время, – с сожалением писал он, – когда черти приезжали в Тяньцзин [Нанкин], где встречались с Небесным князем. Они хотели, чтобы Небесный князь поделил с ними поровну свои земли, соглашаясь в этом случае оказать ему помощь. Небесный князь не согласился и ответил им такими словами: «Я ставлю своей целью овладеть Китаем в целом и должен заботиться о целом. Если я поделюсь с вами своими землями, надо мной будет смеяться вся Поднебесная. В случае поражения мне скажут, что я пригласил в государство чертей»...

«Черти» ответили: *«Хотя у тебя, небесный князь, и великое множество войска, все твои силы не стоят и 10 тыс. наших солдат. Имея же войско численностью в 20–30 тыс., а в придачу к нему огненные суда, мы в состоянии одной рукой умиротворить Поднебесную. Десять с лишним тысяч наших солдат ворвались в Пекин, и тогда наступил мир. Без союза с нами ваша Небесная династия долго не продолжится. [Если ты не согласишься], мы предпримем действия другого рода». Вот так и произошла размолвка между небесным князем и заморскими чертями. Ныне, когда судьба Небесной династии уже решена и для окончания дела больших усилий не требуется, главное внимание следует обратить на оборону против чертей. Эти слова я говорю совершенно искренне».*

Падение Нанкина означало фактический разгром Тайпин Тяньго, однако арьергардные бои, которые уже ничего не решали, продолжались до 1866 г.

В связи с этим – **последняя ремарка**, дополняющая характеристику крестьянской войны тайпинов.

- Она проходила в условиях, когда Китай был охвачен восстаниями, подготовленными тайными обществами («Союз малых мечей», «Няньцзюни» и др.), и явилась составной частью всеобщего протеста, царившего в Китае, против укоренившихся в нем порядков, когда *«мир переполнился несправедливостью»*.

- Все эти восстания были **типологически схожими** с тайпинским.

- ✓ **В 1853 г.** вспыхнуло восстание *няньцзюней* в провинции Аньхуэй и охватило восемь провинций Китая. После крушения Тайпин Тяньго его некоторые военные части присоединились к няньцзюням и укрепили их. **В 1866 г.** они предприняли попытку похода в столичную провинцию Чжили, но были разбиты, а **в 1868 г.** последние очаги их сопротивления были разгромлены.

- ✓ **В сентябре 1853 г.** в Шанхае восстала городская беднота под руководством *«Союза малых мечей»* – ветви общества «Триада». Руководитель восстания **Лю Личуань** заявил:

«Как известно, страна умиротворена и создано государство. Обеспечено благоденствие народа и отвергнуто то, что может нанести ему вред. Установлены принципы правления и распространена гуманность...»

И далее:

«Если же найдутся такие, кто будет противиться этому, уклоняться и не подчиняться, то я, генералиссимус, дабы избежать тайных доносов, должен буду таких отдавать под суд».

В этих словах слышны знакомые мотивы тайпинских документов.

- **Обращают на себя внимание различные формы протеста** в среде **малых народов** Китая, из которых выделяется восстание *мусульманских дунган* провинции Юньнань, вспыхнувшее **в 1860 г.** и приведшее к образованию их собственного государства, которое просуществовало до начала 70-х гг.

РАЗДЕЛ II. ВОССТАНИЕ 1857–1859 гг. И ОТСТРАНЕНИЕ ОСТ-ИНДИЙСКОЙ КОМПАНИИ ОТ УПРАВЛЕНИЯ ИНДИЕЙ

Лекция II.1.

ПОЛОЖЕНИЕ ИНДИИ В НАЧАЛЕ ЭПОХИ АНГЛИЙСКОГО ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

Следствием колониальной политики англичан было всеобщее недовольство и пробуждение патриотических сил Индии. Но в первой половине XIX в. они находились еще на ранней стадии своего развития.

Восстанию 1857–1859 гг. предшествовали события, которые можно характеризовать как **новый курс** в колониальной политике англичан. К 40-м годам XIX в. внутри англо-индийской торговли появились проблемы, связанные с ввозом в Индию английских товаров.

- С 1832 по 1857 гг. ввоз английской мануфактуры в Индию вырос больше чем в 12 раз.
- В Индию шла $\frac{1}{4}$ часть всего экспорта хлопчатобумажной промышленности Англии.

Тем не менее, английская промышленность стремилась ускорить процесс «освоения» захваченных земель Индии, дабы расширить рынок сбыта и наладить сырьевые поставки из Индии.

Эта миссия была возложена на генерал-губернатора Д. Дальхузи (1848–1856 гг.), основу политики которого составило приспособление земли Индии к потребностям рынка. Для этого необходимо было, в первую очередь, усилить специализацию сельского хозяйства.

Попутно вспомним, что вопрос об управлении Индией периодически вставал перед властями в Англии. В 1838 г. он

вновь был поставлен в повестку дня Парламента. Кредо многих парламентариев выразил один из руководителей радикалов либеральной партии **В. Мольсуорс**. В своей речи **он заявил**:

«...Различайте зло и благо; устраняйте первое и сохраняйте второе, не освобождайте ваши колонии, но умножайте их и улучшайте вашу систему колониального управления».

Время перемен пришло в Индию через десять лет и связано, как отмечалось, с именем лорда **Д. Дальхузи**. Его правление показало, что «улучшить управление» возможно только в части удовлетворения потребностей английского капитала.

Вступив в **1848 г.** на должность генерал-губернатора Индии, лорд **Д. Дальхузи** направил **Совету Директоров** Ост-Индийской компании **петицию**, в которой открыто **наставлял их**:

«... Для проведения мудрой и действенной политики Британское правительство не должно упускать случая или недооценивать такую законную возможность приобретения новых территорий или введения новых налогов, которая время от времени может предоставляться или из-за ошибок правителей зависимых государств, или из-за неспособности наследников, или из-за отсутствия прямых наследников, когда наследование может произойти только в том случае, если наше правительство даст своё разрешение на проведение церемонии усыновления в соответствии с индусским правом».

Индийский учёный **Н. Кабирадж** в одном из своих исследований расценил признание Д. Дальхузи, как цель «превратить Индию в рынок сбыта для английских товаров».

Исходя из этого, перестройку сельского хозяйства генерал-губернатор осуществил **в двух направлениях**:

- **Первое направление** включало *отмену принудительной обработки* земли и снижение налогов, что привело к:
 - ✓ **оживлению торговли** крестьян – они сбывали англичанам продукцию сельского хозяйства, но полученные деньги шли не на их нужды, а на уплату налогов;

- ✓ к оживлению скупки земли ростовщиками, купцами и т.д., т.е. лицами, которые были оборотистей старой знати и вели хозяйство сообразно интересам англичан.

Проблема заключалась в том, что крестьяне были вынуждены *выращивать товарную* продукцию в *ущерб* продуктам своего питания.

- **Вторым направлением**, в котором велась перестройка сельского хозяйства, была экспроприация части земли у вассальных княжеств и духовенства под различными предлогами:

- ✓ отсутствие *прямых наследников* умершего князя (приёмные дети не шли в расчёт);
- ✓ «*возмещение долгов*»;
- ✓ *плохое или нерентабельное* ведение хозяйства;
- ✓ *лишение смещённых князей пенсий*.

- **Наряду с этим** была создана комиссия по проверке прав собственности на духовные земли. В результате только в **Бомбее 60%** церковных земель отошло к Ост-Индийской компании.

Все конфискованные земли передавались новым землевладельцам – заминдарам, которые стали основными поставщиками сырья для Англии. В результате мероприятий Дальхузи экспорт сырья из Индии к середине 50-х годов значительно вырос.

В 50-е годы производство в Индии поднялось качественно, как уже отмечалось, на новую ступень, за счёт английского сектора.

- Индия была **вовлечена** в орбиту капиталистического способа производства как его **аграрно-сырьевой придаток**, а внутри её экономики стал складываться **английский сектор** капиталистического уклада.

- Англичане начали проводить телеграфные линии, строить железные дороги. Появились первые фабрики.

Последствиями этого процесса явился подрыв экономической основы индийской общины, государственной и помещичьей собственности на землю. Это, наряду с усиливавшейся эксплуатацией, привело к росту всеобщего недовольства.

Во-первых, подрыв общины лишил массу крестьянства привычного хода жизни, не дав им ничего взамен. **Маркс отмечал по этому поводу:**

«Потеря старого мира без приобретения нового придаёт современным бедствиям жителя Индии особенно удручающий характер и прерывает связь Индостана...со всей его прошлой историей».

Во-вторых, экспроприация земли лишила большую часть бывших землевладельцев их доходов.

Самый обстоятельный анализ перемен в Индии с наступлением эпохи промышленного капитализма в Англии дал тогдашний министр финансов граф Биконсфилд, лорд Бенджамин Дизраэли в своей известной парламентской речи 28 июля 1857 г.

«В последнее время, – заявил Дизраэли, – была принята новая система управления Индией. Если старый принцип ... заключался в уважении к этой нации, то новая система представляется его полной противоположностью и может рассматриваться, как уничтожающая эту нацию... Теперь, взяв последние 10 лет, я разделию на три группы различные причины, которые, по моему мнению, привели там к сильному недовольству нашим правлением. Я определил бы их таким образом: во-первых, насильственное уничтожение нами местных князей, во-вторых, нарушение с нашей стороны установленного порядка владения собственностью, в-третьих, наше вмешательство в религиозные дела населения...».

По утверждению Дизраэли причина нововведений в Индии связана с тем, что финансовое положение английской империи там «ни в коей мере не было удовлетворительным» и изменить его «возможно лишь путём увеличения населения подвластных нам территорий». Иными словами англичане предприняли «насильственное уничтожение княжеств» и присоединение их территорий и населения к своим владениям. **Средством этой политики стало уничтожение закона об усыновлении.**

Механизм аннексий был простым: княжество, правитель которого умер и не имел прямых наследников, отходило к владениям Ост-Индийской компании. Право на наследство приёмных детей при этом игнорировалось.

«Принцип закона об усыновлении, – говорил по этому поводу Дизраэли, – не является в Индии прерогативой князей и княжеств. Он относится к любому человеку в Хиндустане, владеющему земельной собственностью и исповедующему индуистскую религию. Крупный феодал или джагирдар, который получает землю за службу своему государю, и заминдар, который владеет землёй, свободной от всяких земельных налогов, и соответствует если не полностью, то, по крайней мере, в общепринятом смысле нашим фригольдерам, – оба этих класса (наиболее многочисленные в Индии) при отсутствии естественных наследников всегда находили в усыновлении средство, обеспечивающее передачу их имений по наследству. Оба эти класса были затронуты аннексией... Кто мог считать, что он находится в безопасности? Какой вассал, какой землевладелец во всей Индии был в безопасности, если у него не было собственного ребёнка? Это не были праздные опасения... Впервые за всю историю Индии начали отбирать джагиры и инамы. Бывали, без сомнения, и раньше политически несвоевременные попытки пересмотра права владения, но никто никогда не думал об отмене закона об усыновлении. Поэтому ни местные власти, ни правительство не были в состоянии конфисковать джагиры и инамы, владельцы которых не оставили наследников. Это был новый источник доходов...».

Моральное положение всех категорий землевладельцев было таково, что, как верно указывал Дизраэли, никто из них *«не мог считать, что он находится в безопасности»*. **А это несло мощный взрывоопасный заряд, который сработал в мае–июне 1857 г.**

Экономический фактор **не был единственной причиной**, обострившей политическую ситуацию в Индии. Обстановка в стране *революционизировалась* попытками англичан *вмешаться в духовную сферу жизни индусов*.

Дизраэли точно установил влияние такой политики на положение англичан в Индии. **Он предупреждал**, что запрет традиционных обрядов, *«священных и для мусульман и для индусов...чрезвычайно опасен, так как он представляет собой вмешательство в религиозные дела населения...»*.

Недовольство политикой англичан достигло к началу 1857 г. такого уровня, что **Индия была поставлена на грань всеобщего восстания**. Настроения крестьян передались и армии, т.е. сипаям, – *«вчерашним»* крестьянам. **Особое значение** имело недовольство местных правителей аннексированных княжеств.

Лекция II.2.
**ХАРАКТЕР, ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ И ЦЕЛИ ВОССТАНИЯ
1857–1859 гг. В ИНДИИ**

Восстание в Индии вспыхнуло в мае 1857 г. Оно охватило пространство от Пенджаба до Бенгалии и распространилось по Центральной Индии. Уже в то время многие наблюдатели и современники по-разному определяли его характер. И сегодня мнения специалистов разнятся в этом вопросе.

В Индии восстание принято называть **«Войной за независимость 1857 года»**. Однако, некоторые европейские историки *не считают* события 1857–1859 гг. войной за независимость Индии, так как *сама Индия на тот момент была раздроблена на несколько сотен государств и, по их мнению, восставшие отстаивали интересы далеко не всех из них.*

Английские учёные и политики часто употребляют понятия *«Индийский мятеж»*, *«Великий Индийский Мятеж»*, *«Сипайский мятеж»*, *«Сипайское восстание»*, *«Великий Мятеж»* и даже – *«Магометанское восстание»* и т.д.

В июле 1857 г. Бенджамин Дизраэли в приведенной выше парламентской речи назвал его *«национальной революцией»*, а лорд Пальмерстон считал его простым *«военным мятежом»*. **Английская историография** в значительной мере *опирается на традицию*, заложенную известными современниками и знатоками восстания Дж. Кэем и Г. Маллсоном в многотомнике *«История индийского мятежа»*. Эта работа получила известность в Англии и оказала влияние на индийскую историографию.

В наиболее общем виде рассуждения Дж. Кэя и Г. Маллссона сводятся к тому, что *Англия была преисполнена благородного желания привнести в Индию цивилизацию, однако она не смогла выполнить до конца своей миссии, так как на её пути встали вековые традиции индийцев. Главный акцент авторы сделали на поли-*

тику английской администрации, лишившей прав местных феодалов. В этой связи восстание они представляли как мятеж феодалов, использовавших сипаев и привлёкших народ к борьбе.

В индийской историографии видное место занимает исследование С.Н. Сена, написанное по заказу правительства Индии в связи со столетним юбилеем восстания. Автор мало что добавил к уже известному в то время о восстании. Концептуально он следовал английской традиции.

- **Свою основную задачу Сен видел** в том, чтобы *примирить* различные точки зрения на восстание, и, таким образом, *виновными в нем он считал и англичан, и индийцев. Национальный характер восстания Сен отрицал.*
- **В юбилейном 1957 г.** в Индии опубликован также сборник статей индийских коммунистов **«Восстание 1857 г. Симпозиум»**, занявший видное место в индийской историографии, *хотя некоторые положения включённых в него статей не могут быть признаны верными.*

В сборнике содержатся **два взгляда** на характер восстания.

- ✓ Так **Т. Халдун**, статьёй которого открывается сборник, **не признавал национального характера за восстанием**, *хотя и не считал его сипайским мятежом.* По мнению Т. Халдуна, тот факт, что восстание было *крупнейшим* по тому времени выступлением против английского господства, *ещё не давал основания считать его войной за национальную независимость.* В то время, писал он, у индийцев *не существовало* чувства национализма, а восстание *не имело единого плана и руководящего центра;* наконец, оно *охватило меньшую часть Индии.* Точка зрения Т. Халдуна *не получила поддержки.*
- ✓ Заслуживает внимания статья **П.Ч. Джоши** – видного деятеля компартии Индии, редактора сборника. П.Ч. Джоши, *настаивая на национальном характере восстания, подверг*

критике утверждения о *реакционности* действий восставших. Борьба за изгнание англичан, по его мнению, придавала *прогрессивный характер* восстанию, а участие в нем народных масс в случае победы *сделало бы невозможным возврат к старым порядкам*. Перефразируя слова К. Маркса **он писал**, что *восставшие должны были выполнить две функции: разрушительную – уничтожить английскую систему управления – и созидательную – создать своё правительство*.

Давая высокую оценку восстанию, **П.Ч. Джоши отстаивал ту точку зрения, что оно положило начало современному национально-освободительному движению народа Индии**.

Взгляд на восстание, как на бунт сипаев, автор объяснял влиянием английской историографии, что, по его мнению, ослабляло индийскую национальную мысль. *Концепция сипайского мятежа, писал П.Ч. Джоши, рождена апологетами Ост-Индийской компании, всячески скрывавшими крайности её политики. Действия Дальхузи (захват индийских княжеств) он характеризовал как новый этап агрессии. Ост-Индийская компания, по его мнению, полностью разрушила экономику Индии: нарушила традиционную земельную систему, торговлю, промышленность, уничтожила взаимосвязь между этими секторами экономики страны*.

В заключении обзора концептуальных оценок индийской историографией характера восстания следует привести авторитетное мнение первого премьер-министра независимой Индии Дж. Неру. Он считал, что

«Восстание было тайно и хорошо организовано, но преждевременный взрыв несколько нарушил планы его вождей. Это был не просто военный бунт: мятеж быстро распространился и принял характер народного восстания и войны за независимость Индии. Как народное восстание масс он ограничился пределами Дели, Соединенных провинций (как их сейчас называют) и некоторыми областями Центральной Индии и Бихара. По существу, это был феодальный мятеж, возглавляемый феодальными вождями и их сторонниками и поддерживаемый широкими античужеземными

настроениями... Как индусы, так и мусульмане принимали в полной мере участие в восстании».

Изучение восстания в Индии советским востоковедением началось в 30-е годы. В 1932 г. увидела свет книга И.М. Рейнера «Очерки классовой борьбы в Индии», оказавшая большое влияние на всю последующую индологию. Несмотря на ряд положений, которые ныне следует признать дискуссионными, книга в целом и по сей день не теряет своей историографической значимости.

- **К столетнему юбилею восстания** Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС издал сборник «**К. Маркс и Ф. Энгельс о национально-освободительном восстании 1857–1859 гг. в Индии**», а Институт востоковедения АН СССР подготовил сборник статей «**Народное восстание в Индии. 1857–1859 гг.**», в котором наряду с советскими индологами приняли участие индийские учёные (К.М. Ашраф, С.Н. Сен, Р.С. Мазумдар, Б. Бхаттачария) и английский исследователь Д. Брайн.
- **В 1957 г.** вышла также книга **А.М. Осипова «Великое восстание в Индии. 1857–1859»**, а в **1967 г.** книга **П.М. Шаститко «Нана Сахиб (рассказ о народном восстании 1857–1859 гг. в Индии)»**.
- **Изначально** наши ученые 30-х гг. восстание 1857–1859 гг. считали *сипайским*, но в дальнейшем большинство из них отказалось от такого определения.
- **Однако в 1983 г.** к нему вернулся **Р.А. Ульяновский**. В одной из своих статей он писал о «*великом восстании сипаев*».

Характерно, что фактический материал работ многих авторов и логика рассмотрения событий 1857–1859 гг. свидетельствуют о том, что фактически они не сводили восстание к простому военному мятежу.

- **В названии сборника работ Маркса и Энгельса**, изданного Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, и введении к нему употребляется определение *«национально-освободительное восстание»*.

- **Большинство же исследователей** предпочитают писать *«народное восстание»*.

Ниже будет показано, что определение Маркса и Энгельса восстания как национального возникло в связи с участием в нем *различных социальных групп* индийского общества. Но тогда встаёт вопрос, не правильнее ли употреблять определение *«народное восстание»*, как это сделали авторы сборника Института востоковедения АН СССР?

В этом вопросе, видимо, можно согласиться с **В.И. Лениным**, который утверждал, что *«народ, борющийся с самодержавием, состоит из буржуазии и пролетариата»*. Таким образом, в **понятие народ** Ленин включил *оба антагонистических класса*, но борющихся против общего врага, т.е. **население** страны *социальной дифференциации*. Методологически ленинская позиция, вероятно, может быть применена и к оценке борьбы индийцев против английского господства. Что же касается сипаев, их следует признать *ударной силой восстания*. Тогда *восстание правильнее будет характеризовать как народное*.

Все это заставляет задуматься над вопросом о соотношении и месте различных социальных групп в восстании. Проблема заключается главным образом в оценке роли правителей отдельных областей Индии.

Складывается впечатление, что отдельные исследователи *предъявляют к ним требования, которые превышают их реальные исторические возможности*. Отсюда возникает и определённая *неточность* в оценке стратегии и тактики восставших, а, в конечном счете, и восстания в целом. *Чрезмерно критическая оценка*

роли местных князей в восстании вызвана недооценкой их *противоречий* с Ост-Индийской компанией, которые возникли по *жизненно важному вопросу о землевладении*. Ущемление прав местных правителей (лишение их власти, аннексия земли) *вполне логично привело к инсургенции*. Вряд ли можно требовать от них *больше того, что они сделали для развития восстания*.

Вызывает вопрос и цели крестьян в восстании.

• **Некоторые исследователи считают**, что *в восстании крестьяне или дальше антиколониальных целей и выдвигали антифеодальные лозунги*.

✓ **Суждения об антифеодальных тенденциях** в восстании основываются на *имевших место действиях* крестьян против *некоторых* местных правителей и, таким образом, **делается вывод** о том, что в ряде мест восстание *вырастало до антифеодального*.

✓ **Однако** обращает на себя внимание, что *крестьяне выступали не против всех князей, а против тех, которые поддерживали англичан или были близко с ними связаны*.

Таким образом, подобного рода действия *правильнее рассматривать как антианглийские, но направленные не непосредственно против колонизаторов, а против их приспешников*.

Интересен в этом отношении **призыв бхаратпурских сипаев** объединиться всем индусам и мусульманам в антианглийской борьбе: *в один ряд с требованием «убивать англичан» они ставили необходимость убивать «и тех туземцев, которые служат англичанам», пока они не присоединятся к восстанию*.

Говорить об антифеодальной борьбе в полном смысле этого слова можно в том случае, когда обнаруживаем хотя бы слабую тенденцию к слому старых общественных порядков и выработке новых, а это задача буржуазной революции.

Большинство исследователей восстания размышляли над вопросом, было ли оно заранее организовано? Ответ давался в целом отрицательный и одним из доводов выдвигалось отсутствие единого центра восстания.

Но вот в диссертации Ю.В. Петченко отмечается: *«Единого организационного центра восстания, очевидно, не существовало. Его и не могло быть вследствие тогдашней раздробленности Индии. Это, однако, не исключает того факта, что в сипайской армии и среди гражданского населения различных районов страны действовали комитеты по подготовке восстания».*

Предположение Петченко имеет под собой документальную основу.

К примеру, в донесении одного из чиновников магистрата Гургаон за февраль 1857 г. сообщалось, что *«несколько деревень дистрикта получили сигнал, значение которого до сих пор не выяснено... В настоящее время лепешки были доставлены и розданы в деревнях вокруг Гургаона и создается мнение, что это чей-то приказ».*

Исходя из особенностей общественной и государственной жизни Индии, правомерно **поставить вопрос**, была ли необходимость и возможность в едином центре восстания и если да, то **какие задачи он должен был выполнять?**

- Может быть, те комитеты, о которых писал Ю.В. Петченко, играли главную роль в решении организационных вопросов, хотя бы в период подготовки и начала восстания? В книгах А.М. Осипова и П.М. Шаститко убедительно показана организационная работа, которая тайно велась и среди сипаев, и среди гражданского населения.

✓ Так, П.М. Шаститко сообщает о совещании бархампурских сипаев 5 февраля 1857 г., где обсуждался план восстания и похода на Калькутту.

✓ **Л.Р. Полонская** в своих работах показала, что накануне восстания велась его активная идеологическая подготовка.

✓ **Документы**, которыми располагают исследователи, не содержат прямого свидетельства **о едином центре** подготовки восстания. Однако распространение *ритуальных лепёшек* среди крестьян и *священного цветка лотоса* среди сипаев должно было иметь свои истоки. **Сопоставление** содержания прокламаций, обращений и речей проповедников позволяет видеть *их идейное родство, схожесть призывов*.

Обращают на себя внимание и свидетельства самих англичан: *обстановка*, складывавшаяся в Индии **весной 1857 г.** *все больше волновала их*. Они чувствовали, что *попытки отдельных мятежей* – предвестники катаклизма и в их, внешне спокойных, гарнизонах.

Один из английских офицеров, **полковник Джейкоб**, передал эту тревогу следующим образом: *«... Трудно передать, насколько продуманным был покров тайны, которым окутали весь заговор, распространение плана, тщательность, с которой каждая группа заговорщиков работала в отрыве от других, скрывая своих контактеров»*.

С победой восстания в Дели древняя столица Великих Моголов стала таким центром. **Превращение Дели в центр восстания** – явление вполне закономерное: там была восстановлена власть Бахадур Шаха II, символизировавшая доколониальное прошлое Индии.

Вместе с тем, сосредоточение всех сил повстанцев в Дели было, видимо, *необязательно*. В условиях раздробленности страны Дели выполнял главным образом функцию символа *антианглийской борьбы, знамени повстанцев во всей Индии*.

Прав Ю.В. Петченко, считавший, что:

«одной из основных задач восставших было распространение влияния Дели на другие районы страны. В различные места рассылались многочисленные прокламации с призывом присоединиться к восстанию. Об их популярности свидетельствовал тот

факт, что они переписывались от руки и доходили до самых отдалённых уголков Индии».

Одна из таких прокламаций была написана председателем Совета повстанцев Дели **Бахт-ханом**. В ней говорилось *о провозглашении императора и следовал призыв организовать повсеместно антианглийскую борьбу, а войска призывались присягать императору. Заканчивалась прокламация словами:*

«Рассылка в копиях этой прокламации во все места и так далеко, как возможно, столько же важна, сколько работа мечом. Прокламацию эту выставлять так, чтобы индусы и магометане могли читать её и были бы готовы».

Своеобразие развития событий в Индии заключалось в том, что большинство повстанцев вели борьбу *в своих районах*. С достижением победы они *восстанавливали власть местных правителей*, которые заявляли о *признании верховных прав Великого Могола*. В этом отчётливо проявилась *особенность* духовного и организационного единства восстания.

- **Ярким примером** тому может служить *признание Бахадур Ханом из Рохилкханда своей вассальной зависимости от Дели*.
- **Нана Сахиб** объявил себя *наместником Великого Могола в Канпуре*.
- **Действия же тех отрядов повстанцев, которые отправлялись в Дели**, свидетельствуют также о *тяге повстанцев, как они говорили, к «единству ради свободы»*. На призыв делейцев к единству откликнулись восставшие **Рохилкханда**, откуда в Дели было *отправлено около 5 тыс. сипаев* во главе с **Бахт-ханом**. *Полки сипаев прибыли в Дели из Раджастхана, Нимчана и других мест*.

В июле 1857 г. там сосредоточилось примерно **40 тыс.** повстанцев, в то время как в начале восстания их было **не более 4 тыс.**

Таким образом, можно говорить о наличии двух стратегических направлений борьбы, которые были подчинены единой цели:

сосредоточение сил в Дели и организация борьбы в отдельных княжествах. После падения Дели значительные силы повстанцев объединились вокруг Нана Сахиба или правителей, близко с ним связанных.

Цели восставших сводились к изгнанию англичан и восстановлению местного правления. В аннексированных Ост-Индской компанией княжествах восстанавливалась власть бывших правителей, в государственных рамках прежняя власть была восстановлена сипаями и повстанцами Дели, которые вернули на трон Великого Могола – Бахадур Шаха II.

Можно ли считать, что изгнание колонизаторов было в интересах только феодалов, или только крестьян, или только сипаев, или какой-либо другой социально-классовой группы?

Нет. И объективно, и субъективно к этому стремилось все население Индии.

«Да будет известно всем мусульманам и индусам, – говорилось в одной из делийских прокламаций, – обитателям Индии, – что управление своей страной есть одно из величайших благ, посланных небом. Не тиранам и угнетателям англичанам управлять нами... Объединимся же для совместной защиты жизни, имущества, религии и прогоним англичан. Пусть все индусы и мусульмане окажут посильную помощь... Мы боремся не за интересы земной корысти, но за нашу веру. Великий и малый – все равны в священной войне».

Цели восстания видны из прокламаций, воззваний и обращений повстанцев. В них англичане обвинялись в том, что постоянно увеличивают налоги, лишают средств существования жителей Индии, посягают на их религию, отнимают у землевладельцев землю.

- **Характер многочисленных призывов к борьбе нашёл отражение в прокламациях руководителей восстания в Дели:**

«Хорошо известно, что в эти дни все англичане питают следующие дьявольские намерения: первое – уничтожить религию всей хиндустанской армии, и второе – заставить людей принудительно принять христианство. Поэтому мы, единственно на основе нашей религии, присоединились к народу и не пощадим ни одного неверного и на этих условиях восстановим делийскую династию».

Поэтому «пусть все, кому бог даровал решимость и волю, отрекутся от собственности и от самой жизни и присоединятся к нам в деле нашей старой веры. Если люди пожертвуют своими личными интересами во имя общественного блага, англичане будут стёрты с лица нашей земли», – писали делейцы.

- **Бхаратпурские сипаи призывали «собирать людей и убивать англичан».**
- **Те же мысли содержатся в прокламации Нана Сахиба из Канпура:**

«Жить при кафирах (европейцах. – В.О.) и подчиняться им – в высшей степени позорно. Итак, по прочтении этой прокламации немедленно храбро беритесь за мечи и без жалости уничтожайте кафиров. Это будет ваша заслуга, и так вы докажете ваше мужество и отвагу.

Герои! Настало время отомстить за позор и беды, причинённые неверными англичанами вашим предкам и монархам. Если упустите эту возможность, не ропщите, когда вас назовут изнеженными глупцами, как европейцы обычно называют людей юга».

Особенно ярко из документов видно негодование народа по поводу вмешательства англичан в религиозные дела.

- Это обстоятельство послужило важной **предпосылкой** объединения индусов и мусульман. Повстанцы, объясняя цели своей борьбы, подчёркивали, что они ведут справедливую борьбу в защиту своей веры: *«Необходимо, чтобы все индусы и мусульмане были в борьбе единоклюны».*

Очевидно, что сохранение прежней веры ассоциировалось в сознании жителей Индии с восстановлением традиционного уклада их жизни, нарушенного колонизаторами.

Попутно заметим, что, исходя из этого, **надо признать ошибочным мнение** тех исследователей, которые считают, что перед восстанием объективно стояла задача вывести Индию на путь самостоятельного капиталистического развития. В Индии в то время не было условий для перехода к капитализму.

- **Тот же настрой виден и в народных массах; в своих песнях они призывали:** *«Мусульмане, сикхи и индусы, Под знаменем свободы – все вперед».*

Можно согласиться с известным индийским учёным Р.С. Джоши, считавшим, что религиозный фактор был частью национального фактора в восстании.

Из ряда прокламаций видно, что **их содержание зависело, порой, от их авторства.**

- Так, в прокламации, обнародованной в сентябре 1857 г., авторство которой приписывают принцу Мирзе Моголу, говорится о разорении и унижении заминдаров, поэтому они призывались к борьбе:

«Если заминдары, чьи владения были несправедливо отняты английским правительством, примут личное участие в войне, им будут возвращены их заминдарства и, кроме того, они будут освобождены от уплаты одной четверти налога».

- **Купцам** за участие в восстании обещалось всяческое содействие в торговле вплоть до оказания финансовой помощи.
- **Обещалось** также восстановление прав служащих военным.
- **Говорилось** о прекращении разорения ремесленников.

«При императорской власти, – гласит документ, – туземные ремесленники будут заняты исключительно на службе правителей, раджей и богачей, и это, несомненно, обеспечит им достаток».

- **Примкнуть к восстанию** призывались **пандиты и факиры**, за что им были *обещаны* земля и освобождение от налогов.

Документ показывает, что организаторы восстания хотели бы *вернуться к доколониальным порядкам*.

Единственные, кому ничего не обещалось, – это *крестьяне*.

В том случае, когда инициатива восстания находилась не в руках князей, а у сипаев, *отношение к крестьянам было иным*. Об этом свидетельствует **прокламация бхаратпурских сипаев**. В ней *запрещалось трогать райятов и объявлялось о снижении налога, тех же, «кто нанесёт ущерб райятам, необходимо выявлять»*, – **призывали сипаи**.

Ближайшими причинами восстания помимо аннексионистской политики англичан были притеснения крестьян и сипаев. Сипаи стали боевым авангардом восстания в Бенгальской армии, т.к. они были лишены многих прежних привилегий.

✓ Раньше служба в армии становилась для крестьянина **существенной поддержкой хозяйства его семьи**. На жалование, которое получали сипаи, они жили сами и оставались деньги для семьи, в годы войны их жалование увеличивалось в три раза, их семьям снижались налоги, в судебном разбирательстве сипаи имели преимущества.

✓ **Ради сохранения всего этого** они были готовы на многое. Вступая в армию они клялись, *«...что никогда не оставлю пост; пойду, куда меня направят, – на территорию Ост-Индийской компании или за её пределы; я буду подчиняться приказам офицеров; я сделаю все, чтобы стать добрым солдатом и верным слугой Компании; если я чем-либо нарушу свой долг, то подчинюсь наказанию, определённому в боевом уставе, с которым я ознакомился»*.

- Присяга присягой, но теперь, когда их *стали посылать* воевать в другие страны (Афганистан, Иран, Китай), что раньше не практиковалось, они были крайне этим недовольны.

✓ **Важнейшее значение** имело *сокращение им жалования и пенсий*.

✓ Сипаев **лишили привилегий** при решении судебных дел.

✓ **Недовольство** сипаев *подогревалось слухами о том, что англичане собираются обратить индусов и мусульман в христианство*. Подтверждение тому сипаи усматривали во *введении в армии патронов, обмазанных говяжьим жиром и свиным салом* (говядину не едят индусы, а свинину мусульмане); прикосновение к этим патронам оскверняло религиозные чувства индусов и мусульман.

Дизраэле пространно, но содержательно описал причины возникновения конфликта в бенгальской армии на территории **княжества Ауда**.

«Как только трон Ауда был объявлен свободным и английские войска вступили на эту территорию, мусульманские князья поняли, какое будущее их ожидает... Все индийские князья – люди различных рас и различных религий, люди, между которыми существует длительная, передаваемая из поколения в поколение вражда и сохранившиеся издавна предубеждения. Несмотря на все, что создало разобщение между ними, все: индусы, маратхи и мусульмане – объединились, втайне сочувствуя общему делу. Князья и землевладельцы в глубине души настроены против нас. По всей стране активно действуют люди, готовящие бунт, – крестьяне, уважающие свою религию. Какое кому дело до того, каковы были наши намерения; вопрос состоит в том, какие выводы из этого сделали они. Но аннексия Ауда принесла с собой не только это.

Хотя мы отвратили от себя сердца князей и землевладельцев, хотя мы уничтожили прежнюю привязанность и почтение крестьянства, в Индии был класс, который, если бы мы позволили ему остаться верным, мог сделать возможной даже победу новой си-

стемы. Оказалось, что огромную часть бенгальской армии составляют подчинённые короля Ауда... В этой армии не менее 70 тыс. человек из Ауда. Во многих случаях это были землевладельцы, а ещё в большем числе случаев – сыновья землевладельцев. Они поступили на службу к британскому правительству. Они с нетерпением ждали окончания службы, чтобы вернуться в родную деревню с пенсией и теми большими привилегиями, которые хотя и не были узаконены, имели от этого не меньшую силу. Если подданный Ауда, солдат компании, был обижен, если он жаловался на решение властей, он имел право апеллировать к британскому резиденту. Это был привилегированный класс в Ауде... Каково же положение аудского сипая? Он видит, что нет больше деревни, куда бы он мог вернуться и жить как привилегированный подданный местного государя. Если его обидели, и он будет вынужден обратиться к компании, с ним будут обращаться так же, как со всеми другими подданными компании на широких равнинах Бенгалии. Он возвращается в своё имение или к главе семьи, своему брату или отцу, который этим имением владеет. Это имение может быть очень маленьким, но оно так же дорого ему, как йомену из Кента – его надел. Они обрабатывали этот надел и натурой платили местному государю налоги, которые от них требовали. Аудский сипай возвращается в деревню и видит, что она принадлежит компании и строгая система налогов, которая существует в Индии, относится и к его маленькому владению. Аудский сипай оказывается в подчинении новой тяжёлой системы обложения. Он видит, что потерял политические привилегии и положение землевладельца, которое он занимал.

И огромное большинство бенгальской армии впервые выказало своё недовольство. Какое же действие оказывало это на дальнейший ход событий? Князьям, землевладельцам и духовенству, давно уже неблагоприятным и проявляющим недовольство, представился теперь удобный случай. Между тем тот единственный класс, который бы мог удержать их в повиновении, находится в состоянии возмущения...

Я хочу показать, что были очевидные признаки заговора. Были также признаки заговора и среди военных, которые, должно быть, известны индийскому правительству...

Дело в том, что как я показал, народ Индии ждал только случая и предлога. Такой случай представился, такой предлог был найден... Ваши патроны были смазаны таким способом, который оскорблял их религиозные чувства... нарушали основные заповеди касты и оказывались вне её...

Я не думаю, чтобы после настоящего обсуждения кто-нибудь счёл возможным утверждать, что причиной мятежа была истинная или притворная уверенность сипаев в том, что патроны смазывались свиным или коровьим жиром. Я надеюсь, что по крайней мере молодое поколение парламентариев... не примет слишком поспешно таких поверхностных суждений. Восстание поддерживаемое большими массами населения – это восстание национальное...».

Очевидно, что в сложившихся условиях для сипаев терялся смысл дальнейшей службы, интерес, ради которого они бросили сельское хозяйство и нанялись в армию.

Если раньше, **по словам Маркса**, «сипайская армия служила отдушиной, поглощавшей беспокойные элементы страны», то теперь она сама стала источником смуты. **Возможности возврата назад, в деревню, для сипаев практически не было:**

во-первых, Индия переживала *относительное аграрное перенаселение*;

во-вторых, положение, в котором находилось индийское крестьянство, *не сулило сипаям сытой и безмятежной жизни.*

Безнадёжное положение крестьянства видно из так называемых «Синих книг», составленных парламентской комиссией Англии, о пытках в Индии, применявшихся английскими налоговыми чиновниками в отношении крестьян.

Масштабы пыток оказались настолько широки, что даже генерал-губернатор Дальхузи вынужден был признать в 1855 г., что *«он давно уже перестал сомневаться в том, что пытка в той или иной форме применяется низшими чиновниками во всех британских провинциях»*. Как видим, всю вину Дальхузи пытался переложить на низшие чины администрации.

Маркс проанализировал материалы «Синих книг» в статье «Расследование о пытках в Индии» и разоблачил подобные утверждения, документально показал, что *«члены комиссии не пытались доискаться до источника зла; если бы они это сделали, то нашли бы, что зло заключается в самой системе сбора налогов»*.

• **Индийские крестьяне** не имели возможности искать защиты от несправедливости, которой подвергались. **Правосудие**, установленное английскими властями, было построено таким образом, что, как отмечала комиссия по расследованию, *«ни один бедный райят не может бороться против какого бы то ни было богатого налогового чиновника»*. Полицейский и налоговый чиновник в Индии были представлены в одном лице, что позволяло ему беспрепятственно взимать с крестьян дополнительный налог в свою пользу.

• *Что же касается насилия при сборе налогов, то закон не предусматривал никаких наказаний за подобные действия.*

• Жалобы крестьян позволяют **наглядно увидеть** *«незаконный образ действия, доходивший до последней степени вымогательства и насилия»*. В одной из наиболее характерных жалоб **сообщалось**:

«В прошлом году мы не могли внести обычную плату, так как у нас был плохой урожай писанума (основной урожай риса, или рис на корню) вследствие недостатка дождей. Когда была сделана джамабанди (раскладка налога. – В.О.), мы попросили снизить налог ввиду наших потерь, согласно условиям соглашения, заключённого нами в 1837 г. ... Так как снижение не было предоставлено, мы отказались принять наши патта (окладные листы. – В.О.). Тогда тахсилдар с большой жестокостью стал заставлять нас платить; продолжалось это с июня до августа. Меня и

ещё других отдали в распоряжение людей, которые выставляли нас на солнце. Там нас заставляли нагибаться, на спину нам клали камни и держали нас в раскалённом песке. Лишь после восьми часов нас отпускали на наши рисовые поля. Такое жестокое обращение продолжалось три месяца, в течение которых мы иногда ходили подавать свои прошения коллектору, но он отказывался их принимать. Мы собрали эти прошения и обратились с ними в выездную сессию суда, которая передала их коллектору. Так мы и не добились правосудия. В сентябре нам вручили официальное предупреждение, а двадцать пять дней спустя наше имущество было описано и затем продано. Помимо фактов, на которые я сослался, дурному обращению были подвергнуты также и наши женщины; им накладывали на грудь тиски».

- **Жалобщики нередко сравнивали своё настоящее положение с доколониальным** и сетовали на значительное ухудшение их жизни.

«Мы уплачивали, – писали жители одной из областей, – установленный для нас лёгкий налог и потому наслаждались спокойствием и счастьем. Чиновники сиркара (правительства. – В.О.) накладывали на нас тогда добавочный налог, но мы никогда не платили его. При сборе налога нас не подвергали лишениям, притеснениям или плохому обращению. Но, после того как эта страна была передана почтенной Компании, последняя стала придумывать всевозможные способы, чтобы выжать из нас деньги... Нынешние коллекторы и подчинённые им должностные лица, желая любым способом получить повышение по службе, пренебрегают заботой о благосостоянии народа и вообще его интересами, остаются глухи к нашим жалобам и подвергают нас всяческого рода притеснениям».

- **Недовольство крестьян** вызывало и требование *содержать войска*, останавливавшиеся в их селениях.

Можно согласиться с Марксом, который считал, что эти и другие факты позволяли считать, что **прав народ**, *«пытающийся изгнать чужеземных завоевателей, которые позволяют себе такие злоупотребления по отношению к своим подданным».*

При изучении положения в Индии в первой половине XIX в. важно учитывать то обстоятельство, что индийское крестьянство было *неоднородно*, и недовольство высказывали не только его низшие слои. Английская политика привела к изменению **положения высшей** – *паттидарской* – прослойки общинников. На это обстоятельство обратил, в свое время, внимание **А.М. Осипов**:

«Паттидарская форма общины, – писал он, – была господствовавшей в Северо-Западных провинциях доколониальной Индии. Высшая прослойка составляла свой клан или касту. В большинстве случаев это были раджпутские и джатские кланы или брахманские касты, в Рохилханде – патаны-рохиллы и др. Они имели собственную наследственную долю пахотной земли, обладали верховным правом на владение землёй общинников низших разрядов, могли продать, а затем вновь выкупить свою землю и т.д. В руках раджпутсов сосредоточивалась большая часть земли.

С установлением английского господства **паттидарам перестали делать уступки при сборе налогов**, а затем они, как и все остальные общинники, *были принуждены нести личную ответственность за уплату налогов перед налоговыми чиновниками. Индивидуальная раскладка налога колонизаторами кардинально изменила положение ранее привилегированных паттидаров.*

«Последствия подобной политики, – заключил А.М. Осипов, – не замедлили сказаться. Задавленные тяжестью налога и лишённые прежней опоры, паттидары начали терять свою землю».

Иными словами, раджпуты и другие паттидары были лишены своих привилегий, которые им давала *древняя традиция*. Поэтому *«их лозунгом стало восстановление старых порядков».*

Столь же конкретны были и причины участия князей и крупных землевладельцев в восстании. Восстали те из них,

чьи экономические интересы были затронуты. Своё объяснение причин их недовольства дал Маркс, впрочем, его позиция в этом вопросе фактически повторяла выводы Дизраэли.

«За последние годы, – писал он, – в управлении Индией был принят новый принцип – принцип разрушения национальности. Этот принцип осуществлялся посредством насильственного уничтожения власти туземных князей, нарушения установленных отношений собственности и вмешательства в религиозные дела народа».

Маркса заинтересовал вопрос о том, можно ли считать заминдаров, талукдаров, сердаров собственниками земли или они были лишь сборщиками налогов?

Англичане же пытались представить дело таким образом, что «сборщики налогов» узурпировали право собственности на землю, чем нанесли урон государству и земледельцам.

Такой поворот в политике английских властей был вызван, как уже отмечалось, финансовыми трудностями Ост-Индской компании, которые начиная с **1848 г.** стали весьма ощутимыми.

В первой половине XIX в. в Индии насчитывалось *несколько сотен так называемых туземных княжеств.* Они занимали почти половину территории Индии и имели население, составлявшее примерно треть населения страны. **По подсчётам Э.Н. Комарова,** *«налоговые поступления в княжествах к середине XIX в. ... были лишь на одну пятую меньше той суммы, которую колонизаторы получали от земельного налога в непосредственных владениях Компании».* **Вполне понятно,** что английские власти стремились *увеличить* свои доходы путём аннексии княжеств.

- **За период с 1848 по 1854 гг.,** по данным Маркса, английские владения в Индии *расширились* за счёт присоединения *более 12 независимых княжеств,* в том числе Сатары (1849 г.), Нагпура (1853 г.), Джханси (1853 г.), Ауда (1856 г.).
- **Мало того,** их бывшие владельцы были *лишены пенсий.*

- **Из-за Ауда** – одного из крупнейших княжеств Хиндустана, англичане *вступили в конфликт* уже не только с индусами, но и с мусульманами.

Позже мы увидим, что именно владельцы *аннексированных княжеств* присоединились к восстанию, *сохранившие же независимость* остались «*верными псами англичан*».

Произвол англичан в Индии *достиг таких пределов*, что, как известно, заставил даже **Дизраэли в июле 1857 г.** призвать правительство англичан *отказаться от его нынешней агрессивной политики и обратить внимание на улучшение внутреннего положения Индии*». **Но правительство** поступило иначе. Оно ограничилось **отставкой Дальхузи**.

Его преемник **Чарлз Джон Канинг** (1856–1862 гг.) – сын крупного политического деятеля Англии и бывшего премьер-министра английского правительства, с чьим именем связано упоминание в своё время *позиций торговой буржуазии Дж. Каннинга*.

По меткому замечанию П.М. Шаститко, «*Совет директоров Ост-Индской компании, которому подчинялся генерал-губернатор Индии, хотел громким именем Каннинга прикрыться от настойчиво звучавших требований промышленников ликвидировать привилегии английской торговой буржуазии в эксплуатации крупнейшей и богатейшей колонии Англии*».

Т.е. **Совет стремился** совершить *поворот* от политики промышленного капитала (Дальхузи) назад ко времени господства торговой буржуазии.

В «Хронологических выписках по истории Индии» Маркс применял выражения «сипайская революция» и «сипайское восстание». В других работах Маркса и Энгельса также можно встретить подобные определения. Однако это не даёт основания считать, что события 1857–1859 гг. сводились Марксом и Энгельсом только к восстанию в сипайской армии, тем более

не следует воспринимать буквально слова Маркса о сипайской революции.

В одной из своих статей он писал, что *«было бы курьёзным quid pro quo (недоразумением – В.О.) ожидать, что индийское восстание приобретёт характерные черты европейской революции».*

Сипаи отличались наибольшей организованностью и вследствие этого стали *ударной силой восстания*. Охватило же оно практически все слои населения Британской Индии: сипаев, крестьян, князей, горожан.

Анализ работ Маркса и Энгельса показывает, что восстание и действия сипаев они рассматривали, как *составную часть всеобщего антианглийского восстания, понятие «сипайское восстание» они применяли лишь как символ, как лаконичное определение событий. Маркс со всей определённостью писал ещё в июле 1857 г.:*

«Со временем выплывут наружу ещё и другие факты, которые смогут убедить даже самого Джона Буля в том, что движение, которое он считает военным мятежом, на самом деле является национальным восстанием».

Сипаев никоим образом **нельзя отрывать** от борьбы прочих слоёв населения. Они самым тесным образом были связаны с широкими слоями народа, что и обеспечило размах восстания. **Сипаи происходили из крестьян**, поэтому *причины их недовольства заключались не только в ухудшении условий военной службы, на них оказывали воздействие и печальные вести, приходившие из деревень.*

Что касается событий в **Ауде, Сахаранпурской, Музафарнагарской** и других областях, то там *первым восстало гражданское население, а сипаи присоединились к нему.*

С учётом сказанного, представляется целесообразным ещё раз вернуться к **упоминавшейся выше работе А.М. Осипова**, в которой он проанализировал *положение паттидаров-раджпутов*. Поскольку *сипаи бенгальской армии принадлежали к тем же пат-*

тидарским кланам, что и крестьяне-раджпуты, то общность их интересов становится очевидной. На этом основании **А.М. Осипов** сделал вывод о том, что:

«английская налоговая политика в Хиндустане привела к разорению и обезземеливанию паттидарской общинной верхушки. Именно это и послужило важнейшей причиной восстания сипаев бенгальской армии, состоявшей почти целиком из представителей высших прослоек хиндустанских общинников, а также той широкой поддержки, которую это восстание встретило в хиндустанской деревне».

Это же обстоятельство послужило основой единства мелких и средних землевладельцев с раджпутами-общинниками.

Одна из причин, по которой восстание не распространилось на Пенджаб, заключалась в том, что английские власти с особой жестокостью расправились там с попыткой мятежа сипаев, они не стали ждать всеобщего выступления и начали первыми. **Очевидец событий писал:**

«Английские полки построились, орудия заряжены, сипаи привязаны к их жерлам, приговор прочтён, залп раздался. Сипаи встретили смерть с твёрдостью. Это была ужасная сцена. Окровавленные человеческие головы, руки и ноги летели во все стороны».

Наряду с этим английское командование *разоружило* сипайские полки и блокировало Пенджаб от Дели.

Однако главное заключалось не в этом. Исследуя данный вопрос, **Н.И. Семенова писала**, что

«Пенджаб ещё не был освоен капиталистической Англией как рынок сбыта и источник сельскохозяйственного сырья. Этот процесс только начинался, и его разрушительное воздействие на пенджабскую общину и городское ремесло не проявилось в полной мере».

В этом автор видела причину, почему в критической ситуации августа–сентября 1857 г. народные массы Пенджаба не поднялись на восстание и, оставшись без поддержки масс, попытки мятежей сипаев оказались обречёнными на поражение. Напрашивается вывод о том, что на ранних этапах восстания народные массы играли чаще всего роль резерва сипаев, но не пассивного, а активного резерва, помогавшего, насколько это было возможно, повстанцам.

- **В связи с этим Маркс сообщал:** *«После занятия сипаями Дели большинство англичан, бежавших из города, были убиты местными жителями».*
- **Энгельс, в свою очередь, отмечал, что в районах, охваченных восстанием, «безоружное население не оказывает англичанам никакой поддержки и не сообщает им необходимых сведений».**

Особенность участия индусов заключалась в традиционно-кастовой системе индийского общества, разрешавшей брать в руки оружие только представителям высших каст из *варн кшатриев* (воинов) и *брахманов* (жрецов). Таким образом, большинство населения фактически не могло непосредственно участвовать в восстании. **В частности, та же Бенгальская армия** сипаев набиралась британцами из каст *раджпутов, джатов и брахманов*. Вне кастовой системы целиком находились *сикхи* (которые, однако, восстание не поддерживали) и значительное количество *мусульман*.

Анализ конкретных событий восстания свидетельствует, что сипаям был присущ сильный элемент стихийности, во всяком случае на его начальной стадии, пока к восстанию не подключились князья.

Положение менялось только после *объединения усилий* сипаев и местных правителей. Деятельность последних и придавала *организованность действиям сипаев*. Видя, что их правители выступают против колонизаторов, *народ шёл под их знамёна*.

В событиях марта–апреля 1857 г. Маркс усматривал *антианглийский заговор*, в котором участвовали дельийские принцы, бывший король Ауда, а во главе стоял раджа Битхура **Нана Сахиб**, пешва маратхов, лишенный этого звания англичанами.

- При этом Маркс отмечал, что *Нана Сахиб использовал волнения среди сипаев*. Уже в мае 1857 г. «он командовал восставшими в Канпуре тремя сипайскими полками, и тремя полками туземной конницы», пытался установить контакты и с восставшими в Лакхнау. После его падения Нана Сахиб со своими сторонниками *продолжил борьбу в Барейли*.
- Королева Ауда Хаздат Махал (Мухаммади Ханум) предприняла действия, чтобы *собрать* новое войско, но её отряд был разбит.
- Примерно в то же время восставшие во главе с **Кунвар Сингхом** нанесли *сильный удар* английскому войску Лугарда, выступившему в поход из Лакхнау.
- На помощь вдове раджи княжества **Джханси Лакшми Бай из Калпи** двинул свой отряд *Тантия Топи*, но он и Лакшми Бай были разгромлены.
- После взятия англичанами **Джханси Тантия Топи и Лакшми Бай пытались организовать сопротивление в Калпи, но также безуспешно**, после чего они **продолжали борьбу в Гвалиоре (Гвалияре)**.

В статье «**Восстание в Индии**» (30 октября 1857 г.) Маркс привёл множество других примеров участия князей в борьбе.

- Он писал, в частности: «*На ассамской границе восстали два сильных полка пурбийцев (имеются в виду полки восточной Бенгалии. – В. О.), открыто намереваясь восстановить на престоле бывшего раджу Парандур Сингха*».

- Далее сообщается, что под давлением собственных войск раджа Ревы присоединился к повстанцам Кунвар Сингха.

- Наиболее важным сообщением на сентябрь 1857 г. Маркс считал переход джодхпурского отряда на службу к восставшему радже из Аваха, который успешно воевал против войск П. Лоренса.

Трудно отрицать руководящую роль князей в восстании. Однако думается, что хорошо организованного заговора князей все же не было, так как между ними существовали противоречия, хотя попытки договориться о совместных действиях предпринимались не раз. Одним из инициаторов заговора выступал **Нана Сахиб**.

- Убедительные тому свидетельства приведены в книге **П.М. Шаститко**. Автор выявил, в частности, то обстоятельство, что Нана Сахиб искусно обманывал англичан, демонстрируя своё миролюбие. Однако, когда ему было отказано в восстановлении прав пешвы, «в битхурском дворце появились посланцы феодалов – факиры и дервиши, с которыми Нана и его помощники вели таинственные беседы».

- ✓ **Нана Сахиб** рассылал по всей стране письма-призывы к борьбе. «Один из гонцов Нана Сахиба был схвачен в далёком Майсуре. На допросе он сказал, что Нана начал переписку с феодалами после аннексии Ауда».

- ✓ **В начале 1857 г.** он предпринял поездку по Северной Индии, а его посланец Аманулла-хан – в Европу. Анализ деятельности Нана Сахиба привёл **П.М. Шаститко к выводу** о том, что «международная и внутренняя обстановка благоприятствовали, казалось, успеху антианглийского освободительного движения в Индии. Нана Сахиб и немногие его единомышленники из бывших владетельных князей решили примкнуть к зреющему восстанию армии и народа и возглавить его для восстановления независимости Индии и своего бывшего господства».

✓ **С началом восстания** Нана Сахиб *стремился придать ему «организованный и координированный характер». Он поддерживал постоянные контакты с Тантия Топи, Лакшми Бай, Бала Рао, Хазрат Махалом, Фероз-шахом и др.*

✓ Все они составляли **костяк руководства восстанием.**

✓ **Местные правители, однако, не все поднялись на борьбу с колонизаторами.** Некоторые из них остались верны англичанам.

✓ **П.М. Шаститко** привел существенные факты совместных действий руководителей восстания: *в критический момент восстания – 17 ноября 1857 г. – «в Лакхнау прибыли Нана Сахиб и приехавший к нему из Калпи Бала Рао. Здесь уже были Бахт-хан, Фероз-шах и другие руководители восставших Дели». После разгрома восстания в Ауде Нана Сахиб, Бала Рао, Бахадур-хан, Фероз-шах, Хазрат Махал, Баба Бхат и другие встретились в Барейли, где обсуждали план дальнейших действий в Рохилкхаиде.*

- **О подобных контактах** в Рохилкханде после падения Калпи писал и **А.М. Осипов.**

Все это отдельные, но наиболее яркие примеры участия князей в восстании, их руководящей роли в борьбе. Наиболее активные из них погибли в боях с англичанами.

- **В апреле 1858 г.** погиб **Маулеви** файзабадский, **13 мая – Бахт-хан; в июне – Лакшми Бай.**

- 5 июня героически погиб **Маулеви Ахмад Шах.** Вот как описал его смерть **П.М. Шастико.**

«Маулави Ахмад Шах в сопровождении небольшого отряда выехал в Ауд, где попытался найти убежище у раджи Павана. Но раджа в свое время поддерживавший восставших, решил спасти свою жизнь предательством. 5 июня, когда Ахмад Шах прибыл к радже и слон маулави вошел в небольшой замок предателя, тот приказал запереть ворота и схватить бунтовщика. Маулави Ахмад Шах понял, что попал в западню. Он направил своего слона на ворота: могучее животное взломало преграду и, переступая через

свалившиеся бревна, устремилось к выходу. Брат предателя схватил ружье, и пуля сразила одного из самых смелых и преданных восстанию вождей. Феодал приказал отрубить маулави голову и помчался в город Шахджаханпур, где бросил ее на стол перед английскими офицерами, получив в награду 50 тысяч рупий. На следующий день «цивилизованные» англичане выставили на шесте перед зданием полиции города голову маулави. В Лондоне писали: “Отныне наиболее опасный враг англичан в Северной Индии не существует”».

- Пожизненное заключение было суждено **Маму Хану**.
- **Королева Ауда** стала изгнанницей в Непале. **Бегум Хазрат Махал**, когда англичане объявили ей амнистию и обещали возвращение на престол Ауда, с презрением отказалась, предпочтя изгнание рабскому существованию на Родине.
- Последним пристанищем **Нана Сахиба** стали горы Непала после того, как его предал **Джанг Бахадур** (15 января 1859 г.). Он не пустил Н. Сахиба в Ауд и открыл княжество для прохода преследовавших его английских войск в Непал.

Нана Сахиб понял, что остался фактически один. Он распустил свой отряд и скрылся в горах Непала.

«Предательство феодалами дела народной борьбы стало массовым явлением – писал по этому поводу П.М. Шаститко. – Феодалы распустили свои отряды и шли с повинной головой в руки английского командования. Более того, некоторые из них оказывали содействие карательным отрядам колонизаторов в окончательном разгроме наиболее последовательных и упорных отрядов повстанцев».

В отличие от подобных вождей восстания Нана Сахиб до конца остался верен идеи борьбы против англичан. **20 апреля 1859 г.** перед тем, как покинуть пределы Индии **он написал обращение** к королеве Виктории, парламенту, Совету директоров Ост-Индской компании и генерал-губернатору Индии.

Это письмо вызывает *неоднозначное отношение к себе*. Его первая часть может быть воспринята, как *тайное желание получить*

помилование от англичан. Но, зная, что за его голову назначено 100 тыс. рупий, а предателю обещалось прощение всех преступлений, Н. Сахиб, видимо, понимал, что *прощения ему не будет*, а потому обещал англичанам бороться с ними до последних сил.

Начинается послание со слов *обиды и упрёка* англичан в том, что простив многих руководителей восстания, его, Нана Сахиба, незаслуженно объявили своим самым кровавым врагом.

«Вы простили преступления всех индусов и помиловали всех убийц, – писал Нана Сахиб. – ... Вызывает удивление, что я присоединившийся к восстанию в силу безвыходного положения, не был помилован. Я не совершал убийств... Когда восстал ваша армия и отправилась захватывать казначейство, мои солдаты присоединились к ней. Увидев это, я подумал, что, если я пойду в укрепление, мои солдаты убьют мою семью, а британцы накажут меня за восстание моих солдат... Мои подданные настаивали, и я был вынужден присоединиться к солдатам».

Он всячески пытался объяснить, что оказался *втянутым в восстание невольно*.

По поводу канпурской резни английских женщин и детей, которую в Европе связывали с его именем, Нана Сахиб однозначно заявил, что не имеет к ней никакого отношения. Мало того, он стремился спасти всех, кого мог.

«В Канпуре солдаты нарушили мой приказ и начали убивать английских женщин и подданных. Всех, кого я каким-то образом мог спасти, я спас, и когда они покинули укрепление, я достал лодки, в которых отправил их в Аллахабад. Однако ваши сипаи напали на них. Уговорами я удержал моих солдат и спас жизнь 200 английским женщинам и детям. Я слышал, что они были убиты вашими сипаями и бандитами (бадмашами) в то время, когда мои солдаты бежали из Канпура...»

Обращает на себя внимание стремление Нана Сахиба *отстраниться от сипаев и возложить на них всю вину, как на английских солдат*.

«Вы отлично знаете, что я не убийца, что за мной нет вины...»
– резюмировал **Нана Сахиб**.

После этого следует пламенная и гневная клятва бороться с англичанами и вера, что *«всех их перебьют»* в конечном итоге.

«У вас нет врагов, кроме меня, так что, пока я жив, я буду бороться... Вы простили всем их преступления... Вы привлекли на свою сторону всех, а я остался один, но вы убедитесь, на что способны солдаты, которых я сохранил в течение двух лет. Мы встретимся, и я пролью вашу кровь, и она потечет выше колен. Я готов умереть. Если я один достоин быть врагом такой могущественной нации, как британская, это для меня большая честь. Если исполнятся все желания моего сердца, то, когда ко мне постучится смерть, мне нечего бояться. Но те, кого вы привлекли на свою сторону, в один назначенный день обратятся против вас и перебьют вас».

Ситуацию проясняет переписка Н. Сахиба с **майором Ричардсоном**, через которого он надеялся передать свое послание адресатам.

- ✓ Ричардсон посчитал уместным дать Н. Сахибу совет самому явиться с повинной.
- ✓ На это Н. Сахиб с гордым отчаянием потребовал, чтобы ему была *гарантирована жизнь* личным посланником королевы Великобритании, иначе *«между мной и вами будет длиться война до тех пор, пока я жив, пока меня не убьют или не схватят и не повесят; чтобы ни произошло – я буду действовать только мечом».*
- Когда **20 апреля** Н. Сахиб писал послание англичанам, он не знал, что 18 апреля уже был казнен его друг и соратник **Тантия Топи**, арестованный благодаря предательству **Ман Сингха**. Он гордо принял смерть, бросив в лицо своим судьям и палачам:

«Я хорошо знаю, что, вступив на путь борьбы против англичан, я приговорил себя к смерти. Я не признаю вашего суда и незачем вести следствие... Моя единственная надежда, что жерло пушки или петля виселицы избавит меня от этих цепей!»

К концу восстания, писал **Маркс**, «сэр Колин Кемпбелл, сэр Хоуп Грант и генерал Уолпол были заняты охотой на виднейших руководителей повстанцев».

Чем это вызвано?

Не следует думать, что позиция князей определялась произвольно, что были среди них патриоты и были «плохие». **В основе их выбора лежали** коренные проблемы, связанные с политикой англичан: в *антианглийскую борьбу включились*, как уже говорилось, главным образом, *князя аннексированных княжеств*, т.е. те, кто утратил свои права и привилегии.

- **Известно** *лояльное отношение* к англичанам старого и безвольного **Бахадур Шаха**. Делийские же принцы *были настроены против* колонизаторов и активно с ними боролись. **Причиной тому было** заявление генерал-губернатора **Каннинга** о сохранении за Бахадур Шахом титула падишаха, *однако было сказано*, что этот титул будет упразднён после его смерти.

- Англичане **лишили** также наследственных прав и **королеву Ауда**.

- **Нана Сахиб**, приёмный сын *маратхского пешвы Баджн Рао*, лишился прав быть его преемником вследствие отмены англичанами традиционного права наследования приёмными детьми.

- **Лакшми Бай**, выросшая с Нана и Тантия при дворе Баджи Рао, *не получила наследственных прав после смерти мужа* – раджи Джханси.

Эти и другие правители и стали бороться за возвращение отнятого. Все они стали выдающимися руководителями восстания, о подвигах которых народ сложил песни. Вот фрагмент одной из них:

«Поднимается песня радости, песня свободы. Во всех уголках страны слышна эта песня. Здесь сражается Лакшми Бай и пешва Нана, Там Кунвар Сингх из Бихара».

О жизни Нана Сахиба и других руководителей восстания при дворе Баджи Рао II и их борьбе повествует уже цитированная книга П.М. Шаститко «Нана Сахиб (рассказ о народном восстании 1857–1859 гг.)» (1967).

Баджи Рао, читаем в книге, жил в пригородном дворце Битхпура на берегу Ганга и не помышлял о дальнейшей борьбе с Ост-Индийской компанией. Он получал приличную пенсию в 800 тыс. рупий и имел джагир в 45 деревень. Но его беспокоило будущее: кому передать наследство и титул после смерти?

В 1827 г. обедневший торговец, друг Баджи Рао, привёз к дворцу пешвы маратхов, не имевшего детей, своего трёхлетнего сына, Дхонду Панта, который был усыновлен пешвой под именем Нана Сахиб.

«Когда Нана подросток, пешва часто рассказывал ему о великой империи, созданной его предками, о кровавых сражениях, в которых мужало великое государство маратхов, и иногда давал подержать усыпанный драгоценными камнями старый меч пешв, с которым они ходили в бой...».

Юный Нана стал мечтать о подвигах и славе великих предков.

Вместе с Нана при дворе жили его братья **Бала Рао** и **Баба Бхат**, а также молчаливый, худощавый, но сильный юноша **Тантия**, который был примерно на десять лет старше Нана Сахиба. Он ловко владел оружием, и в награду Баджи Рао подарил ему красивую шапку (топи), после чего все стали звать его **Тантия Топи**.

Общей любимицей при дворе была дочь брахмана, **Манубай**. Она любила наблюдать, *«как лихо скачут на скакунах Нана Сахиб, Бала Рао, Баба Бхат и Тантия Топи, как умело они фехтуют блестящими саблями, как метко стреляют из пистолетов. Самым большим удовольствием для нее было прокатиться вместе с Нана верхом на его лошади. Ее отец и старый пешва часто удивлялись, видя, как девочка вместо кукол играет щитом и деревянным мечом. Когда Манубай подросла, она включилась в военные забавы*

своих друзей. Она смело скакала на коне, умело владела саблей и метко стреляла».

В 14 лет Манубай выдали замуж с именем Лакшми Бай за раджу маратхского княжества Джханси.

Баджи Рао умер 28 января 1851 г. в возрасте 76 лет. По свидетельству источников

«исключительное право на трон пешвы, всю власть, фамильные владения пешвы, сокровища, все недвижимое имущество и личную собственность» он передал Нана Сахибу».

Под недвижимостью понимались два великолепных дворца на Ганге, один в Битхипуре, другой – в Канпуре. Но генерал-губернатор Дальхузи не признал наследственных прав Нана Сахиба на трон пешвы, а вместе с этим он был лишен ежегодного пенсионера в 80 тыс. фунтов. Нана писал в Калькутту, но ответ был тот же. Тогда он отправил в Лондон свое доверенное лицо Азимулла-хана, который был

«сыном бедного мусульманина. Азимулла-хан в детстве поступил слугой в богатую семью. Гостиами его хозяина часто были европейцы, и любознательный, способный мальчик быстро усвоил английский и французские языки... Азимулла решил попытать счастья, и ему повезло – он был зачислен в школу учителем. В Канпуре молодой учитель был представлен претенденту на наследство пешвы. Широкая эрудиция Азимуллы-хана произвела благоприятное впечатление на Нана Сахиба. Он предложил ему место в своем дворце, и скоро бывший учитель стал правой рукой Нана».

В Англии Азимулла-хан «быстро снискал расположение высших кругов Лондона... Везде ему сопутствовал успех. Везде, но когда дело доходило до денег и прав пешвы на пенсию, тон его собеседников сразу менялся, Азимулла-хан наталкивался на холодное равнодушие и скрытую враждебность... В ответе Совета директоров, который вез из Лондона Азимулла-хан, говорилось: «Мы

полностью одобряем решение генерал-губернатора, отклонившего претензии приёмного сына Баджи Рао на пенсию».

В то время, пока Азимулла-хан совершал свой зарубежный вояж, Нана Сахиб вел светский образ жизни, принимал англичан, бывал и у них на приёмах. Когда командующему канпурским гарнизоном, генералу **Уиллеру** сообщили, что Нана – тайный враг англичан, он не поверил и сказал, «*что Нана Сахиб, если недружелюбен, то уж, во всяком случае, лоялен в отношении английских властей. Обвинение в участии в антианглийском заговоре, выдвинутое против любезного хозяина битхурского дворца, показалось ему нелепым. Однако уверенность английских чиновников и политиков в лояльности Нана Сахибо была необоснованной. Англичане не подозревали, что за приветливостью Нана кроется хорошо скрытая ненависть к колонизаторам, стремление вернуть утраченную Баджи Рао власть и возродить былое величие маратхской державы*» (П.М. Шаститко).

Конечно, англичане вели себя не прозорливо, они должны были понимать, что задели честь Нана Сахиба самым существенным и непростительным образом. Их презрительная безнаказанность дошла до того, что они вывезли с территории дворца старинные (уже негодные) пушки – *гордость маратхов за их былые победы*.

Народная молва гласит, что пьяные английские офицеры во время богомолья изнасиловали двух замужних сестёр Нана Сахиба, которые не пережив позора просили его убить их, что он и сделал. При этом Н. Сахиб поклялся на их крови отомстить женам и дочерям англичан.

Он начал поиск союзников, послал несколько секретных писем князьям и знатным людям Индии, вступил в тайные переговоры с факирами и дервишами. Обратился также к раи княжества Джханси Лакшми Бай.

В ноябре 1853 г. скончался ее муж, завещавший свое имущество и права приемному наследнику, а правление – Лакшми Бай. Однако, «*на другой день после смерти раджи английский комиссар бесцеремонно опечатал все сокровища и деньги раджи*».

Лакшми Бай от своего имени и от имени сына написала в Калькутту протест. Оскорбительно долго не отвечал ей генерал-губернатор. А когда ответ пришел, он был таким же, как и всегда в подобных случаях: «... Мы имеем право по своему усмотрению признавать или не признавать усыновленного наследника... Поэтому княжество Джханси присоединяется к английским владениям».

На это **Лакшми Бай** заявила: *«Я свое Джханси не отдам! Пусть попробует отнять, кто посмеет».*

После анексии Ауда многие князья высказались за то, чтобы помочь Нана Сахибу в его предстоящей борьбе против англичан.

Вассалы Ост-Индской компании не имели особых оснований питать ненависть к англичанам. Позиция формально независимых князей в значительной мере определяла и развитие событий в их владениях.

Примером тому может служить Пенджаб, махараджа которого в знак верности англичанам *принял христианство. Не поддержали восставших и правители Индура и Гвалиора.*

Характерно в связи с этим признание генерал-губернатора Каннинга: *«Туземные государства оказались нашим защитным валом против сил разрушения».* Вот как он описал причины, по которым князь Гвалиора Синдхия не примкнул к восстанию:

«Как только я обещал князю Гвалиора, что ему будет разрешено передать трон приёмному сыну и его княжество, несмотря на отсутствие прямых наследников, все же не будет присоединено к английской территории, он расплакался, как дитя, и выразил готовность помочь всеми силами и ресурсами против бунтовщиков».

Лекция II.3.
**ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВОССТАНИЯ:
ПРИЧИНЫ УСПЕХОВ ПОВСТАНЦЕВ**

С битвой при Плесси в 1757 г. связывают установление колониального господства Англии в Индии. Накануне столетия этого печального события в стране распространился слух о том, что Вишну и Аллах предсказали конец власти англичан в 1857 г. Боги индусов и мусульман здесь, конечно, не при чем, просто нараставшее в стране возмущение усилиями священнослужителей получило религиозное обоснование и вылилось в призыв к открытой борьбе.

Начало восстания в научной литературе чаще всего связывается с мятежом сипаев мирутского гарнизона **10 мая 1857 г.** Однако *нарастание локальных выступлений, слившихся затем во всеобщее восстание*, происходило уже в **1856 – начале 1857 гг.**, а мирутский мятеж стал первым успехом сипаев.

К. Маркс в «Хронологических выписках по истории Индии» с полным основанием писал по этому поводу: *«Не надо забывать, что нынешнее восстание фактически началось уже в январе», а 1857 г.* «участились открытые мятежи, подавляемые с большим или меньшим трудом», в частности, мятеж сипаев в **Раниганджи** (близ Банкуры), вызванный в **начале 1857 г.** введением новых патронов. В **феврале** Маркс отметил мятеж в **Бархампуре**, в **марте** – в **Барракупуре** (близ Калькутта), в **апреле** – в **Лакхнау** и др.

Только после этого последовал *мирутский мятеж*, приведший к *захвату Дели*. **Одновременно с ним** Маркс указал на мятежи и в других местах. С пометкой «**25 мая**» он записал: *«В 20 разных местах одновременно начались сипайские мятежи и избиения англичан: главными очагами были Агра, Барелли, Мурадабад».*

Существующие документы позволяют представить **начальный этап протеста** против колонизаторов. Один из эпизодов датирован **февралём 1857 г.** Он свидетельствует о *недовольстве в*

среде гражданского населения Файзарабада, а центральной фигурой событий был **факир** (нищенствующий ревнитель ислама) и обращался он не к сипаям, а к населению Файзарабада. Вот как описывал в своем донесении инцидент на постоялом дворе **участник событий, английский офицер**.

«В понедельник вечером воинственно настроенный факир с шайкой вооружённых людей обосновался на постоялом дворе в Файзабаде и, обращаясь к толпе, утверждал, что его миссией было уничтожение всех ферингов. Один из должностных лиц сообщил им, что оружие приносить в город запрещено, и потребовал их мечи. Они не только отказались выполнять это требование, но, как только он двинулся к ним, обнажили мечи, и он был вынужден отступить. Была поднята военная полиция, которую с трудом удержали от немедленного нападения на эту банду. Была выставлена охрана, прибыла рота сипаев и окружила их. На следующее утро специальный уполномоченный напрасно старался уговорить их сдать мечи. Они продолжали сидеть на веранде с мечами в руках. Их вожак не слушал уговоров, хотя им было обещано в случае подчинения, что они не подвергнутся тюремному заключению, и не понесут никакого ущерба... Маульви заявил, что англичане могут взять его обезглавленное тело, но живым он не сдастся... Было решено, что отряд из четырнадцати человек при команде «марш» бросится на них, не прикрепляя штыков. Разгадали они план или нет, или их встревожила минутная пауза, но они сами свирепо бросились на сипаев, у некоторых из них было сразу два меча. Офицер охраны и три сипая были ранены, офицер серьёзно: трое фанатиков были убиты, пятеро ранены и четверо взяты невредимыми. Маульви был легко ранен и отвезён в полковой госпиталь. Он сказал, что он из Мадраса, но он не был мадрасцем... Обстоятельства, при которых он был захвачен – призывал к джихаду и у него было несколько копий военных прокламаций, которые не оставляют сомнения в его реальных намерениях. Они очевидно заключались в том, чтобы поднять народ на восстание. Действительно, план был таков, что, когда все это начнётся, он будет исполнять обязанности эмиссара от весьма

высоко лица, питавшего не лучшие мысли о нашем правлении. Имя вожака – Секундур Шах».

Очевидно, что в данном случае мы имеем дело внешне с частным случаем, однако указания на то, что у Маульви нашли «*копии военных прокламаций*», и он должен был стать «*эмисаром от весьма высоко лица*», свидетельствуют о заранее спланированных действиях с «*целью поднять народ на восстание*».

Примечательно, что речь идёт о группе мусульманских инсургентов.

Ещё один характерный эпизод попыток **сипайских мятежей**, имевший место в **Барракупуре 29 марта 1857 г.** в связи с введением новых патронов, описанный английским офицером.

«Сипай Мангал Панди около 16.00 находился у казармы, вооружённый мушкетом и мечом...он стремился поднять восстание в полку, говоря, что пушки и европейцы истребят туземцев. Кто-то позвал старшего сержанта, и он спросил у индийца-лейтенанта, почему он не прекратит это. Мангал Панди выстрелил в старшего сержанта, но промахнулся и стал перезаряжать. Встревоженный старший сержант вбежал в помещение и спросил индийца лейтенанта, почему он не арестует Мангал Панди. Вскоре на коне к казармам прибыл адъютант... Мангал Панди выстрелил в адъютанта и ранил его коня... Адъютант вытащил пистолет и бросился на Панди, который отступил. Адъютант выстрелил в него с 20-ти шагов и промахнулся, а когда он приблизился к Панди, тот своим мечом тяжело ранил его... Я быстро обхватил его левой рукой, мне на помощь подоспели адъютант и старший сержант. Затем я сказал лейтенанту-индийцу, из роты Иссури Панди, который командовал охраной, чтобы он послал четырёх человек и забрал Мангала Панди. Никто не выполнил приказа: они оскорбляли меня...и сказали, что, если я не отпущу Мангала Панди, они меня застрелят. Будучи раненым, я был вынужден отпустить его. Пока я держал Мангала Панди, несколько человек из казарм избивали адъютанта и старшего сержанта прикладами мушкетов».

К чему призывал М. Панди?

Об этом имеется свидетельство **генерала Хирси**, командовавшего в то время Бенгальской армией.

«29 марта 1957 г. сипай Мангал Панди, – сообщает генерал, – призвал своих товарищей к восстанию. Находящийся под воздействием наркотика Панди «метался, размахивая заряженным мушкетом», кричал сипаям: «Поднимайтесь! Европейцы уже тут! Почему вы все ещё не готовы? За нашу религию! Надкусывая патроны, мы становимся нечестивцами! Отказывайтесь повиноваться!». Призыв к восстанию по всей Бенгальской армии молниеносно распространился от одного лагеря к другому, практически везде встречая отзыв».

Можно видеть, что призывы к антианглийскому восстанию «практически везде встречали отзыв», **однако** действия сипаев продолжали носить *локальный стихийный неумелый характер*.

Попутно заметим: бросается в глаза, что и сипаи, и англичане плохо стреляли из огнестрельного оружия.

Апофеозом конфликта явилась казнь М. Панди и его ближайших сообщников Санкха Палту и Ишвари Прасада через повешенье. Полк был расформирован. Но события в Барракупуре не прошли мимо внимания сипаев других полков. *Они повторились в апреле* после введения новых патронов в гарнизонах **Агры, Аллахабада, Амбаллы**.

Статьи Маркса и Энгельса, содержащиеся в 12-м томе второго издания Собрания сочинений, последовательно сообщают, как развивались события в Индии.

- В статье «**Восстание в индийской армии**»
 - ✓ показана *исключительно важная роль*, которую играли сипаи в английской системе колониальной эксплуатации Индии;

- ✓ осуществив завоевание Индии фактически штыками сипаев, Ост-Индийская компания превратила их в *полицейских*;
- ✓ **Маркс привёл интересные цифры:** гражданское население Индии составляло к моменту восстания **200 млн.**, общая численность сипайских войск – **200 тыс. человек**, численность английской армии в Индии – **40 тыс. человек**. Таким образом, англичан было в **5 раз меньше**, чем сипаев, и в **5 тыс. раз меньше**, чем жителей Индии.

«С первого же взгляда становится очевидным, – резюмировал Маркс, – что покорность индийского народа зиждется на верности туземной армии, создавая которую британские власти в то же время впервые организовывали общий центр сопротивления, каким никогда до этого не обладал индийский народ».

Эти слова Маркса объясняют, почему **события весны–лета 1857 г.** он часто характеризовал как *сипайское восстание*. Действительно, **началом** восстания в Индии **были сипайские мятежи**.

При этом **следует иметь в виду**, что

- даже в **Бенгальской армии**, в которой накопилось достаточное количество *«горючего материала»*, не все сипаи по разным мотивам приняли участие в восстании. Часть из них, видя репрессии в отношении повстанцев, попросту разбежалась по домам. По некоторым данным *«на 1 апреля 1858 г. число лояльных Британии солдат Бенгальской армии составило 80053»*;
- в **Бомбейской армии** попытки 3-х мятежей оказались подавленными на стадии локальных выступлений;
- сипаи **Мадрасской армии** отказывались служить в Бенгалии, но сами они в мятежах не участвовали;
- на **Южную Индию** восстание вообще не распространилось, т.к. большая часть княжеств там была самоуправляемой.

После того, как пришёл в движение *«общий центр сопротивления»*, активизировались и народные массы. Положение английской армии в Индии стало критическим. Оно усугублялось тем,

что «война с Персией отвлекла из Бенгальского президентства почти всех находившихся там солдат-европейцев». И народ «наслаждался благословенной анархией». Все это, думается, явилось важнейшей предпосылкой успехов восстания весной–летом 1857 г.

Маркс показал его особенности, которые можно расценить и как факторы успеха:

- сипаи **перебили** английских офицеров, что дезорганизовало ряды колонизаторов;
- произошла **консолидация** индусов и мусульман;
- английские войска были **малочисленны и разбросаны** по большой территории;
- восстание приняло **всеобщий характер**, оно стало «*проявлением всеобщего недовольства великих азиатских народов английским владычеством*».

Майские события в Индии свидетельствуют, что успех мирутского мятежа был подготовлен сложившейся к началу мая кризисной для англичан ситуацией.

В конце апреля примерно в 40 километрах на северо-восток от Дели в Мируте (Мератхе) были назначены учебные стрельбы новыми патронами, но почти все сипаи отказались в них участвовать, за что были приговорены к смертной казни с заменой её на 10 лет каторги. На виду у всего гарнизона у приговорённых сорвали погоны и препроводили в тюрьму. Но расправа над сипаями на следующий же день привела к беспорядкам в Мируте. Своё негодование высказывали участники местного базара, в городе было подожжено несколько домов. После этого взбунтовались сипайские подразделения во главе с 3-м кавалерийским полком.

Восставшие напали на европейцев – офицеров и гражданских, женщин и детей. На базаре толпа набросилась на британских солдат, 85 заключённых накануне сипаев освободили из тюрьмы, а

вместе с ними 800 других заключённых. Беспорядки проникли и в другие сипайские гарнизоны, англичане вынуждены были бежать в Райпур, а сипаи **11 мая ушли в Дели**, они форсировали реку Ямуна, отделявшую Мирут от Дели и направились к столице Великих Моголов, где им предстояло захватить Красный форт – оплот англичан. По прибытии в Дели им были открыты ворота города ожидавшими их заговорщиками.

Есть основания считать мирутский мятеж заранее спланированным. В ночь на **9 мая** сипаи послали в Дели гонца с письмом: *«Мы будем 11-го или 12-го. Держите все наготове»*. Содержание и лаконизм письма позволяют сделать **вывод о заранее скоординированных действиях мирутцев и делийцев.**

После захвата повстанцами Дели и объявления о восстановлении власти Бахадур Шаха II столица доколониальной Индии стала центром восстания. В своем обращении к народу Бахадур Шах призывал: «О, сыны Индии! Если мы поднимемся все, то разобьем врага очень быстро. Мы уничтожим врагов и спасем нашу религию и нашу Родину, которая для нас дороже жизни».

Следует заметить, что Бахадур Шах *особенно не стремился к борьбе* и тяготился той ролью, которую ему отвели настоящие руководители восстания. Это видно из *его показаний после захвата Дели англичанами.*

«Все документы, – сетовал престарелый император, – которые сипаи считали необходимыми составлять, писались по их приказанию. После этого их приносили ко мне и меня заставляли прикладывать к ним печать... Часто они прикладывали печать на пустые конверты и незаполненные листы... Всякий раз, когда принцы Мирза Могол, Мирза Хаир Султан или Абубакр приносили ко мне петиции, их неизменно сопровождали командиры сипаев, которые приносили приказы, какие им были необходимы, уже

написанные на отдельных листах бумаги, и заставляли меня переписывать их моей рукой... Я был во власти солдат, и они заставляли меня делать, что им хотелось».

В интернете («Пресса о восстании 1857 г. в Индии. Материалы») размещены свидетельства участников и очевидцев, которые красочно иллюстрируют положение в Дели после того, как там вспыхнуло восстание.

«После падения Красного форта в Дели сипаи развернули штыки против всего, ассоциировавшегося для них с символами британской власти и колониального гнёта. Нападениям подверглась собственность фиранги (foreigners – «иностранцы»), Банк Дели, дома европейцев, находившиеся в окрестностях, военные городки британской армии – все объекты были захвачены и разграблены. Пал и оплот британской власти – казначейство. Находившиеся там ценности немедленно отошли Бахадур Шаху. Для нарушения связи повстанцы разрушали телеграфные станции и железнодорожные линии; из тюрем выпускали заключённых... Нападениям подверглась и церковная собственность: сипаи были уверены в преднамеренном искоренении британцами индуизма и ислама через пропаганду христианства. Самый яркий пример подобных нападений – история делийской церкви Сент-Джеймс (Св. Иакова), построенной в 1837 году. Само здание пострадало незначительно, но, как сообщают очевидцы, его «полностью разграбила обезумевшая, кричащая толпа, вытащившая все, вплоть до стульев, скамеек и подколенных подушечек, глумясь, звонившая в церковные колокола, перед тем как сбросить их с колокольни и перерезать верёвки».

Еще фрагмент.

«Восставшие безжалостно убивали европейцев. По Дели поползли слухи о том, что англичанок принуждали проходить по улицам нагими, на глазах у всех насиловали и отрезали им груди, не щадя даже маленьких девочек... Наиболее активно распространяли эту информацию белые христианские священники, но вот глава разведывательного департамента Уильям Мьюёр писал:

«Во многих рассказах о жестокостях и кровопролитии фигурируют истории об изнасилованиях, которые, по моим наблюдениям и имеющейся информации, не имеют сколько-нибудь удовлетворительных доказательств».

Величайшим достижением делийских повстанцев было создание специального руководящего органа – **Совета восставших**, во главе с **Бахт Ханом – сипаем из Рохилканда**. Делийцы стремились объединить повстанцев по всей Индии с целью поддержания восстания. Свидетельством тому может служить одно из **обращений к сипаям в Пенджабе**:

«Все восставшие войска, от Калькутты до Пешавара, собрались в Дели, чтобы защитить нашу веру. Тысячи индусов и мусульман присоединились к нам ради этой цели... Вам должно быть стыдно за ваше поведение. Мы собрались все в Дели, а вы рассеяны по разным местам. Почему вы медлите? Действуйте согласно указаниям, содержащимся в этой прокламации».

Но этот призыв не возымел действия: сикхи и пуштуны Пенджаба поддержали англичан и оказали им помощь в разгроме Дели.

От сражения за Дели, ставшего центром восстания, *зависело его дальнейшее развитие*. Но руководители восстания допустили **серьёзный просчёт**, на который обратил внимание **А.М. Осипов**.

«Делийское правительство, – писал он, – вместо того, чтобы использовать оказавшуюся под его командованием почти треть всей бенгальской армии для наступательных действий, обрекло эти силы на бездействие за стенами делийской крепости».

Следует заметить, что, несмотря на, в целом, достигнутое единство повстанцев, *часть из них была против восстановления империи Великих Моголов*. Так **маратхи** стремились к восстановлению своего государства, **авадхи** признавали собственного наваба. *Отказались присягать Бахадур Шаху, как единственному правителю всей Индии, сикхи и пенджабы*.

Возникали проблемы и в религиозной сфере. Хотя и шииты, и сунниты призывали к джихаду, но **сунниты** отказывались от совместных действий с шиитами, которые, как они утверждали, руководят восстанием на своих религиозных принципах. **Некоторые мусульманские лидеры** открыто поддерживали англичан. Ярким примером тому являлся **глава исламистов Ага-хан I**.

Маркс внимательно следил за дальнейшими событиями. Можно сказать, что его статьи явились хроникой обороны Дели и штурма его англичанами. Рассмотрим некоторые вопросы, запечатлённые в этой «хронике». Они позволяют дать принципиальную оценку этой странице восстания.

- **В связи с захватом повстанцами Дели, Маркс и Энгельс неоднократно выказывали *озабоченность* по поводу возможности длительного их сопротивления.** *«Было бы, однако, нелепо думать, – отмечал Маркс, – что повстанцы смогут удерживать древнюю столицу Индии против вооружённых сил англичан».*
- **Однако повстанцы сохраняли свою власть в городе *сравнительно долго*.** Дели пал только **21 сентября 1857 г.** и держался, таким образом, почти пять месяцев. Причина тому заключалась не в их героизме, а в том, что колонизаторы *не предпринимали* в течение этого времени *решительных акций*. Медлительность их объяснялась тяжёлыми климатическими условиями и нехваткой транспорта. Из французских источников было известно, что к середине июля **около 4 тыс.** европейских солдат не перенесли климата; воинские части колонизаторов, стягивавшиеся к Дели, могли продолжать движение не больше полутора часов в день. Что касается боевых операций под стенами Дели, то Маркс сообщал о вылазках повстанцев 30 и 31 мая, которые *«были отбиты с тяжёлыми для них потерями и, очевидно, явились результатом скорее отчаяния, нежели уверенности в себе и сознания своей силы».* Также закончились и другие вылазки восставших.

• **Причину медлительности англичан Маркс** видел так же в нехватке осадной артиллерии. Он указывал на мнение, будто бы Дели очень сильно укреплен, но он считал, что «цитадель восставших неминуемо пала бы в результате даже одной *coup de main* (решительной атаки. – **В.О.**), если бы британские войска, находящиеся теперь у Дели, были там уже 26 мая, а они могли там быть, если бы их снабдили достаточным количеством перевозочных средств».

В результате сложилась ситуация, при которой силы повстанцев постоянно пополнялись, а англичане к концу июля встали перед дилеммой либо начать штурм малыми силами, либо отступить, так как в армии уже началась эпидемия, а приближавшиеся муссоны могли погубить всю армию.

«Совершенно очевидно, – констатировал Маркс, – что своей слабостью, колебаниями и прямыми промахами британские генералы ухитрились возвести Дели в ранг политического и военного центра индийского восстания». При этом он считал, что «для достижения этой цели (сохранение господства англичан) город Дели не имел вообще никакого стратегического значения». Начав осаду, англичане, – резюмировал Маркс, – «попросту сыграли на руку повстанцам, которые хотели сделать Дели главным центром кампании».

• Вместо этого англичанам требовалось, по мнению Маркса, создать полевую армию, обеспечить связь и координацию между отдельными гарнизонами и запереть восставших в нескольких отдельных пунктах, изолировав Дели.

• В действительности получилось наоборот: блокированными в различных пунктах оказались англичане, а в «открытом поле» инициатива находилась в руках восставших. В который раз, возвращаясь к событиям в Дели, Маркс отмечал, что, «приковав свою главную подвижную колонну войск к Дели, англичане не связали этим повстанцев, а лишь парализовали свои собственные гарнизоны».

- **Весьма важным фактором**, который явился причиной медленного сосредоточения английских войск, была *поддержка восстания населением*. Англичане столкнулись с необходимостью не только отражать все нарастающий натиск делейских повстанцев, но и *заботиться о своих тылах*. К тому же они *не могли быть уверенными* и в преданности туземных войск, прибывших к Дели, в частности, 14 августа из Пенджаба.

Первоначальный прогноз Маркса о неизбежности падения Дели оправдался: после того как английскому командованию удалось сосредоточить у стен города нужное количество войск и артиллерии, судьба делейского восстания была предрешена. Англичанам удалось собрать под Дели не только индийские войска: дополнительные силы прибыли из Сингапура, Китая, России после окончания Крымской войны.

Задача англичан упрощалась тем обстоятельством, что в **сентябре** усилились *разногласия среди оборонявшихся*. В результате раздоров часть сипаев *покинула Дели*, Бахадур Шах, его окружение и делейские купцы *тяготились восставшими*, начались *индо-мусульманские распри*, новые подкрепления вступали в *конфликт* со старым гарнизоном.

27 августа 1857 г. англичане получили подкрепление в виде осадной артиллерии, что позволило им пробить брешь в стене Красного форта, но попытка сходу с четырёх сторон взять форт **14 сентября** провалилась, повстанцы отчаянно сопротивлялись. Потребовалась неделя, прежде чем они заняли город, после чего там начались погромы.

Вспоминая последствия этих погромов лорд Робертс писал:

«Мы медленно двигались в тишине и невольно говорили шёпотом, боясь потревожить эти страшные человеческие останки. Зрелище, которое предстало нашим глазам, было до последней степени ужасно и вызывало отвращение. Здесь собака грызла не-

прикрытую конечность, там гриф, испуганный нашим приближением, медленно отлетал от своей отвратительной пищи на безопасное расстояние. Повсюду лежали тела, многие в таких положениях, что казались живыми. Руки кое-где возвышающиеся над грудями тел, казалось манили к себе, и в целом вся сцена была неопишимо ужасной и таинственной... Переход через Дели в слабом свете зарождающегося утра 24 сентября был кошмарен. Наш путь от Лахорских ворот лежал через подлинный город мертвых, не было слышно ни звука, кроме звука наших собственных шагов, не видно ни одного живого существа. Мертвые тела были разбросаны во всех направлениях в том положении, в каком застала их смертельная борьба».

Материалы «Прессы о восстании 1857 г. в Индии», размещённые в интернете, дают яркую картину бесчинства захватчиков. Город был отдан мародёрам на трёхдневное разграбление. **Источники свидетельствуют:**

«Сокровища Моголов и все, что можно было найти в Красном форте, – транспортабельные исторические и культурные ценности, ювелирные изделия, оружие и одежда королевской семьи, даже мраморные плиты и мозаики, – было расхищено. В грабежах участвовали и солдаты, и офицеры».

Как отметил некий капитан Гриффит, «мы заходили в дома, принадлежавшие представителям богатейшего сословия местных жителей, и везде заставляли одну и ту же картину – разрушенные дома, изуродованные дорогие предметы утвари, которые не удалось унести... Многие английские солдаты забирали ювелирные изделия и золотые украшения, снятые с тел убитых горожан, я видел у сослуживцев доставившиеся им таким образом жемчужные ожерелья и золотые мохуры (монета достоинством 15 рупий)».

«В мечетях – свидетельствует другой источник, – устраивали пекарни, бараки и магазины. Красивейшие средневековые здания разрушали «из соображений безопасности». У тридцати трёх деревень в пригородах Дели конфисковали сельскохозяйственные угодья. Затем начались расправы».

По Дели и его окрестностям прокатилась волна судилищ над всеми заподозренными в участии в восстании. Пожалели только Бахадур Шаха, которого отправили доживать в Дангун (Бирма), где он тихо скончался в 1862 г., вместе с ним прекратила своё существование и династия Великих Моголов, т.к. принцы крови были прилюдно раздеты донага и казнены. Для расправы над восставшими использовались военно-полевые суды и специальные комиссары. Подполковник **Т. Райс Холмс** записал в своём дневнике:

«Судьи были совершенно не склонны к проявлению милосердия. Почти все представшие перед судом были признаны виновными, и почти все, кого признали виновными, были приговорены к смертной казни. На видном месте в городе установили виселицу площадью четыре квадратных фута, и каждый день на ней вешали по пять-шесть обвиняемых. Вокруг сидели британские офицеры и, попыхивая сигарами, наблюдали за конвульсиями жертв.

Одного подозрения в симпатии к повстанцам было достаточно, чтобы стереть с лица земли целые деревни. Тех, кого не вешали, привязывали к жерлам пушек и разрывали на куски залпами. Улицы и дома, залитые кровью, являли собой настолько отвратительное зрелище, что один девятнадцатилетний офицер не мог сдержать чувств:

«Это было настоящее убийство, – писал он, – за последнее время я повидал много кровавых и ужасных сцен, но молю Бога, чтобы не увидеть ничего подобного тому, что мне пришлось лицезреть вчера. Хотя женщин и пощадили, их крики при виде кровавой расправы над мужьями и сыновьями были полны боли... Господь свидетель – я человек не жалостливый, но когда у тебя на глазах расстреливают седобородого старика, надо иметь невероятно чёрствое сердце, чтобы смотреть на это с полным безразличием...».

Восстание в Дели, несмотря на слабость и поражение, сыграло очень большую роль в деле успешного развития восстания в целом. Когда длилась делийская эпопея, не менее серьёзные события про-

исходили и в других частях Индии и, **главное, восстание приобрело повсеместный характер в Хиндустане. Маркс писал о полном развале Бенгальской армии, пятьдесят полков которой перестали существовать, о том, что восстание на огромной территории поколебало английское господство во всей Индии.** Колонизаторы, *рассеянные по территории страны, оказались блокированными в различных пунктах и были либо перебиты, либо вынуждены обороняться.*

Прогноз Маркса полностью подтвердился последующими известиями из Индии. *Делийские повстанцы, сковывая силы противника, позволили окрепнуть восстанию в других районах, в результате чего создалась такая ситуация, при которой даже падение Дели уже не смогло «потушить огонь восстания, локализовать его или восстановить британское владычество».*

Иными словами, перед англичанами встала проблема вторичного завоевания Индии.

В числе активных центров разгоравшегося восстания был Канпур – важный стратегический и торговый центр Индии, лежащий на старинной Великой Магистрале – одной из самых крупных дорог Азии, связывавшей восточные и западные области страны и соединявшей Южную Азию со Средней Азией, Западную Бенгалию с Северной Индией и далее с Лахором в Пакистане и Кабулом в Афганистане.

Сипаи генерала Хью Уиллера в Канпуре восстали 4 июня 1857 г.

Вернемся к книге П.М. Шаститко, где дано описание Канпура.

Он лежал в 14 милях от Битхура и 40 милях от Лакхнау – столицы княжества Аууд. Город был в то время «крупнейшим военным форпостом англичан. Через него шла в то время единственная хорошая стратегическая дорога от Дели до Бенгалии, сооружённая еще во времена расцвета государства Великих Моголов. В

районе Канпура она пересекала Ганг. Канпур – пыльный с узкими улицами, заставленными палатками и лотками, шумный и суетливый город, где скрещивались торговые и военные пути Индии... был важнейшей военной базой колонизаторов... с населением более миллиона человек. Абсолютное большинство жителей дистрикта (налогового района) и самого Канпура составляли хиндустанцы, индусы по религии, занятые главным образом в сельском хозяйстве. Значительная часть обрабатываемой земли находилась во владении членов военно-земледельческой касты индусов – раджпутов. Англичане, вторгшиеся в район Канпура, сразу же обратили внимание, что местные жители резко отличаются от мирных жителей Бенгалии. Посетивший Канпур епископ Гебер, например, писал: «Иногда мне казалось, что передо мною знойная и воинственная родина черноморских казаков. Я полагаю, что эту иллюзию увеличивало и несколько сходное одеяние жителей, всегда имеющих при себе оружие».

Феодалы наделяли раджпутов значительными земельными участками. Большая часть земли принадлежала вождям, остальной землёй пользовались рядовые раджпуты, объединённые в общины. Феодал, заинтересованный в раджпутах прежде всего как в воинской силе, давал общинам и вождям значительные привилегии. Английские колонизаторы, захватив районы, населённые воинственными раджпутами, превратили раджпутскую общину в фискальную единицу, а вождей кланов приравнивали ко всем остальным землевладельцам. Для английских колонизаторов раджпутская община была не воинской ячейкой, готовой по первому зову стать под знамёна своего господина, а обычным объектом эксплуатации. Были отобраны земли и у вождей раджпутов – этой старой аристократии, сохранившей патриархальные взаимоотношения с преданными им общинниками. Аграрная политика англичан вызвала растущее возмущение свободолюбивых раджпутов, часто возникали вооружённые столкновения с англичанами...».

После получения отказа на своё послание в Лондоне **Нана Сахиб совершил путешествие**, как он заявил английскому резиденту, «*по святым местам*» Северной Индии и, прежде всего, он стремился посетить соседнее крупное княжество Ауд.

«В сопровождении блестящей свиты Нана 18 апреля прибыл в столицу Ауда Лакхнау. Здесь его встретили особенно торжественно. Толпы народа окружили слона, на котором восседал непризнанный англичанами пешива. Нана Сахиб нанес визит английскому резиденту в Felt Генри Лоуренсу и некоторым видным чиновникам английской администрации, имел с ними длительные беседы. Лоуренс специальным распоряжением приказал офицерам оказать знаки внимания и необходимые почести Нана Сахибу».

Его путешествие позволило выяснить, что многие местные правители и землевладельцы недовольны политикой англичан, а «настроение многих английских чиновников не отличалось оптимизмом».

«Международная и внутренняя обстановка благоприятствовали, казалось, успеху антианглийского освободительного движения в Индии. Нана Сахиб и немногие его единомышленники из бывших владетельных князей решили примкнуть к зреющему восстанию армии и народа и возглавить его для восстановления независимости Индии и своего бывшего господства».

Поэтому, когда в Канпуре вспыхнуло восстание сипаев, Нана Сахиб и его сторонники поддержали его. А **30 июня** исполнилась заветная мечта **Нана Сахиба** – он был *провозглашён* повстанцами *пешивой* маратхов, т.е. ему вернулся титул, которого он был лишён англичанами.

«По милости всемогущего бога и благодаря счастливой судьбе императора, – возвестил Нана, – наш враг разбит, глупцы европейцы ввергнуты в ад и Канпур освобожден».

Английские гарнизоны Канпура с семьями (по некоторым подсчётам **450 чел.**) **девятнадцать дней оборонялись** под тропическим ливнем. За это время силы повстанцев оказались на исходе

и Нана Сахиб прибёг к *азиатской хитрости*: он пообещал генералу Уиллеру неприкосновенность, если его войско с семьями покинет Канпур.

Уиллеру не оставалось ничего делать, как *положиться* на слова и милость Нана Сахиба, который обещал предоставить для жён и детей англичан лодки, чтобы вывезти их по реке. Но, когда они погрузились, началась стрельба, лодки загорелись, сипаи перебили охрану и приступили к кровавой резне женщин, детей и обслуги, после которой остались горы окровавленных трупов.

Следует заметить, что в подобных бойнях досталось не только англичанам. Имеется множество примеров жестокости инсургентов не только в Канпуре, но и в других городах Индии. Один из жителей Канпура записал в дневнике:

«Первыми пострадали банкиры: их заставляли откупаться от налётов. Ростовщиков и торговцев принуждали отдавать бухгалтерские книги и долговые расписки, припомнили все прежние обиды. Целью нападений было избавиться от старых долгов, обнулить счёт, а то и просто пограбить».

Завершает повествование печальный вывод: *«Жертвами становились заимодавцы и предприниматели, многим из которых приходилось, к своему ужасу, платить таким образом за собственную алчность и ненасытность».*

Однако удача не долго сопутствовала повстанцам.

- **15 июля** стало известно о приближении английских войск к Канпуру и повстанцы не придумали ничего лучше, как добить оставшихся у них после резни жён и детей англичан. С городского рынка позвали несколько мясников, которые убили неповинных людей и расчленили их трупы.
- Повстанцам Канпура во главе с Нана Сахибом и Тантия Топи, несмотря на всю решительность их действий, *не удалось закрепить свою первую победу. Англичане смогли* на какое-то время *перехватить инициативу* в долине Ганга. В результате их наступления *были захвачены Бенарес и Аллахабад*, после чего они приблизились к Канпуру и в течение двух дней войско

Нана Сахиба было разбито, а англичане продолжили своё движение к Дели.

Таковы главные итоги первого периода восстания 1857–1859 гг. Дальнейшая его судьба решалась в Ауде и его центре – Лакхнау. Борьбу Ауда с колонизаторами Энгельс определил как второй период восстания.

«Ауд (Аудх) – историческая область в Северной Индии, лежащая по среднему течению реки Ганг (на южном берегу находится Канпур). В Древности и в Средние века Ауд входил в состав крупнейших государств, образовавшихся в долине Ганга, а в 20-е гг. XVIII в. Саадат-хан, наместник Великих Моголов в Ауде, провозгласил его независимость. На протяжении XVIII – первой половины XIX вв. Ауд, со столицей в Лакхнау, являлся одним из крупнейших и влиятельнейших княжеств Индии. Он активно выступал против экспансии Британской Ост-Индской компании, но потерпел поражение в битве с англичанами при Буксаре в 1764 г., становится вассалом компании, а в 1856 г. Ауд аннексирован Британской Ост-Индской компанией. Это послужило причиной того, что одним из крупнейших очагов начавшегося в следующем году Индийского народного восстания 1857–1859 гг. стала именно территория Ауда. Одним из вождей восстания в Ауде был мусульманский проповедник Маулеви Ахмад-шах» (Википедия).

Лекция II.4.
**ВТОРОЙ ПЕРИОД ВОССТАНИЯ:
ЕГО СИЛА И СЛАБОСТЬ. ИСХОД**

Рассмотреть основные события второго периода восстания в Индии представляется возможным на основе статей Энгельса. Он так же детально, как Маркс, показал эпопею обороны Дели, проследил характерные черты восстания в последовавшие после падения Дели месяцы.

Энгельс рассматривал события в основном *с военной точки зрения*. Однако этот материал настолько блестяще увязан с прочими общественно-политическими проблемами, что *может вполне служить основой рассмотрения и оценки восстания в целом*.

Вследствие массового характера восстания в Ауде летом 1857 г. все княжество оказалось в руках повстанцев, только в центре Лакхнау, в крепости, оставался английский гарнизон, который был осаждён восставшими. В статьях, посвящённых событиям в Лакхнау, Энгельс высмеял «героизм» англичан, «трудности и лишения», которые им пришлось перенести в результате блокады города повстанцами. Основанием к этому послужили хвастливые донесения английских командиров. Энгельс обратил внимание, что в донесении генерал-губернатору, командующий английскими войсками в Лакхнау, бригадный генерал Инглис, описав «подвиги» оборонявшихся в резиденции и сокрушаясь по поводу тягот, которые они вынесли, **особо отметил:**

«Источником серьёзных страданий была также нехватка в слугах-туземцах. Некоторые дамы вынуждены были сами заниматься уходом за своими собственными детьми и даже стирать своё собственное белье, а также готовить себе скудную пищу без чьей бы то ни было помощи».

Анализ ситуации в Лакхнау позволил Энгельсу признать *полное ничтожество англичан*. Вместе с тем, **что более существенно**, Энгельс вскрыл *неумелое, с военной точки зрения, ведение осады и последующих боевых действий повстанцами*. Данное

обстоятельство вряд ли можно ставить им в вину, его, видимо, следует характеризовать, как величайшую беду восставшего народа.

- **Генерал Инглис** пытался *представить ружейный обстрел английских позиций повстанцами, как нечто ужасное. Однако, под «шквальным огнём», оборонявшиеся смогли закончить строительство укреплений и установить свои пушки. Исходя из этого, Энгельс предположил, что «этот убийственный огонь, должно быть, был весьма беспорядочной стрельбой наугад».*

- **То же неумение** показали повстанцы и *при артиллерийской стрельбе. Размышления об артиллерийской дуэли Энгельс завершил словами:*

«В общем, артиллерия с обеих сторон была использована, по-видимому, из рук вон плохо; в противном случае бомбардировка на таком коротком расстоянии должна была бы очень скоро прекратиться, ибо батареи взаимно вывели бы друг друга из строя».

- **Слабость повстанцев** проявилась также в *неэффективном использовании саперно-взрывных работ и неудачных атаках. Две предпринятые атаки не были организованы должным образом и осуществлялись весьма вяло, поэтому были без труда отбиты. В итоге повстанцы отказались от осады резиденции и перешли к ее блокаде. Все это позволило Энгельсу дать суровую, но справедливую оценку усилиям повстанцев под Лакхнау.*

«Порядка среди осаждающих, – писал он, – было так мало, что, хотя они и перерезали коммуникационные линии, связывавшие осаждённых с Канпуром, им так и не удалось, как видно, полностью прервать снабжение гарнизона. Вся, так называемая, «осада» представляла собой смесь азиатского невежества и дикости с отдельными проблесками кое-каких военных знаний, занесённых сюда европейцами в период их владычества».

Становится вполне понятно, почему пятитысячной армии англичан, генерала Колина Кэмпбелла, прибывшей позже в Лакхнау, не потребовалось особого труда, чтобы освободить гарнизон резиденции. С началом атаки англичан повстанцы вынуждены были поспешно отступить, не удалось им организовать и сопротивление других в укрепленных пунктах.

Энгельс сообщил интересную деталь: многие повстанцы, видимо, не имели огнестрельного оружия, что усугубляло их и без того сложное положение.

Итогом лакхнауской операции Кэмпбелла было то, что она

«носила характер наступления хорошо дисциплинированных, достаточно укомплектованных офицерами, привычных к войне и в меру храбрых европейских войск на толпу азиатов, не имеющих ни дисциплины, ни офицеров, ни навыков в ведении войны, ни даже достаточного вооружения и потерявших мужество от сознания двойного превосходства их противника – превосходства солдат над штатскими и европейцев над азиатами».

После освобождения резиденции создалась странная на первый взгляд ситуация: повстанцы потерпели поражение, однако англичане, освободив свой гарнизон, практически полностью эвакуировались назад, в Канпур. Напрашивается вывод, что Кэмпбелл привёл своё войско в Ауд лишь за тем, чтобы освободить заблокированный в Лакхнау гарнизон, но не был готов к ведению широкой кампании против повстанцев на территории княжества Ауд.

Это позволило восстанию распространиться на основную массу населения. Особенность последующего развития восстания в Ауде заключалась в том, что колонизаторы могли разбить войско сипаев под Лакхнау, но, чтобы усмирить весь народ, требовались более значительные силы. Кэмпбелл таковых не имел. Видимо, с учётом этого Энгельс писал:

Несмотря на все слабости аудского восстания англичане предвидели трудности, с которыми им придется столкнуться при его подавлении. Поэтому глава правительство лорд Пальмерстон назначил на должность главнокомандующего английскими войсками в Индии боевого **генерала Колина Кэмбелла**, который в юности участвовал в боевых операциях, в том числе колониальных войнах. Несмотря на это

«повстанцы Ауда, как жалки они ни были в открытом поле, тем не менее, показали, непосредственно после прибытия Кэмбелла, силу национального восстания» (Энгельс).

В отличие от восстаний в других центрах, где ведущую роль играли сипаи, **в Ауде** помимо сипаев *восстало население*, в том числе крестьяне-раджпуты. В среде повстанцев большой популярностью пользовался мусульманский проповедник **Ахмад-Шах**. Вместе с княгиней Ауда, **Бегумой Хазрат Махал** (Мухаммади Ханум), он руководил восстанием в Ауде, хотя не все князья хотели воевать под их знамёнами. Эти настроения подогревались политикой комиссара Генри Лоуренса, стремившегося убедить местных талукдаров и заминдаров в расположении к ним правительства Англии и *обещавшего* им снизить налоги. В результате после падения Дели многие посчитали дело проигранным, а один из местных правителей после падения Лакхнау, второй обороной которого в марте 1858 г. командовал Ахмад-Шах, предал и казнил его.

Англичанам удалось решить в Лакхнау *тактическую* задачу – освободить осаждённых, *однако стратегическая инициатива* продолжала оставаться *в руках аудских повстанцев*. Данный факт свидетельствует о том, что **к началу 1858 г.** восстание *не было подавлено*, а *сила восставших* заключалась не в генеральных сражениях, а в *повсеместной и повседневной партизанской борьбе против англичан (Энгельс).*

Как и раньше, **дальнейший ход боевых действий** *зависел от того*, сможет ли английское командование *сосредоточить* силы на одном, главном, направлении борьбы?

Возвратившись в Канпур, Кэмпбелл занялся подготовкой вторжения в Ауд, имея чёткое намерение задушить там восстание. При этом он отправил жён английских офицеров, находившихся в Канпуре и Агре, в Аллахабад. По-видимому, эта акция была предпринята Кэмпбеллом потому, что он не хотел, чтобы, как это всегда было в Индии, передвижения армии *«подчинялись их капризам и согласовывались с их удобствами»*. Не те наступили времена, а оставлять их в Канпуре и Агре, как показывал опыт, было небезопасно.

Приготовления к походу были основательные, *«небывалых до сих пор для Индии масштабов»*. В статье «Взятие Лакхнау» Энгельс подвёл итог этим приготовлениям.

- Кэмпбелл располагал тремя пехотными, одной кавалерийской и одной артиллерийской дивизиями, инженерными войсками.
- Плюс к этому из Джаунпура и Азамгарха должна была прибыть к Лакхнау дивизия Френкса и составить *правое крыло войск англичан*.

Общая численность этих войск равнялась *30 тыс. европейских и туземных солдат*.

Из Непала выступила также **десятитысячная армия гурков**.

Однако это ещё не все. В нижнем течении Джамны сосредоточивались войска **генерала Роуза**, в задачу которых входил перехват возможных беглецов, выскользнувших из клещей войск Кэмпбелла и Френкса. В Рохилкханде на случай отступления туда повстанцев разместились войска **Чемберлена**. В районе Дели создана была фланговая позиция **Лоуренса**. Завершали данный перечень **гарнизоны городов**, расположенных вокруг Ауда. Таким образом, повстанцам Ауда была противопоставлена армия численностью порядка **100 тыс. человек**. Непосредственно на Лакхнау было направлено войско примерно **в 40 тыс. человек**.

Как же Кэмпбеллу удалось собрать такие огромные силы?

Энгельс дал ответ на этот вопрос. *«Сосредоточение этих огромных сил является отчасти результатом плана генерала Кэмпбелла, но отчасти также и результатом подавления восстания в различных частях Индостана».*

Далее Энгельс подсчитал, какие силы собрали повстанцы против англичан. Их оказалось примерно **100–150 тыс. человек**. Внушительные цифры. Однако повстанцы к началу боевых действий были уже деморализованы и дезорганизованы, не имели уверенности в себе, были плохо вооружены и *«совершенно непригодны для ведения боевых действий»*, поэтому, заключил он, численность повстанцев не имела никакого значения. При таком соотношении сил **Кэмпбелл начал наступление на Лакхнау.**

2 марта 1858 г. его основные силы сосредоточились у цели, а **19 марта** город был уже во власти англичан. Значительная часть повстанцев *отступила* в разных направлениях.

За эту операцию Кэмпбелл был возведен в пэрство, как барон Клайд Клайдсдельский, с уходом в отставку произведен в фельд-маршалы.

Лакхнау постигла участь всех побеждённых просвещёнными и цивилизованными завоевателями – *вакханалия дикой жестокости*. Дж. Неру в своём известном труде **«Открытие Индии»** описал жестокости англичан в Аллахабаде и приписал, что *«то же было в Канпуре, Лакхнау и повсюду».*

«Военные и штатские, – писал он, – в равной мере вершили кровавый суд или убивали туземцев без всякого судебного разбирательства, независимо от пола и возраста. В архивах нашего английского парламента, в документах, направленных в Англию генерал-губернатором и его советом, зафиксировано, что «старика, женщины и дети приносятся в жертву, равно как и те, кто виновен в участии в восстании». Их не вешали с соблюдением церемоний, а попросту сжигали живыми в деревнях...».

С падением Лакхнау закончился **второй период восстания**, но не само восстание. В статье **«Взятие Лакхнау»** Энгельс выска-

зал предположение, которое вскоре оправдалось, о том, что *отступившие повстанцы создадут новые опорные базы в Бунделкханде и Рохилкханде, что, по его мнению, будет означать новую фазу восстания.*

Думается, нет необходимости ещё раз возвращаться к вопросу о слабой военной организации повстанцев, которая явилась одной из важнейших причин их поражения. В дальнейшем картина наблюдалась та же, что и при первом походе Кэмпбелла на Лакхнау. Более важным является вопрос о зависимости дальнейшего хода восстания от падения Лакхнау.

«Если не вспыхнут новые волнения в местах, до сих пор спокойных, – прозорливо писал после падения Лакхнау Энгельс, – то восстание должно теперь постепенно перейти в свой заключительный, затяжной период, в продолжение которого повстанцы, в конце концов, превратятся в бандитов или грабителей, и коренное население страны станет относиться к ним так же враждебно, как и сами англичане».

Так и вышло: на третьем этапе восстание вылилось в партизанскую войну, после чего оно окончательно выдохлось.

В статье «Английская армия в Индии» Энгельс показал расстановку противоборствующих сил на **начало июня 1858 г.** Из статьи видно, что английская армия, несмотря на победы, в значительной мере *утратила свои боевые качества.* Он объяснял это следующими причинами:

- **После взятия Лакхнау** *«самая сильная английская армия, какая когда-либо была сосредоточена в Индии в одном пункте, теперь снова разбросана по всем направлениям».*

Таким образом, повстанцы, будучи рассеянными повсюду, *невольно рассеяли и английские войска,* которые были вынуждены организовывать преследование мелких отрядов индийцев и закрепляться на вновь завоёванных территориях.

«Сэру Колину Кэмпбеллу, – констатировал Энгельс, – приходится повсюду оставлять гарнизоны; его полевая армия растаяла более чем наполовину по сравнению с численностью его войск, которые действовали под Лакхнау».

- **Другая причина** ослабления боеспособности английской армии заключалась в массовом увлечении личного состава грабежами. Обогащение англичан вследствие грабежа было настолько значительным и молниеносным, что вскоре после лакхнауской операции Кэмпбеллу подали прошение об отставке **более 150 офицеров**, награбивших себе целые состояния и посчитавших дальнейшую военную службу для себя нецелесообразной.

✓ Характерно в связи с этим **свидетельство В. Рассела**:

«Имеются роты, которые могут похвастаться, что в их рядах есть солдаты, обладающие ценностями на тысячи фунтов стерлингов... Некоторые из офицеров буквально нажили себе целые состояния... В потёртых походных сумках для обмундирования спрятаны иной раз маленькие шкатулки, которые содержат целые имения в Шотландии и Ирландии и уютные загородные домики для любителей охоты и рыбной ловли во всех богатых дичью и форелью уголках мира».

✓ **Важнейшим последствием массового грабежа** было падение дисциплины в английских войсках, что парализовало их действия.

«Калмыцкие орды Чингиз-хана и Тимура, – писал Энгельс, – налетающие на города, подобно тучам саранчи, и пожирившие все, что попадалось им на пути, были, вероятно, благодеянием для страны по сравнению с нашествием этих христианских, цивилизованных, рыцарственных и великодушных британских солдат».

Такая ситуация сложилась в английской армии в то время, когда восстание ещё продолжалось, поэтому Энгельс пришёл к заключению, **что к началу 1858 г.**, «усмирение Индии ещё далеко не

закончено»: не была ещё покорена **Раджпутана**, возникло большое количество **новых центров** сопротивления, в числе которых **Рохилкханд**, северо-восточная часть **Ауда**, **Калпи**.

Анализируя вопрос о расседоточении повстанцев после падения Лакхнау, Энгельс высказал сомнение в их способности к регулярным военным действиям, т.к. «они в значительной степени утратили способность к решающим боям».

Однако и в этом состоянии повстанцы представляли значительную опасность для англичан – *«будучи рассеяны повсюду, они гораздо опаснее, что вынуждает англичан губить свою армию походами в неблагоприятных климатических условиях».*

Как отмечалось выше, ни поражение делейских, **ни поражение** лакхнауских повстанцев *не вело к полному усмирению Индии.* В связи с **началом партизанской войны**, Энгельс высказал надежду на то, что *«взятие Лакхнау ещё не влечёт за собой покорения Ауда, и даже покорение последнего не приведёт к усмирению Индии».* Мало того, **подчёркивал он, настоящие трудности для английской армии только и начались с развитием партизанского движения.**

В период распространения партизанской войны в различных направлениях повстанцы *разделялись на мелкие отряды* численностью от двух до шести-восьми тысяч и

- каждый из них *действовал самостоятельно;*
- а англичане *вынуждены были постоянно гоняться за ними;*
- это, впрочем, *не давало* им положительного результата.

Разобшённые же отряды повстанцев **всегда легко сливались** для разгрома какой-либо отдельной группировки англичан, после чего вновь **рассеивались** по разным направлениям.

В числе героев партизанского движения обычно называют **Тантия Топи**.

Действительно, после падения Канпура **Тантия Топи** и присоединившаяся к нему после падения **в марте 1858 г.** Джханси

Лакшми Бай создали отряд из повстанцев Гвалиора и основали свою базу в Калпи. **В июне** Лакшми Бай погибла, но Тантия Топи продолжил свои усилия по организации восстания всех маратхов, однако его постигла неудача. Он до последнего воевал против англичан, пока его не предал один из раджей Гвалиора. **В апреле 1859 г.** англичане обошлись с ним самым жестоким образом, а в завершении всего он был повешен.

В партизанском ведении войны Энгельс видел преимущество сипаев.

«В быстроте передвижения, – писал он, – они в такой же мере превосходят английские войска, в какой последние имеют возможность превзойти их в сражениях... Эта быстрота передвижения и составляет главное достоинство сипайских войск».

Что касается **позиции гражданского населения** в этот период, то оно не оказывало никакой помощи и поддержки англичанам, саботировало их указания.

Последними крупными операционными базами повстанцев стали города **Барейли и Калпи**. После их падения рассредоточение повстанцев усилилось. Приведём **характерный пример** из действий **генерала Х. Гранта**, войска которого противостояли повстанцам в Южном Ауде. *«Повстанцы были для него слишком проворны. Они находились повсюду, кроме тех мест, где он их разыскивал, и, когда он ожидал найти их перед собой, они давно уже находились снова у него в тылу» (Энгельс).*

Таким образом, даже на заключительном этапе восстание представлялось **мощным препятствием** для распространения английского господства. **По данным Энгельса, летом 1858 г.** партизанским движением была **охвачена территория «от Гималаев до Бихара и гор Виндхья и от Гвалиора и Дели до Горакхпура и Динапурга»**, при этом **«поражения их не имеют решающего характера, а успехи, достигнутые англичанами, крайне незначительны».** Англичане в это время занимали только города, что сравнимо с островами в бушующем океане.

Тем же летом 1858 г. активность повстанцев значительно спала, военные действия практически прекратились и Энгельс констатировал **полное падение духа повстанцев.**

«Вместо того, чтобы организовать активную партизанскую войну, прерывать сообщение между городами, находящимися в руках неприятеля, подстерегать мелкие отряды, мешать фуражировке и не допускать подвоза продовольствия, без которого не мог бы просуществовать ни один большой город, занятый англичанами, – вместо всего этого туземцы удовольствовались сбором налога и наслаждались досугом, который предоставил им противник».

Можно видеть, что **в конце лета и в сентябре 1858 г.** резервы восстания, о которых писал Энгельс, в связи с началом партизанского движения, *не были использованы* и продолжение борьбы вследствие этого *не имело перспективы.* Анализ сложившейся ситуации **привёл Энгельса к выводу** о том, что *восстание в Ауде затухнет, «не пройдя через стадию активной партизанской войны».*

Фактическое поражение восстания привело к тому, что в среде повстанцев усилились разногласия, была утрачена уверенность в собственных силах. *Естественным следствием затухания восстания* явилось и начавшееся в то время *«заигрывание»* аудских землевладельцев с англичанами, смысл которого сводился к стремлению первых *вернуть свои земли, но уже иным, не военным, а компромиссным путём.* Позиция князей на исходе восстания была **так же важна,** как и их участие на его ранних этапах.

«Как только большинство землевладельцев заключит соглашение с англичанами, – резюмировал Энгельс, – отряды повстанцев распадутся, и те из них, которые имеют слишком много оснований бояться правительства, превратятся в бандитов (дакойтов), в поимке которых крестьянство охотно окажет содействие».

Так и получилось, отряды сипаев выродились в банды дакойтов, которые увлеклись грабежом англичан, а крестьяне, в свою очередь, нападали на одиночных сипаев и отбирали у них награбленные драгоценности.

Лекция II.5.
**ПЕРЕХОД УПРАВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИЯМИ ИНДИИ
К КОРОЛЕВЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ВИКТОРИИ**

По мере распространения восстания в Индии становилось все очевиднее, что это не простой сипайский мятеж, а война всех слоев её общества за свои коренные ценности, которых она лишилась под господством колонизаторов.

В. Рассел писал по этому поводу в своём дневнике:

«Это была не только война угнетённых, нечто вроде Жакерии, но и очередная война расовая, война мести и надежды, национальной решимости сбросить ярмо чужеземцев, за восстановление полной власти местных вождей и полного господства местной религии».

Благоразумие в правящих кругах Англии в конце концов *возобладало*. Правительство прислушалось к **Б. Дизраэли**, который в своей известной парламентской речи ещё **летом 1857 г.** предлагал *«целиком изменить отношения с государством Индийской империи»*, т.к., по его мнению, *«совершенно исключено, чтобы вы могли когда-нибудь управлять 100 млн. людей только с помощью европейцев»* и *«нужно ли размещать английские войска в каждом форпосте»*, *«можно ли собирать доходы с помощью английских войск?»*

Ответы на эти вопросы, считал министр, однозначны:

- *«Вы должны сказать народу Индии, что отношения между ними, их правителями и государыней королевой Викторией будут улажены».*
- *«Вы должны заявить от имени королевы, – наставлял парламентариев Дизраэли, – что королева Англии не такая государыня, которая поощряет нарушение договоров, что королева Англии не такая государыня, которая нарушает установленный порядок владения собственностью, что королева Англии – государыня, уважающая их законы, обычаи, привычки и,*

главное, их религию. Сделайте это и сделайте это не втихомолку, а так, чтобы привлечь всеобщее внимание и каждому в Хиндустане дать надежду, и вы добьётесь того же, чего можете добиться с помощью флотилий и армий».

В 1856 г., судя по всему *не без участия Дизраэли*, был смещён с поста генерал-губернатор Индии **Дальхузи** и его место занял по протекции лорда Пальмерстона граф **Чарльз Джон Каннинг**, на которого была *возложена ответственность* исправить одиозные шаги своего предшественника, испортившего отношения английской администрации с местной аристократией и населением Индии.

Наиболее прозорливые политические деятели Англии и генералы, правившие делами в Индии, *считали* наиболее верным средством покончить с восстанием в Ауде и других частях Индии, где повстанцы не были еще усмирены, это **расколоть их единство, оторвав от восставших их руководителей (привлечь их на свою сторону) и уничтожить повстанцев по частям.**

- **Иными словами, Каннингу предстояло** преодолеть последствия политики Дальхузи, приведшей к возникновению волны *антифоринизма*. Прежде всего, *предстояло вернуть владельческие права местным правителям*, что, по расчётам Вестминстера, должно было *повернуть* и население Индии к сотрудничеству с англичанами и создать *благоприятные условия для развития торговли* английскими промышленниками.

- **Чарльз Каннинг** происходил из знатной семьи премьер-министра Джорджа Каннинга. Имел титул виконта. В 1835 г. избран в Парламент от консерваторов. В 40-50-е гг. входил в состав правительства. После назначения генерал-губернатором Индии получил графский титул и был противником ужесточения режима управления, а после поражения восстания не поддержал призывов *«наказать за непослушание весь индийский народ»*, хотя укрепил армию, дабы иметь возможность вовремя пресечь вероятные последующие выступления.

✓ По прибытии в Индию **Коннинг** получил письмо из Пенджаба от верховного комиссара **Джона Лоуренса**, в котором тот писал:

«Я не знаю, расположены ли вы амнистировать тех восставших, которые мало виноваты. До тех пор, пока мы не будем вести дела с достаточным тактом и справедливостью, трудности наши с захватом Лакхнау не кончатся».

✓ Однако новый генерал-губернатор **издал приказ**, удививший всех, т.к. ставил решение проблемы с ног на голову.

«Право собственности на землю в провинции Ауд, – сообщалось в приказе, – конфискуется в пользу британского правительства, которое будет располагать этим правом так, как оно сочтет нужным».

• **Лондон негодовал**, т.к. этот приказ вызвал новый подъем восстания в Ауде при активном участии землевладельцев.

В одном из правительственных писем Каннингу из Лондона **прямо указывалось:**

«Мы хотим, чтобы вы в практическом осуществлении смягчили суровость декрета о конфискации земли, который вы издали против земельных собственников Ауда... Правительство, опирающееся на любую силу колониальной администрации, не может долго продержаться у власти в стране, где весь народ из-за неправильных действий этого правительства настроен враждебно».

✓ Ну, и наконец, **свое отношение** к происходящему выразил **Секретный комитет Совета директоров Ост-Индской компании**, которому генерал-губернатор непосредственно подчинялся. Члены комитета **указывали** на то, что война в Ауде возникла *«по причине неподготовленного свержения с престола династии и спешных аграрных преобразований, которые лишили значительную часть землевладельцев их земель».* Поэтому в сложившихся условиях необходимо

«проявить максимум благоразумия в отношении к землевладельцам».

- Под влиянием сильнейшего прессинга Каннинг **отменил свой приказ**. Но *недоверие* к англичанам со стороны землевладельцев *осталось*.

✓ По прошествии некоторого времени Каннинг **собрал землевладельцев Ауда и выдал им грамоты на владение землей**. При этом он заверил собравшихся *«в том, что права и достоинства каждого из вас как талукдаров будут соблюдаться как мной, так и всяким представителем нашей повелительницы, и никто не нарушит их, если вы будете лояльными, преданными подданными и справедливыми господами в своих владениях.*

Вы можете судить по этим грамотам, что те же права и на тех же условиях сохраняются навечно и для ваших потомков».

- **Крупным шагом Каннинга в его новом курсе** было *обращение* к талукдарам, князьям и землевладельцам Ауда после взятия Лакхнау 14 марта 1858 г., т.к. многие повстанцы не сложили оружия и под руководством Ахмад-Шаха отступили в Рохилканд, а затем продолжили борьбу во внутренних районах Ауда.

В обнародованной **15 марта 1858 г.** прокламации генерал-губернатор **заявил**, что его первой заботой будет *«вознаграждение тех, кто был твёрд в своей преданности правительству в момент, когда его власть была поколеблена, кто доказал эту преданность своей поддержкой и помощью британским чиновникам».*

Поскольку последним оплотом повстанцев был Ауд, Каннинг даровал одиннадцати аудийским правителям право быть *«единственными наследственными собственниками земли, отданной им во владение на условии уплаты лишь умеренного земельного налога, которым они могут быть обложены. Эти преданные люди будут, кроме того, вознаграждены ещё таким способом и в*

таком размере, как, учтя их заслуги и положение, решит это генерал-губернатор».

Далее сообщалось, что «мера вознаграждения и почести, соответствующие их поведению, будут дарованы и другим, за кем подобные права могут быть признаны правительством».

Обращение Каннинга произвело большое впечатление на руководителей восстания в различных центрах Индии.

«Тем талукдарам, феодалам, землевладельцам и лицам..., которые немедленно покорятся главному комиссару Ауда, – сообщалось в нём, – сдадут своё оружие и подчинятся его приказам, достопочтенный генерал-губернатор обещает, если их руки не обогреты кровью убитых англичан, пощадить их жизнь и сохранить честь».

«В отношении же любого другого снисхождения, – говорилось далее, – которое может быть распространено на них, и положения, в котором они могут оказаться, они должны целиком полагаться только на справедливость и милосердие британского правительства. Тем из них, кто немедленно явится и окажет свою поддержку главному комиссару в восстановлении мира и порядка, это снисхождение будет широким, и генерал-губернатор будет готов милостиво рассмотреть право, которое они этим самым приобретут на восстановление своего прежнего положения».

Подобно тому, как участие в убийстве английских мужчин и женщин лишает виновных в этом права на любое милосердие, все те, кто защищал жизнь англичан, будут располагать особым правом на внимание и снисхождение».

- Вскоре после обнаружения прокламации Каннинга в Ауд был назначен новый **верховный комиссар Р. Монтгомери**, сразу же вступивший в переговоры с землевладельцами и стремившийся примерить их с англичанами.

Прокламация Каннинга вызвала новое обсуждение в Англии вопроса о характере землевладения в Индии, т.к. неправильное его понимание повлекло бы ошибки в реформировании управления в территориях, подвластных Ост-Индийской компании.

Суть вопроса заключалась в том, что *«следует ли, собственно, рассматривать их (заминадров, талукдаров и сердаров) как земельных собственников или только как сборщиков податей?»*.

- Газета **«New-York Daily Tribune»** сделала обзор мнений по этому вопросу и, в частности, **писала:**

«Все согласны в том, что в Индии, как и в большинстве стран Азии, верховное право собственности на землю принадлежит государству. Но в то время как одна сторона в данном споре утверждает, что государство надо рассматривать как собственника земли, сдающего участки в издольное пользование земледельцам, сторонники другой точки зрения считают, что по существу земля в Индии является такой же частной собственностью, как и в любой другой стране, а эта так называемая государственная собственность есть не что иное, как пожалование сувереном прав на землю, теоретически признанное во всех странах, законы которых основаны на феодальном праве, и практически осуществляемое во всех без исключения странах, где государство обладает правом взимать поземельные налоги ...

Если, однако, допустить, что земля в Индии является частной собственностью и что право на неё частных владельцев так же бесспорно и твёрдо, как и в других странах, то кого же надлежит считать действительными собственниками?

Однако в том-то и заключается одно из крупнейших неудобств и затруднений в управлении Индией из Англии, что при рассмотрении индийских вопросов легко могут оказывать влияние чисто английские предрассудки и убеждения в применении к такому состоянию общества и такому положению вещей, к которым в действительности они не имеют почти никакого отношения».

2 августа 1858 г. произошло историческое событие во взаимоотношениях Англии и Индии – был принят «Акт о лучшем управлении Индией», ликвидировавший Ост-Индийскую компанию и Совет при генерал-губернаторе, передававший Индию под управление королевы Виктории, т.е. на смену самоуправству частного английского капитала пришло государственное управление Индией.

1 ноября 1858 г. «к вождям и народу Индии» обратилась королева Виктория. Она призвала всех подданных *«быть преданными и соблюдать истинную верность нам, нашим наследникам и преемникам и подчиняться власти тех, кого мы в будущем в то или иное время сочтём достойными управлять названными территориями от нашего имени»*...

Когда содержание Акта и Обращения королевы Виктории дошли до королевы Ауда, прибывавшей в то время уже в Непале, она написала от имени наследника аудийского престола малолетнего Бирджис Кадра свое Воззвание «Нашему народу», в котором *предупреждала их о лживости англичан и призвала не верить им.*

«В настоящее время, – недоумевала королева, – какие-то глупые и неразумные люди распространили слух, что англичане простили жителям Хиндустана их проступки и преступления. Этот слух вызывает крайнее удивление, потому что англичане никогда не отступают от своего правила: не прощать ни малой, ни большой вины. Они так твердо придерживаются этого правила, что не прощают даже малого проступка, совершенного по неведению или небрежности».

Хазрат Махал предъявила англичанам пять пунктов обвинения.

Первое. *«В манифесте говорилось, – писала она, – что Хиндустан, находившийся под властью [Ост-Индской] компании, возвращается под власть королевы и на его территории впредь будут действовать только королевские законы. Наши едино-*

верцы не должны верить этому, потому что не изменились ни законы, ни устройства компании, ни ее английские служащие, ни генерал-губернатор, ни судейские чиновники».

Второе. *«В манифесте говорилось, что договоры и соглашения, заключенные компанией, будут признаны королевой... Компания захватила весь Хиндустан, и если все ее соглашения будут признаны, то что же изменится?»*

Далее княгиня приводит массу примеров, когда англичане обещали не посягать на княжества, но обещания свои не сдерживали.

Попутно заметим, что в 1891 г. англичане объявили, что прощают преступления Бирджис Кадару и он вернулся на родину, но в 1894 г. он и его дети были отравлены.

«... в манифесте говорится, что они не хотят расширения своих владений, и тем не менее они не могут удержаться от захватов. Если ее величество взяла управление в свои руки, то почему она не возвращает нам нашу страну, раз этого хочет народ?»

Третье. *«В манифесте говорится, что христианская религия – религия истинная, но никакое вероисповедание не будет подвергаться гонению и что законы будут соблюдаться в отношении всех».*

«Но, – негодовала княгиня, – под предлогом возведения дорог разрушаются мусульманские и индуские храмы, строятся церкви, рассылаются священники, проповедующие христианство на улицах и переулках... в то время когда индуские и мусульманские храмы находятся в совершенном запустении, – как при всем этом народ может поверить, что в его религию не будут вмешиваться? Восстание началось из-за религии, и ради нее погибли миллионы людей. Пусть наши подданные знают: у тысячи людей на северо-западе отняли их религию, и они предпочли виселицу отказу от своей веры».

Четвертое. Королева считала, что обещания сохранить жизнь участникам восстания лживо, т.к. в Обращении ясно сказано, *«что после рассмотрения их действий им будет назначено наказание,*

что все будут помилованы, кроме убийц и их пособников, которым не будет оказано никакого снисхождения. Даже глупцу видно, что в соответствии с манифестом не может спастись ни виноватый, ни невинный. Они ясно написали, что не помилуют никого, замешанного в мятеже».

Пятое. В конце Манифеста она обратила внимание на заявление англичан об их планах в целях «улучшения условий жизни народа» «производить общественные работы (строительство дорог и каналов)». *Задумайтесь над этим обещанием – и вы увидите, что они не обещают индусам ничего лучшего, как занять их на строительстве дорог и каналов... Так пусть же ни один подданный не будет обманут этим манифестом», – возмущалась Хазрат Махал.*

В обращении королевы Виктории **примечательно** то, что она фактически признала *порочность прежнего правления*, связывая его с деятельностью отдельных личностей.

«Мы знаем о привязанности, которую питает коренное население Индии к земле, унаследованной им от предков, и уважаем это их чувство; мы желаем защитить все его права на землю при условии, что будут в равной мере соблюдены интересы государства; мы желаем также, чтобы при установлении и проведении в жизнь новых законов уделялось должное внимание древним правам и обычаям Индии».

Виктория поддержала политику Каннинга и распространила основные положения его Прокламации не только на участников восстания в Ауде, но и на всех прочих:

«Наше милосердие распространяется на всех преступников, за исключением тех, кто был или будет признан виновником в том, что принимал непосредственное участие в убийствах британских подданных... Тем, кто добровольно давал убежище убийцам, зная об этом, кто руководил бунтом или подстрекал к нему, может

быть гарантировано только сохранение жизни, но при определенных меры наказания этих лиц будут приняты во внимание обстоятельства, заставившие их нарушить верность; большая снисходительность будет проявлена по отношению к тем, чьи преступления могут рассматриваться как вызванные тем, что они легковерно поверили лживым сообщениям, которые распространялись зачинщиками мятежа.

Всем остальным принимавшим участие в восстании против правительства, мы настоящим обещаем безусловное прощение, амнистию и забвение всех преступлений, совершенных против нас, нашей короны и титула, как только они возвратятся домой, и займутся мирными делами».

Реформирование управления Индией началось с её **административно-территориального деления**. Вся страна делилась на «*Британскую Индию*» и «*Туземные государства*», административное управление состояло из *трёх уровней*: имперское правительство в Лондоне, центральное в Калькутте, правительства провинций.

- **Управление Индией** Виктория передавала *вице-королю Индии*, при котором создавался Совет из пяти человек.
- **Создано** также *Правительство страны*.
- **Вице-королем был назначен Ч.Д. Каннинг**, который провозгласил религиозную терпимость и намерение «*допустить своих подданных, какой бы национальности они не были, к исполнению всяких должностей, насколько им это позволяет образование и способности*».

Действия Каннинга привели к тому, что в Индии *начала формироваться новая социальная группа, выражаясь современным языком, «белых воротничков»* – образованных управленцев, на что было направлено и *создание университетов* в Калькутте, Мадрасе, Бомбее.

- **И, наконец, был принят ряд законов по нормализации земельных отношений.** В том числе **Закон** закреплял право собственности землевладельцев на их наделы; **Закон, сбалансировавший арендные отношения** между крестьянами и заминдарами и **ограничивавший произвол заминдаров.**

«Акт о лучшем управлении Индией» и Обращение королевы Виктории означали, что с 1858 г. Англия становилась сувереном Индии с опорой в управлении на традиционные институты, что получило название *British Raj* – "Британский Радж" (Британское правление)».

Заключительная лекция

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МАССОВЫХ ДВИЖЕНИЙ НАРОДОВ АЗИИ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

Подъем массовых движений народов Азии в первой половине и середине XIX в. был вызван активизацией колониальной политики капиталистических стран, которая стала мощнейшим внешним фактором, определявшим социально-экономическое и политическое положение в колонизируемых странах, отразившимся на развитии политической ситуации в них.

- В Китае антиколониальные движения распространились лишь в *некоторых районах побережья*, где было ощутимо присутствие европейцев.

- ✓ В районах, где господствовали цинские порядки, развивались *антиманьчжурские движения*. Не случайно наиболее значительные события там были связаны с войной тайпинов и восстаниями под руководством тайных обществ, которые имели явно антицинскую направленность.

- В Индии, утратившей самостоятельность, *острие борьбы* было направлено против английского господства.

Таким образом, поток массовых движений четко *распадался на антиправительственные и антиколониальные* в зависимости от того, кто зримо представал перед массами в качестве угнетателя – местные правящие круги или колонизаторы.

Массовые движения народов Азии были отчаянной попыткой **саморегуляции** общества. **Ни в Китае, ни в Индии**, ни в других странах *не было осознанного отношения к кардинальным проблемам общественного развития и к реальным путям его изменения*.

Причина заключалась в *неразвитости общественного сознания*, выраставшего на соответствовавшей ему **исторической ступени зрелости**, на которой находились народы Азии.

Борьбу народов Азии того времени **типологически принято выделять** в особый *«феодальный этап»* национально-освободительного движения. Однако т.н. антифеодальные и антиколониальные движения анализировались исследователями *каждое в отдельности, в то время как все массовые движения данного этапа имели общие исходные принципы, а каждое из них порождалось той или иной проблемой общественного развития и в каждом из них проявлялась та или иная черта общественного сознания.*

Изолированное исследование антифеодальных и антиколониальных движений *усложняет и обедняет понимание* внутренних процессов в социальной сфере азиатских стран. **К примеру,** отдельные ученые стремятся увидеть в массовых движениях *«феодального этапа» предпосылку переустройства общества на буржуазных началах, приписать антиколониальным движениям антифеодальные черты, и наоборот – антифеодальным движениям антиколониальные черты.*

Избавиться от некоторых стереотипов в восприятии общественных форм движения в Азии позволяет исследование идеологии традиционного восточного общества и массовых движений. Программные установки тайпинов и восстания 1857–1859 гг. в Индии представляются в этой связи интересным историческим материалом.

К вопросам их идеологии исследователи обращались достаточно часто. **Однако** такая работа касалась, как правило, **либо** идеологии отдельных антифеодальных, **либо** отдельных антиколониальных движений. Попытка обобщений предпринималась, пожалуй, лишь в рамках концепции *«феодального национализма»*, но и в этом случае данная идеология выступала, порой, *не как самостоятельный предмет изучения, а как производное от анализа буржуазного национализма.*

- **В 1967 г.** была опубликована книга **«Века неравной борьбы»**, где давалась периодизация национально-освободительного движения в Азии и Африке.

События первой половины и середины XIX в. (восстание Дипонегоро в Индонезии, восстание 1857—1859 гг. в Индии и др.) авторы книги *отнесли к «феодалному этапу» борьбы народов Азии. Затем, по их мнению, в содержании борьбы наметилось перерастание от феодальных форм и методов к буржуазным, после чего борьба обрела собственно буржуазный характер, что ознаменовало начало ее нового этапа.*

✓ *Очевидно, что ранние этапы не могут быть названы национально-освободительными в строгом смысле этого слова, ибо в то время в странах Азии нации еще не сложились.*

✓ *Но бесспорно и то, что массовые движения способствовали этническому сплочению населения стран, осознанию ими общности интересов в антиколониальной (и антифеодальной) борьбе, росту патриотических настроений.*

Таким образом, на феодальном этапе борьбы народов Азии обнаруживается *предтеча национального движения.*

- **В 70-е – начале 80-х годов** увидели свет монографии и сборники статей, в написании которых активное участие приняли известные в то время ученые, которые построили свою *концепцию генезиса идеологии национализма.*

Термин «феодалный национализм» утвердился тогда в литературе достаточно прочно, *однако не все ученые считали его верным, поэтому вопрос о трактовке понятия «национализм» и границах его применения требовал дальнейшего уточнения.*

✓ *Одной из первых работ, где была предпринята попытка обобщить имевшиеся знания об идеологии национализма стала опубликованная в 1973 г. книга «Зарождение идеологии национально-освободительного движения (XIX – начало XX в.). Очерки по истории общественной мысли народов Востока». Авторы отстаивали точку зрения, при которой в доколониальный период в странах Азии начали складываться «феодалные общественно-политические воззрения, касающиеся государственной самостоятельности*

и единства, а также идейные течения, отражавшие утопические социальные идеалы широких масс». С началом же колониальной агрессии приверженность к традиционным институтам, ставшим символами независимости, усилилась, поэтому крестьянским движениям была присуща идеализация старых доколониальных порядков. Вторжение колонизаторов выдвинуло на первый план стремление масс к сохранению и упрочению независимости, определило и возникновение идеологии освободительного движения, которая, как писали авторы книги, формировалась под влиянием «феодалного национализма».

✓ По мнению известных учёных Л.Р. Полонской и Е.В. Паевской, «феодалный национализм» содержал представления о необходимости защитить свою страну, привычный образ жизни и традиционные институты и призвал к единению во имя этого». Авторы отмечали, что данная идеология отрицала «всякие новые веяния, способные поколебать незыблемость феодальных порядков и религиозных догматов, освящавших эти порядки».

✓ В других публикациях утверждалось о правомерности применения понятия «национализм» к добуржуазному обществу, т.к. «не только поднимающаяся буржуазия, но и феодалы использовали национальный момент для упрочения своего господствующего положения».

Таким образом, отчетливо прозвучала мысль о «феодалном национализме» («добуржуазном национализме») как орудии в руках феодалов.

«При этом, – писала Л.Р. Полонская, – чем слабее было осознание отдельными социальными слоями своих классовых интересов, тем легче они воспринимали национальные идеи в трактовке другого класса, идеологически более развитого».

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что у народов Азии представления об этнической общности «в значительной степени были обращены не в будущее, а в прошлое» (Л.Р. Полонская).

• В коллективной монографии «Современный национализм и общественное развитие зарубежного Востока» (1978 г.) обращает на себя внимание глава, написанная Н.А. Симония, т.к. он не обнаруживает национализма в до-буржуазном обществе и считает его «закономерным следствием тех общественных сдвигов, которые были вызваны экспортом капитала и зарождением первых ростков капиталистических производственных отношений в странах Востока», т.е. речь идет о последней трети XIX в.

Автор не исключает возможности появления тех или иных воззрений, которые содержали элементы национализма. Однако, по его мнению, это еще не означало формирования общественной идеологии. Он писал по этому поводу, что «индивидуальные взгляды или заимствованные теории должны стать выражением местных общественных воззрений и представлений, то есть получить признание среди довольно широких кругов населения».

Для характеристики ситуации, сложившейся в странах Азии до появления капитализма, он использовал понятие «антифоринизм» (от англ. слова foreign – иностранный). Данное понятие заимствованно у японского ученого Тояма Сигеки и выражает активное противодействие чужеземному вмешательству и господству.

«Антифоринизм, – в понимании автора, – это движение, нацеленное на полное изгнание чужеземцев и базировавшееся на этноцентристском восприятии окружающего мира (а в некоторых случаях – сознании собственного превосходства и исключительности). Такие движения возглавлялись в подавляющем большинстве случаев представителями традиционных господствующих слоев, движущими силами их выступали традиционалистски настроенные массы трудящихся, а главной целью их было сохранение и упрочение традиционных общественных отношений».

• С начала 80-х годов Л.Р. Полонская и А.Х. Вафа уточнили концепцию национализма в книге «Восток: идеи и идеологии (критика буржуазных и мелкобуржуазных концепций "третьего пути" развития)» и сборнике статей «Актуальные

проблемы идеологии национально-освободительного движения в странах Азии и Африки».

«Конечно, – писала Л.Р. Полонская, – когда мы говорим о „феодалном национализме“, то речь идет не о национализме в точном смысле слова (поэтому сам термин и берется в кавычки), а о той ступени формирования этнического и антиколониального самосознания, когда претворение в жизнь освободительных идеалов и этническая консолидация связывались с сильной монархической властью и укреплением централизованного феодального государства».

Насколько реальны были данные стремления?

Ответ на этот вопрос находим у Р.А. Ульяновского в статье **«Наследие Карла Маркса и современное национально-освободительное движение».**

В ней автор, анализируя **позицию Маркса и Энгельса** в отношении борьбы народов зависимых стран, пришел к выводу, что они *«понимали бесперспективность „феодалного национализма“, лишеного будущего и не способного выстоять в борьбе с колониальным капитализмом».*

Приведенные выводы представляют *значительный интерес* для понимания существа рассматриваемых нами проблем. Исторический опыт борьбы стран Азии *подтвердил утверждения о том, что правившие* круги восточных стран оказались *неспособными* победно противостоять натиску европейцев и *сохранить* традиционное общество. *Не помогло* и участие широких масс в борьбе на том этапе.

Характерно, что взгляды, присущие участникам антиколониальной борьбы, были специфическим выражением более широких мировоззренческих понятий. В этом убеждаешься при сравнении идеологии «феодалного национализма» с лозунгами руководителей т.н. антифеодалных движений.

К примеру, тайпинам тоже были свойственны *идеализация прошлого и утопизм идей переустройства общества; ориентация* этих идей не в будущее, а в прошлое; *стремление* к созданию сильного государства без вмешательства чужеземцев; *царистская идея; религиозное* оформление программы борьбы; *участие* в движении местных правителей, недовольных цинами и т. д.

Вопрос заключался в существовании стоявших перед странами Азии проблем, вызывавшихся *кризисными* явлениями в традиционных отношениях и *колониальной агрессией,* а главное – их взаимосвязью. Этого-то массы в то время *не понимали и не осознавали,* что социальное переустройство общества без изгнания колонизаторов *невозможно.* Такая черта сознания борющихся масс Китая являлась *важнейшим тормозом* их стремления к преодолению пороков в обществе.

В этой связи интересен анализ Энгельсом патриотического движения на побережье Китая.

- В его статье **«Персия и Китай»** содержатся размышления о перспективах такой борьбы, и **сделан прогноз** о том, что, *если антианглийское движение не распространится на внутренние районы Китая, то оно ни к чему не приведет.* При этом **Энгельс отмечал,** что *названное движение охватывает только провинции,* не примкнувшие к тайпинам, которые, **по его мнению,** англичанам не следовало в сложившихся условиях восстанавливать против себя.

«В то же время, – писал он, – война (на побережье. – В.О.) станет для англичан чрезвычайно опасной, если фанатизм охватит население внутренних областей».

- **Логика рассуждений Энгельса** такова, что читатель невольно ожидает их продолжения и вывода *о необходимости соединения «фанатизма»* антианглийских выступлений по мере расширения их географии с *«фанатизмом»* тайпинов. Но подобный вывод здесь и в других работах Маркса и Энгельса *отсутствует.*

И не случайно. В целом очень сдержанный, а порой и критический их взгляд на массовые движения в Китае свидетельствует о понимании ими *ограниченности этих движений и их неспособности выдвинуть позитивную программу объединения всех недовольных масс Китая.*

В силу сказанного **можно сделать вывод**, что *идеология тайпинов смыкалась с идеологией «феодалного национализма» в единую систему идеологии «феодалного общества».*

Поэтому прав был В.П. Илюшечкин, когда выступал против *упрощенного подхода* к оценке крестьянских восстаний в старом Китае. Он имел в виду *абсолютизацию «различия между идеологией феодалных крестьян и идеологией господствующего класса»*, взгляд на них как на независимые и противостоящие друг другу и характеризуемые как *феодалная* (идеология господствующего класса) и *антифеодалная* (идеология крестьян-повстанцев)».

Несостоятельность этой позиции, по мнению учёного, заключается в том, что ее сторонники *отрывают идеологию от феодалного базиса, который ее порождает.* Поскольку классы феодалного общества взаимосвязаны и взаимообусловлены, можно говорить и об общности *их идеологических установок.*

«Иначе говоря, – резюмировал В. П. Илюшечкин, – применительно к феодалному обществу до зарождения в нем буржуазной идеологии можно говорить о единой феодалной (например, конфуцианской) идеологии, которая связана целиком с производственными отношениями феодалного общества и в которой различаются те или иные течения и оттенки, отображающие сущность этих отношений с точки зрения соответствующих классов, сословий и прослоек указанного общества».

Применительно к борьбе народов Азии в первой половине и середине XIX в. есть основания говорить в целом об **идеологии массовых движений**, т. е. идеологии, в которой отражался тип сознания, присущий феодалному обществу Азии. Такой подход позволяет *акцентировать внимание на взаимосвязи причин и истоков антиколониальных и антифеодалных движений, их общую ограниченность.*

• **Понятие «идеология феодального общества»** побуждает к *комплексному анализу* различных направлений борьбы, а «*феодальный национализм*» (*антифоринизм*) правильнее рассматривать как *составную часть и особое направление* в идеологии добуржуазного восточного общества.

• **Использование термина «массовые движения»**, включающего в себя оба названных направления борьбы и подразумевающего необходимость их соединения, *представляется целесообразным* потому, что антиколониальные движения первой половины XIX в. отличались от освободительных движений на более поздних этапах тем, что они преследовали цель вернуть доколониальные порядки.

При этом понятие «антифеодальные движения» следует использовать в *ограниченном смысле*.

Идеология феодального общества была исторически ограничена и во многом отождествлена от реальной жизни. Носители этой идеологии питали монархистские иллюзии, а сама идеология облекалась в религиозную форму. *Религиозное начало являлось особенностью феодального этапа в развитии массовых движений, проистекавшей из религиозного стиля мышления народов Азии.*

С учетом сказанного **социальный смысл идеологии антифеодальных и антиколониальных движений** первой половины и середины XIX в. заключался в стремлении масс *уничтожить те или иные факторы*, вызывавшие кризисное состояние общества, которое объективно само и предопределяло возникновение массовых движений, как *средство саморегуляции*.

Господствовавшая в Китае конфуцианская философия впитала в себя это явление и выражала его как *законное право народа свергать правившие группы*, которые не заботятся о его благе и нарушают традиционные нормы взаимодействия государства и общества. В том или ином виде это проявлялось и у других народов.

• **В Иране** ожидалось появление имама Махди в тот момент, когда жизнь переполнится несправедливостями. На данной основе в условиях нарастания кризисных явлений возникло *движение бабидов*. Его **основоположник Али-Мухаммад Баб**

считал, что всякая религия предназначена для какого-то определенного периода времени, с изменением условий общественной жизни ему на смену идет новое. Взамен Корана, освящавшего существовавшие в Иране порядки, он выдвинул **Беян** (откровение), идеи которого были призваны оздоровить общество.

• **В странах, находившихся в колониальной зависимости,** обнаруживается однотипное явление. К середине XIX в. в Индии стали ощутимы плоды английского господства – разрушение традиционного общества. Не желая принять новых начал в организации социально-экономической и культурной жизни, население Британской Индии восстало. **Та же логика развития событий обнаруживается на Яве в 1825–1830 гг. во время восстания Дипонегоро.**

Ориентация массовых движений на снятие кризисных явлений в условиях размытой социально-классовой структуры общества ослабляла развитие классовых антагонизмов и усиливала бесперспективность достижения их эгалитарных целей. Вместе с тем распространение «антикризисной» идеологии привело в ряде стран Азии в первой половине и середине XIX в. к такой организации борьбы, которая стала последней попыткой реанимации и обновления старого восточного общества в них. Антифеодальные и антиколониальные движения хотя и были разобщены, но они готовили почву для будущих политических движений, идеологией которых станет буржуазный национализм.

Учебное издание

Валерий Иванович Овсянников

**МАССОВЫЕ ДВИЖЕНИЯ НАРОДОВ АЗИИ:
ПОИСК БУДУЩЕГО В ПРОШЛОМ
(СЕРЕДИНА XIX В.)**

Курс лекций

Рецензенты: А.М. Родригес, И.Г. Жиряков

Редактор: А.А. Алексеева

Вёрстка: Ю.В. Балашова

Дизайн обложки и компьютерное сопровождение: А.А. Рукина

Контакты: ovvaler@yandex.ru

Подписано в печать: 12.09.2015 г.
Объем 14,25 п.л.

Формат 60x90 1/16
Тираж 500 экз.